

Михаил Петров

М Е Т Е Л И Н К И

Издание второе, существенно дополненное,
приуроченное к 110 годовщине выхода в свет «Громокипящего кубка».

Таллинн. 2023

© Michael Petrov. petrov@infonet.ee

В оформлении обложки использованы рисунки Д.Митрохина к изданию: Игорь-Северянин. «За струнной изгородью лиры». Москва, 1918.

От автора

Образ *метелинки* я подсмотрел у Бориса Пильняка. Короткая эта повестушка в 1923 году вышла в Берлине в издательстве «Огоньки», потом она главой попала в роман «Голодный год». Невзрачную книжицу *in quarto*, завалившуюся в тойласком мусоре, презентовала мне племянница Игоря-Северянина Нина Георгиевна Аршас. Спас от растопки, сложил, прошил, подклеил корешок и... забыл надолго.

А потом книжица нашлась, причём очень вовремя, чтобы понять, что вообще-то она из личной библиотеки Игоря-Северянина. Полагаю, поэт привёз её из Берлина в мае 1925 года. Наверняка, это был подарок от кого-то из берлинских знакомых, потому что в мае 1925 году купить «Метелинку» в магазине или с книжного склада «Петрополис» было просто невозможно — мизерный тираж давно разошёлся.

* * *

«Синий мрак. Но вот кто-то зашевелился в поле у суходола, и между размётанных ёлочек побежала, закружилась — одна метеленка, другая, — и исчезли, умерли. Кто-то с севера стал надвигать тёмную мутную рукавицу на звёзды. Опять побежали метелинки — одна, две, пять. Две метелинки встретились, спутались шлейфами, зашептались, слились и умерли. Метеленкам ответил лес, — в лесу закричало, в строгом менуэте качнулись сосны, затрещали и посыпались прошлогодние ветки. И опять безмолвие. И опять закружились, побежали метелинки — одна, две, сотни, — нарождаясь, умирая. Сосны склонили вершины перед новым менуэтом. Закричало, зазвенело, завывло. Мутная небесная рукавица сыпала крупу. Метеленки спутались, метелинки побежали в поле, — мириады метеленок.

И метель. Рождённые метелью мёртвые метелинки неслись тысячи вёрст, над полями, над лесами, над реками, над городами, умирая, умирая, умирая в стоне, гоготе, крике и плаче».

Снежинки-метелинки — без них никакая метель не метель, вьюга не вьюга, пурга не пурга. Метелинка либо потеряется в мириаде других снежинок, либо, попав на тёплую ладонь растает, не успев поделиться своим кружевным секретом.

Вот так и жизнь человека — мириад метелинок, если не сохранить, растают без следа.

Эти метелинки — короткие сюжеты из жизни Игоря-Северянина, которые бывает сложно соотнести с конкретными главами официальной биографии поэта. Иногда — это сюжеты, к которым сам поэт имеет косвенное отношение, но без его незримого участия они, что называется, не звучат. Бывает, что истории близки к анекдоту. И в самом деле, что наша жизнь, как не собрание анекдотов? Порой

смешных, порой грустных, порой мрачных, полных чёрного юмора, а порой очень даже скверных. И эти все эти анекдоты тоже метелинки.

Закон майората или последний Кот в сапогах

Чтобы лучше понять место Игоря-Северянина в плеяде Серебряного века русской поэзии, обратимся к Уильяму Шекспиру.

Зрители шекспировского «Глобуса» едва ли испытывали больше симпатий к наследному принцу, чем к его дяде Клавдию. По закону майората, титул и все имущество семьи наследуют старшие сыновья. Младшие пополняют ряды *лузеров* средневековья — странствующих рыцарей, благородных разбойников и менестрелей.

Младшему из братьев в королевской семье внезапно повезло. Именно повезло, потому что про обдуманное убийство короля мы знаем только из показаний весьма ненадёжного источника. Но одного везения мало — муж королевы ещё не король. Между мужем и тронном стоит законный наследник. Пока Гамлет стоит между дядей и королевским тронном, он обречён на смерть. Это и есть подлинный стержень интриги, который приводит к кровавой развязке.

Так сколько было котом в сапогах среди зрителей «Глобуса»? Они отлично знали кому следует сочувствовать по закону и кому, по справедливости.

Посмертная трагедия Игоря-Северянина состоит в том, что он тоже младший брат среди детей Серебряного века. Славу Державина и Пушкина по жестокому закону века наследовали старшие братья — Александр Блок, Валерий Брюсов, Федор Сологуб, Константин Бальмонт, Николай Гумилев и даже Владимир Маяковский с Борисом Пастернаком, что само по себе достойно удивления.

Игорь-Северянин всегда оставался младшим, хотя и дерзнул однажды назвать Брюсова *неким равным государем*. Полагаю, Брюсова смущало такое равенство, а самого Игоря раздражало безысходное положение младшего в семье. Не в этой ли безысходности следует искать корни его эпатажного поведения *a'la enfant terrible*? Как бы там ни было, но закон майората сыграл с поэтом злую шутку, отведя ему роль не младшего брата даже, а последнего кота в сапогах. Шутка оказалась удачной: умный кот всего добился сам.

Метаморфозы цвета

В мотивациях Игоря-Северянина цвет, запах и вкус всегда играли важную роль. Его ранние поэмы дразнят взгляд цветами, благоухают экзотическими запахами и удивляют разнообразием вкуса. Юный поэт удивлял общество фиолетовым окрасом и шокирующими парфюмерно-будуарными запахами. Для самого же поэта жизнь была нежных преимущественно сиреневых оттенков с лёгким же запахом сирени и привкусом экзотического *Crème des Violettes*.

В эмиграции произошла метаморфоза: для советской России поэт выцвел до бела, а в эмиграции порозовел до раздражающего оттенка *большевизан*. Для самого поэта жизнь пахла ужасающей нищетой — ветхой одеждой, дешёвым табаком, сырыми картофелем и рыбным приварком.

Посмертные метаморфозы цвета в СССР были таковы: бесцветная и бесплотная субстанция постепенно сгустилась и вновь приобрела розовый оттенок. Я и сам приложил руку к сгущению и окрасу, потому что даже в агонизирующем Союзе пропагандировать творчество Игоря-Северянина можно было лишь с соблюдением проформы. Как ни крутись, а ведь Игорь Васильевич сподобился стать родоначальником поэтической *ленинианы* в русской и советской поэзии.

Слава Богу, сегодня к стихам Игоря-Северянина постепенно возвращается их настоящий цвет, запах и даже вкус.

О везении (фатуме)

Игорю-Северянину не повезло в том смысле, что *пуля-дура не в того угодила*, а досталась Гумилеву.

А повезло в том, что не угодил в горнило гражданской войны, что не шлёпнули в крымской *чрезвычайке* у Землячки и Бела Куна, что все пароходы ушли в эмиграцию без него. Повезло, что на родине он не оказался среди *попутчиков* или как Маяковский при жизни по ту сторону литературных траншей, а после смерти по эту. Повезло, что не гостевал в «Англетере» и не мылил петли в Елабуге.

Игорю-Северянину повезло не дожить до Постановления ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград». И много ещё всяких литературных напастей прошли мимо него, вместе с хрестоматийным глянцем.

Но зато Игорю-Северянину повезло остаться самим собой и умереть почти в своей постели, хоть и не без приключений.

Мифотворцы

Мифология вокруг Игоря-Северянина начала складываться довольно рано, и поначалу ему самому это нравилось: «*Первая*», «*Тринадцатая и, значит, последняя*», многочисленные поклонницы, эпигоны, которые смотрят прямо в рот... Однако пришли другие времена.

По части сочинения мифов ещё при жизни поэта отличилась его последняя гражданская жена Вера Борисовна Коренди, урождённая Запольская. Вера Борисовна была рядом последние шесть лет его жизни. При условии достоверности — каждое слово могло быть на вес золота.

Вера Борисовна придумала красивую историю о том, как вместе с поэтом плавала на лодке по Россони к эстонско-советской границе. У колючей проволоки поэт просил советского пограничника отвернуться и бросал в воду букет полевых цветов, который течением относило на российскую сторону. История прижилась и теперь кочует из предисловия в предисловие. Однако вопрос: сколько таких лопухов, отвернувшихся от потенциального нарушителя границы, попало под военный трибунал?

География всегда была слабым местом русского интеллигента, путешествовавшего в основном из Петербурга в Москву, да и то на извозчике. Для филологов советской формации география и вовсе стала слабым местом в образовании.

С лёгкой руки Веры Коренди Россонь — протока между реками Лугой и Наровой — впадает теперь прямоком в Балтийское море. Это утверждение кочует из одного издания в другое, от одного «филолога» к другому. В «Словаре поэтов русского зарубежья» под общей редакцией Вадима Крейда и вовсе утверждается, что деревня Тойла расположена на «реке Россоне», хотя в действительности Тойла приставлен к реке Пюхайги (Святая река) и его отделяет от Россони более 30 километров. Пюхайги — непроходимое для «филологов» географическое название.

Славную историю сочинил для журнала «Москва» некто Григорий Петров:

«Июльским днём 1940 года группа советских солдат вошла в небольшой эстонский поселок Усть-Нарову. Навстречу красноармейцам из маленького домика, увитого рыбацкими сетями, вышел высокий немолодой человек; ветер трепал его седеющие волосы, срывал набегающие на глаза слезы. От переполнявших чувств человек этот не мог сказать ни слова — он только восторженно размахивал руками, приглашая войти к себе в дом.

— Я русский поэт Игорь Северянин, теперь эстонский рыбак. (...)

Красноармейцы сообщили Северянину, с какой миссией они пришли: Эстония будет советской республикой».

В Усть-Нарве поэт снимал квартиру в двухэтажном доме сестёр Аннус, старшая из которых Милли держала парикмахерскую. В посёлке говорили «пошёл стричься к Милли» или «пошёл бриться к Милли». Увитая рыбацкими сетями парикмахерская — это явное преувеличение, тем более, что Игорь-Северянин сетей не признавал и на рыбалку ходил только с мюнхенской удочкой, которой очень дорожил.

Menneis 2. Mielin päin

TALLINNA LINNA
PEREKONNASEISUAMET

Tallinn, Pikk tänn. 6
Telef. { 479-52
432-15

SURMATEATIS

(Väljendite Tallinna Linna surmaregistril kõide *nr. 427* akt nr. *Jeer. 19. 41.*)

22. detsembri 19*41* suri *Tallinnas*
Lotarev, Igor

Sünniaeg *16. mail 1887* Sünnikoht *Penemaal*

Surma põhjus: *üdamerike*

Teatist antud eritamisena matmisel

Tallinnas, *22. det.* 19*41*

V. Einik
Perekonnaseisumetnik

L.S.B 146. X 41. 3000. Tallinnä Linna Tr. (2094).

Дату смерти поэта путала даже его последняя гражданская жена, что уж тут говорить о литературоведах и писателях предисловий, списывающих друг у друга! Одни утверждают, что Игорь-Северянин умер 21 декабря, другие полагают, что 22 декабря 1941 года. Выпущавшийся в Москве «Русский вестник» поместил к 50-летию со дня смерти поэта 22 декабря небольшую подборку материалов, снабдив редакционной припиской: «*Авторы несут ответственность за достоверность фактов*». Продливший поэту жизнь на два дня Владимир Греков сообщил читателю, что Игорь-Северянин умер непонятым. Непонятой оказалась опубликованная Рейном Круусом справка о смерти поэта, в которой указано, что она была выдана 22 декабря 1941 года.

Некто Банникова, председательствовавшая в северянинском обществе, утверждала, что поэт «*умер полный творческих сил, планов и надежд*», хотя известно, что уже с конца сентября 1941 года Игорь-Северянин лежал без движения и почти не говорил. Какие уж тут надежды и творческие планы!

Между тем поэт умер в Таллинне (энциклопедия «Писатели русского зарубежья» утверждает, что в Усть-Нарве) 20 декабря 1941 года около 11 часов утра и похоронен на центральной аллее Александро-Невского кладбища, ныне Siselinna kalmistu.

Писатели предисловий

Без личного к себе отношения поэзия мертва, мертвы и поэты. Помню, как на вечере в ЦДЛ, посвящённом 90-летию со дня рождения Марины Цветаевой, Давид Самойлов грустно сказал:

— Я пришёл с параллельного вечера в Доме актёра. Мне бы не хотелось повторяться. Могу сказать вам одно — печально, что мы, в который раз чествуем мёртвого поэта.

В зале было слышно, как муха пролетит. Самойлов повернулся и ушёл за кулисы, и никто его не остановил. С его уходом торжественный вечер покатился под откос. Было заметно, что выступающие тяготились упрёком Самойлова.

23 февраля 1990 года в таллинском драматическом театре был назначен творческий вечер, посвящённый Борису Пастернаку. Местный поэт Андрей Танцырев потянул меня за рукав:

— Там наверху опять будут убивать поэзию. Айда, Петрович, в буфет!

Мы пошли в буфет, а уже в первом отделении Давиду Самойлову стало плохо, и он умер практически за кулисами. Самойлов был прав: у нас чествуют только мёртвых поэтов.

В обиходе процветают довольно дикие слухи о поэтах, легенды, мифы и откровенные сплетни об их личной жизни и творчестве, запущенные в литературный оборот недобросовестными публикаторами. Я нашёл для них точное определение: «писатели предисловий». Такой «писатель», часто остепенённый маститый, охотно пишет любое предисловие, пользуясь десятком уже опубликованных, не забывая кое-что прибавить от себя. В результате получается нечто, в чём нет ни личного отношения автора — души, если хотите, нет и правды.

Количество «писателей», паразитирующих на Игоре-Северянине, исчисляется уже десятками. По счастью во вранье, навороженном пудами, злой умысел встречается крайне редко — большей частью хлестаковщина. К писателям профессионалам тесно примыкают любители-графоманы, *интересующиеся поэзией в порядке сильного хобби*. Последние соревнуются по части восторгов — чей окажется круче. Вот, например, «биографу» Игоря-Северянина Лазарю Городничкому показали сомнительный автограф:

«— Эти стихи Игорь подарил мне, — скромно проговорила она.

Мне показалось, что в меня выстрелили, и нахожусь я уже в нереальном мире...»

Об индивидуальности безумия

Константин Фофанов внушил молодому поэту Игорю Лотарёву идею личной творческой гениальности: ум поддается тиражированию, поэтому ум есть достояние толпы. Индивидуальностью обладает только безумие. Безумие иррационально, поэтому безумие и есть удел гения. В этом была какая-то своя логика, которую при всей её парадоксальности нельзя не признать за логику. На скрижалях основанной Игорем-Северяниным Академии Эго-Поэзии было начертано: *«Мысль до безумия. Безумие индивидуально»*. Отсюда эта знаменитая посылка *«я — гений»*, в чём

поэт не разрешал сомневаться никому.

Поэзия для Игоря-Северянина никогда не стояла на первом месте. Музыка (классическая опера), женщины, рыбалка, выпивка в компании — эти приоритеты часто и на разное время менялись местами, но поэзия как таковая никогда не была на первом месте долее того времени, которое было потребно для того, чтобы сложить на бумаге особенные слова в особенном порядке. Поэтому: *я — соловей: я без тенденций и без особой глубины, я так бессмысленно чудесен, что смысл склонился предо мной*. Помните, как гениально это у Пушкина: *пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...*

Соловей гениален изначально, по той простой причине, что он — соловей. Поэт гениален, потому что он — поэт, а не по какой-то иной причине, например, по причине его «выдающегося» творчества, оценённого современниками в качестве «гениального». Соловей на ветке выполняет своё предназначение: свободно поёт и в песне называет вещи своими именами. Он не нуждается в одобрении слушателей и равнодушен к критике. Предназначение поэта в мире, — это предназначение соловья: петь и в песне называть вещи своими именами, причём не просто называть, а именно давать им первоначальные названия.

Константин Фофанов был последним поэтом XIX века, пережившим его календарные рамки. Он не узнал, что массовое безумие тиражируется, и его вполне можно поставить на рациональную основу.

Прозёванный юбилей. Громокипящему кубку 110 лет

4 марта 1913 года (по старому стилю), т.е. 110 лет назад в Москве вышел в свет первый большой сборник стихов Игоря-Северянина «Громокипящий кубок». В этом поэтическом сборнике всё необычно — от устройства до судьбы.

В начале прошлого века — это было единственное поэтическое издание, которое всего-то за три года выдержало 10 изданий! Суммарный тираж превысил 31 тысячу экземпляров — абсолютный рекорд Серебряного века русской поэзии!

Одиннадцатое издание должно было состояться в Эстонии, но не случилось оказии. В комнате, где прощались с поэтом, *жена по совести* Вера Борисовна неосторожно выложила на этажерку несколько предметов, в том числе рукопись одиннадцатого издания. Жена перед Богом Фелисса подрезала раритет, поскольку считала, что имеет на него право. Вера Борисовна была в бешенстве.

В первом издании не было фронтисписа. Оно начиналось прямо с титула. На второй странице вместо фронтисписа, т.е. приличествующего случаю рисунка — указан адрес московской типографии Саблина. И лишь на третьей странице на месте титула — знаменитый эпитаф из Фёдора Тютчева:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смесь, на землю пролила.

Идея этого эпитафа принадлежит Фёдору Сологубу, предисловие которого помещено на 5 странице:

«Одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, лёгкий, радостный дар небес. Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны. (...)

Люблю стихи Игоря Северянина. Пусть мне говорят, что в них то или другое неверно с правилами пиитики, раздражает и дразнит, — что мне до этого! Стихи могут быть лучше или хуже, но самое значительное то, чтобы они мне понравились.

Я люблю их за их лёгкое, улыбчивое, вдохновенное происхождение. Люблю их потому, что они рождены в недрах дерзающей, пламенной волею упоенной души поэта. (...) Воля к свободному творче-

ству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и потому явление его — воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня. Стихи его, такие капризные, лёгкие, сверкающие и звенящие, льются потому, что переполнен громокипящий кубок в лёгких руках нечаянно наклонившей его ветреной Гебы, небожительницы смеющейся и щедрой. Засмотрелась на Зевесова орла, которого кормила, и льются из кубка вскипающие струи, и смеётся резвая, беспечно слушающая, как “весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом”»).

Между делом напомним, что это написано выпускником Петербургского учительского института молодому человеку, за плечами которого всего-то 4 класса (!) реального училища.

Мой экземпляр «кубка» добрался до Киева только к концу августа 1913 года, когда первое издание в количестве 1200 экземпляров уже перестало быть новостью, но меня это ничуть не огорчает — *habent sua fata libelli* — книги имеют свои судьбы. Мой «кубок» в том числе.

Два года спустя в издании Викентия Пашуканиса предисловие Сологуба исчезнет. На первой странице напечатают марку издательства. На четвертой и пятой страницах сразу два титула. На восьмой — знаменитый портрет автора работы Елены Лукиничны Мрозовской (фотографа двора его Высочества князя Черногорского, СПб, Невский, 20). В первой сотне экземпляров в роскошных переплётках из парчи и картонных футлярах на фронтисписе под фотографией помещён собственноручный автограф автора. Мой экземпляр роскошного издания тоже в парче с золотой нитью и на дорогой александрийской бумаге, но номером не вышел — 174-й из 500!

На девятой странице посвящение Марии Васильевне Волнянской — *всё моё творчество посвящено тринадцатой и значит последней*. Все знают про Злату, про Мадлэн, про Фелиссу, наконец, про Веру Борисовну, однако Мария Волнянская шесть лет была женой поэта и оказала влияние на его творчество не менее, а то и поболее прочих «муз». Я всё жду, что в литературоведении и в читательском признании ей, наконец, воздастся по заслугам.

На одиннадцатой странице знаменитое «Автопредисловие» — самооправдание гения перед читателями и критикой:

«Я — противник автопредисловий: моё дело — петь, дело критики и публики судить моё пение. (...) Мертворождённое сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно,— допускаю, даже уродливо,— я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно — моё!»

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ

ГРОМОКИПЯЩІЙ КУБОКЪ

ПОЭЗЫ

ПРЕДИСЛОВІЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА

К-ВО ГРИФЪ. МОСКВА.

Классика Серебряного века русской поэзии —
первое издание «Громокипящего кубка».

И только на тринадцатой странице — *ты скажешь, ветренная Геба...*

Если кратко, то история книги такова. В литературном салоне Фёдора Сологуба и его жены Анастасии Чеботаревской поэт познакомился с актрисой Лидией Рындиной. В салоне она считалась *американизированной дамой*. Рындина взялась быть проводником юного поэта в стане российской богемы. Однажды она даже попросила его ради рекламы стрелять в неё, но обязательно промахнуться. История получила огласку и Чеботаревская, отказала Рындиной в приёме, выставив её вон из салона. Игорь-Северянин настоял, чтобы Рындины вернули, потому что на неё у поэта были свои планы:

Читать тебе себя в лимонном будуаре,
Как яхту грёз, его приняв и полюбя...
Взамен неверных слов, взамен шаблонных арий,
Читать тебе себя.

Прочувствовать тебя в лиловом пеньюаре,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное, и сильным быть в ударе.

Увериться, что мир сосредоточен в паре:
Лишь в нас с тобой, лишь в нас! И только для тебя,
И только о тебе, венчая взор твой царий,
Читать тебе себя!

Рындина была второй женой издателя Сергея Соколова, первой женой которого была Нина Петровская. Та самая Петровская, которая в минуту помутнения рассудка стреляла в поэта Андрея Белого. Петровская и Соколов основали издательство «Гриф». Для Игоря-Северянина Рындина была кратчайшим способом возможно ближе подобраться к её мужу. И подобрался-таки шельмец!

Однажды Соколов заглянул к поэту в номер гостиницы и отобрал из вороха стихов, то что скоро стало «Громокипящим кубком». Признаем очевидное: случайный подбор стихов принадлежит Соколову, деление на разделы, включая знаменитое «Мороженое из сирени» принадлежит ему же. Соколов повинен в том, что в сборник попали скандальные поэты из «пролога и эпилога эгофутуризма», которым там не место и не попали другие, лирические, включая те, что были посвящены *«королеве, игравшей в башне замка Шопена»*. Последнее отчасти объясняет, почему имя Анны Воробьёвой — *Королевы и Северянки* десятилетиями было скрыто от читателей *кубка*.

Если бы не «Громокипящий кубок», выдержавший в «Гриффе» семь изданий, кто бы сегодня помнил о Соколове — поэте символистe Кречетове? Кто бы помнил, что Соколов вольноопределяющимся ушёл на Германскую войну, а затем стал одним из идеологов Белого движения? А так помнят, и не только специалисты по Серебряному веку.

Плагиат

Плохо, когда крадут мысли, забавно, когда вместе с мыслями крадут ошибки. Однажды я опубликовал записку Игоря-Северянина «История книги», в которой он сам подсчитал, что первая книга поэтa «Громокипящий кубок» вышла суммарным тиражом 34 348 экземпляров. Вскоре я заметил, что вслед за поэтом повторил арифметическую ошибку: правильно только 31 348, причём, если учесть 500 экз. I тома на александрийской бумаге в издании Пашуканиса, пропущенных поэтом. Потом мне на глаза попала статья Татьяны Соловьёвой в журнале «Отчизна» с той же самой ошибкой и другими не объявленными цитатами из моей публикации. Зам главного редактора С.Грибанов написал мне любезное письмо:

«Спасибо Вам за внимание к нашему журналу... Что же касается фактологических совпадений с Вашей публикацией в газете "Молодежь Эстонии", то я не вижу здесь ничего предосудительного. Многие, на что Вы обратили внимание, можно найти не только в Вашей статье, но и в энциклопедиях, справочниках и монографиях общего характера».

Прошла больше четверти века, и теперь кое-что из того, что я тогда пытался публиковать впервые, действительно стало достоянием энциклопедий, справочников и монографий общего характера. Кое-что, но отнюдь не все. Да и амбиций на приоритеты у меня поубавилось.

А тогда я утешился мыслью о том, что ободрала меня все же не чужбина, но отчизна.

Шурочка Домонтович — седьмая вода на киселе

Советского дипломата Александру Михайловну Коллонтай, урождённую Домонтович, часто называют среди родственников поэта. В советские времена, это было весьма лестное родство для изрядно порозовевшего поэта.

У Ивана Домонтовича был брат Алексей и трое сыновей: Константин — сенатор, Иван — гласный Санкт-Петербургской Думы, Георгий — генерал-лейтенант, инженер, строитель Адмиралтейства и Дворцового моста. Георгий Иванович вторым браком был женат на Наталии Степановне Шеншиной, родившей ему дочь Зою Георгиевну

Домонтович. После смерти Георгия Наталия Степановна вышла замуж за Василия Петровича Лотарева и родила ему сына Игоря.

Внучка Алексея Ивановича Домонтовича — дочь сына Михаила, урождённая Александра Михайловна Домонтович, в замужестве Коллонтай, приходилась Зое Домонтович троюродной сестрой. Кем она была для Игоря Васильевича, если в их жилах не было ни единой капли общей крови? Полагаю, что речь идёт о некровном родстве. Однако в письме самой Коллонтай находим иное упоминание родства:

«Вы помните Шурочку Домонтович, Вашу троюродную сестру, подругу Зюечки, теперь «страшную Коллонтай»?

Два раза в тёмные полосы моей жизни Ваше творчество вплеталось случайно в мою жизнь, заставляя по-новому звучать струны собственных переживаний. Проездом в Гельсингфорсе я на днях прочла Вашу поэму «Падающая стремнина». Прочла и задумалась. Сколько шевельнули Вы далёкого, знакомого, былого...

Я люблю Ваше творчество, но мне бы ужасно хотелось показать Вам ещё одну грань жизни — свет и тени тех неизмеримых высот, того бега в будущее, куда революция — эта великая мятежница — завлекла человечество. Именно Вы — поэт — не можете не полюбить её властного, жуткого и все же величаво-прекрасного, беспощадного, но могучего облика». (Христиания. 21 октября 1921 года)

За Лотарёва!

Василий Витальевич Шульгин, оставивший воспоминания о супругах Лотарёвых, так и не смог вспомнить настоящей фамилии Игоря-Северянина и обозначил его *Четвериковым*. В 1938 году на перроне вокзала в Тапа (Эстония) Игорь-Северянин встретился с нобелевским лауреатом Иваном Буниным.

— *Иван Алексеевич?*

— *Никто иной, как Игорь!*

Бунин запнулся, не сочтя возможным обратиться к коллеге, используя его псевдоним. Оказывается, он не помнил или не знал ни фамилии, ни отчества коллеги.

Краевед Евгений Кривошеев однажды записал со слов дочери поэта Валерии Игоревны Семёновой рассказ (увы, не авторизованный) о её родителях. В нём Валерия, как будто, называет мать *Золотарёвой*. Обаянию документа поддался даже весьма дотошный эстонский литературовед Рейн Круус.

В рассказе Семёновой чувствуется сильное влияние Веры Борисовны Коренди. Особенно в том, что касается негативного отношения к жене поэта Фелиссе Лотаревой. Валерия часто бывала в Тойла в доме отца, много общалась с Фелиссой и у неё не было никаких оснований характеризовать её с отрицательной стороны. Отца она любила и ласково называла его в письмах *Гогушкой*.

Валерия, будучи в 1913 году рождённой вне брака, могла быть записана только на фамилию матери — Семёнова. Валерия никогда не была замужем, и случая сменить фамилию матери ей не представилось. Единственное разумное объяснение её рассказу, которое я могу предложить, сводится к ошибке в прочтении рукописного текста или воспроизведении устного рассказа: словосочетание «за Лотарёва», например, во фразе «*Вышла замуж за Лотарёва*» в определённом контексте могло быть воспринято как фамилия «*Золотарёва*».

Игорь Лотарёв и российский флот

В начале романа Игоря-Северянина «Падучая стремнина» есть строки, относящиеся к лету 1905 года:

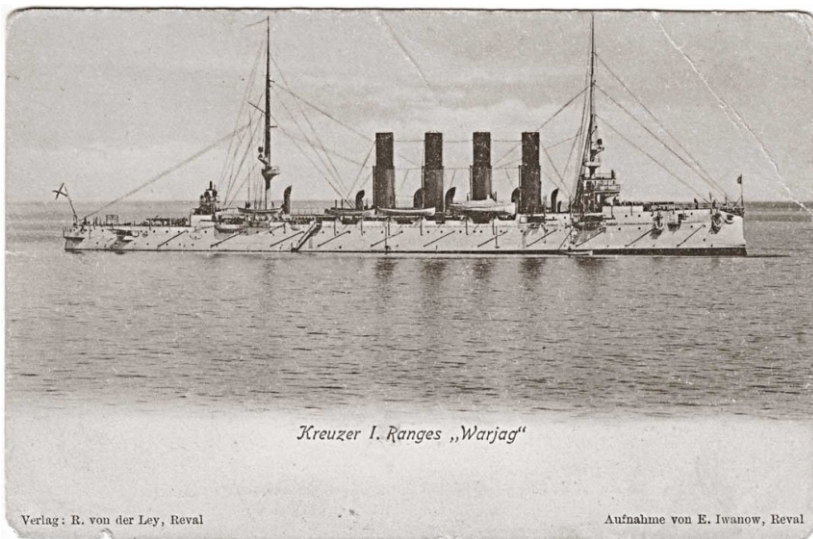
В год первой революции на дачу
Мы в Гатчину поехали. Весною
Произошла Цусима. Катастрофа
Нежданная совсем меня сразила:
В ту пору я большим был патриотом
И верил в мощь любимой мной эскадры.

Ранние стихотворения Игоря Лотарёва (Игоря-Северянина) посвящены подвигам судов Тихоокеанской эскадры в Русско-японской войне: крейсерам «Рюрик», «Изумруд», «Новик», «Севастополь», «Петропавловск», «Решительный», «Варяг», канонерской лодке «Кореец» и минному транспорту «Енисей».

В поэме «Роса оранжевого часа» упомянуты канонерские лодки «Сивуч» и «Бобр», крейсера «Аскольд», «Рюрик», «Паллада» и «Боярин». Большинство упомянутых боевых кораблей русского флота поэт видел лично в 1903 году в портах Далян (Дальний) и Порт-Артуре:

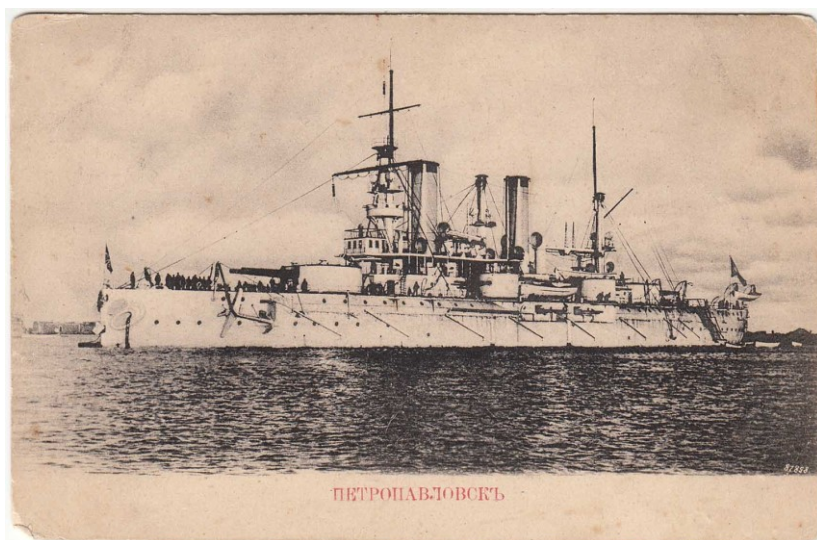
Припятитрубился «Аскольд»,
От «Рюрика» встав на кильватер.
И увертюрой из «Rheingold»
На крейсере открытие бала
Оповещают трубачи...
Тут и «Паллада», и «Боярин»,
И тот, чьё имя чтит моряк,
Чей славный вымпел оалтарен,
В те дни обыденный — «Варяг»!..
Какой бы ни был ты понурик,
Не можешь не взнести бокал,
Когда справляет крейсер «Рюрик»
В ночь феерическую бал!..

Русско-японскую войну российская интеллигенция, в том числе творческая встретила без восторга. В феврале 2022 года история повторится. Будут злословить, вместо того чтобы принять как неизбежное и поддержать без корысти — из чистого патриотизма. Правда те, в отличие от этих не побежали за границу, скрываться от мобилизации ни в 1905-ом, ни в 1914-ом.

Крейсер «Варяг».

Крейсер «Петропавловск».

Мало кто знает, что даже знаменитое *«Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”»* — это весьма удачный перевод с немецкого стихотворения австрийского поэта Рудольфа Грейнца (Rudolf Heinrich Greinz), сделанный малоизвестной поэтессой и переводчицей Евгенией Михайловной Студенской.

Так что Игорь Лотарёв был единственным в России поэтом, который воспел подвиги русских моряков в Русско-японской войне. Творческую карьеру он начал с публикации патриотических стихотворений, которые позже собирался включить в первый том «Полного собрания поэм» разделом «Морская война» (см. анонс в 33-й брошюре «Качалка грезёрки».) Вот оглавление раздела:

«К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры»
«Гибель “Рюрика”»
«Подвиг “Новика”»
«Взрыв “Енисей”»
«Потопление “Севастополя”»
«Захват “Решительного”»
«Конец “Петропавловска”»
Бой при Чемульпо
Сражение при Цусиме

Всё было издано за свой счёт за исключением «Сражения при Цусиме». Автограф с правкой и цензурным разрешением к публикации хранится в Эстонском литературном музее в Тарту. Я первым опубликовал его в 2004 году с любезного разрешения музея.

Канонерская лодка «Кореец» и крейсер «Варяг» были блокированы в январе 1904 года превосходящими силами японцев в нейтральном корейском порту Чемульпо (Инчхон). Командир «Варяга» капитан I-го ранга В.Ф.Руднев принял решение о прорыве блокады. Прорываясь, крейсер потопил один из восьми японских миноносцев и повредил два крейсера из шести. «Варяг» получил тяжёлые повреждения и потерял убитыми и ранеными 122 члена экипажа. Чтобы не допустить захвата судов японцами, моряки взорвали канонерку «Кореец» и потопили «Варяг».

13 апреля 1904 года при развёртывании эскадры под прикрытием береговых батарей Порт-Артура броненосец «Петропавловск» подорвался на японскойmine. На «Петропавловске» погиб вице-адмирал С.О.Макаров и весь его штаб. Вместе с адмиралом погиб живописец Василий Верещагин.

29 января 1905 года в заливе Талиенван вблизи порта Дальний минный транспорт «Енисей» под командованием капитана 2-го ранга Степанова пытался расстрелять из малокалиберных пушек всплывшую мину. Ветром и течением «Енисей» внезапно бросило на мину и судно получило большую пробоину в борту. Команда уговаривала командира сесть в шлюпку, но Степанов пригрозил расстрелять каждого, кто не подчинится приказу «Спасайся, кто может!» Последним с борта «Енисея» бросился в воду часовой у денежного ящика и его спасли. Транспорт ушёл под воду. Посланный с берега вельбот вернулся без Степанова.

Вскоре в заливе Талиенван подорвался на mine крейсер «Боярин».

12 августа 1914 года из Владивостока навстречу эскадре контр-адмирала Витгефта вышел отряд в составе трёх крейсеров. На параллели Фузана в тылу у российских судов оказалась эскадра адмирала Камимуры из шести крейсеров. «Рюрик» быстро получил тяжёлые повреждения. Погибла или была ранена значительная часть экипажа. Два других российских крейсера ушли обратно во Владивосток, а «Рюрик» был потоплен командой.

После напряжённых дневных боев ночью 11 августа 1904 года крейсер «Новик» ушёл вокруг Японии во Владивосток. В Сангарском проливе он вступил в бой с японским крейсером, высланным против него, и получил тяжёлые повреждения. В виду Корсаковского поста на острове Сахалин команда затопила крейсер. Командир «Новика» фон Эссен позже принял командование броненосцем «Севастополь».

28 мая 1905 года крейсер «Изумруд» прорвался из окружения и ушёл к Владивостоку, но в заливе Святого Владимира сел на мель и был взорван командой. Небогатов на броненосном корабле «Император Николай I» сдался в плен японцам. В тот же день японцы захватили броненосец береговой обороны «Адмирал Сенявин».

Не только суда попали в поле зрения поэта, но люди. В основном военачальники. За отсутствием тесного общения и личных впечатлений персонажи бледные, не то, что прекрасные девы. Впрочем, время дев ещё не наступило.

Кроме генерала Кондратенко в стихах упомянуты наместник Е.И.Алексеев, начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А.М.Стессель, командующий I-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал О.В.Старк, начальник сухопутной обороны Порт-Артура генерал А.В.Фок, командующий I-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал В.К.Витгефт, командир крейсера «Новик» фон Эссен.

Сам поэт упокоился не в Тойла, где хотел умереть и быть похороненным, а в Таллинне на центральной аллее Александро-Невского кладбища в компании русских моряков, чьи подвиги воспел в юности: флота лейтенанта Михаила Хомутова, капитана 2-го ранга Николая Шишмарева, контр-адмирала Ивана Изыльметьева и многих других. Игорь-Северянин навеки связал себя с российским флотом в его радостях и горестях, победах и поражениях. Это судьба.

Нас в этой истории интересует вопрос инспирации, хотя более подробно речь о нём впереди. Как бы там ни было, но все описанные в стихах суда визуально присутствовали внутри жизненного пространства поэта. Частью мифологемы они станут позже, а пока:

Судов всех флотов; на почётном месте
Примерно вымпелов сто девяносто
Висел на стенке русский флот, причём
Разделены суда все по эскадрам:
Из Балтики, левой — из Черноморья,
И Тихоокеанская...

Пример инспирации стихотворение «Захват “Решительного”». У него есть своя любопытная и отчасти даже мистическая история. «Решительный» — эскадренный миноносец, вступивший в войну под командованием лейтенанта Александра Алексеевича Корнильева.

В ночь на 27 января 1904 года, т.е. ещё до официального объявления войны, японский флот атаковал на внешнем рейде Порт-Артура русские корабли. С рассветом две пары миноносцев были отправлены для уничтожения японских кораблей. В паре с миноносцем «Стерегущий» на задание был отправлен «Решительный». Японцы поставили сильный заградительный огонь. Миноносцы не смогли приблизиться на расстояние прицельного пуска торпед, и повернули обратно на рейд Порт-Артура.

«Стерегущий» получил несколько попаданий. «Решительный» остался цел, но от близкого разрыва снаряда нескольких членов экипажа контузило. Был контужен и командир Корнильев, к тому же его окатило ледяной забортной водой. Через пару дней контузия осложнилась воспалением лёгких. Первого февраля его списали на берег и отправили было на лечение в Россию. Болезнь стремительно прогрессировала и в апреле он скончался в Харбине от туберкулёза.

В начале февраля миноносец перешёл под командование капитана 2-го ранга Ф.Э.Боссе, который в том же месяце получил тяжёлое ранение.

В должность капитана «Решительного» заступил лейтенант М.С.Рощаковский. Под его командованием 29 июля миноносец скрытно прибыл в нейтральный порт Чифу для интернирования согласно международным правилам.

В ночь на 30 июля японский десант захватил миноносец. Безоружные русские моряки вступили с десантом в рукопашную схватку. В коротком бою погибли двое матросов с «Решительного», а четверо, включая Рощаковского, получили ранения. Двое японских десантников были убиты, одиннадцать! вооружённых японских десантников получили ранения разной степени тяжести.

«Решительного» переименовали в «Акацуки», и это была роковая ошибка. Ирония в том, что миноносец уже был несколько раз переименован, что явно не пошло ему на пользу. Судно было спущено на воду под названием «Кондор», но зачем-то его переименовали в «Баклан». Затем уже в лучших традициях русского флота «Баклана» переименовали в «Решительный».

«Акацуки» принял участие в сражении при Цусиме и в первом же бою *решиительно* протаранил японский миноносец № 69, который пошёл ко дну. 19 октября 1905 года миноносец был переименован из «Акацуки» в «Ямабико» (яп. *горное эхо*). В 1918 году *горное эхо* пустили на лом.

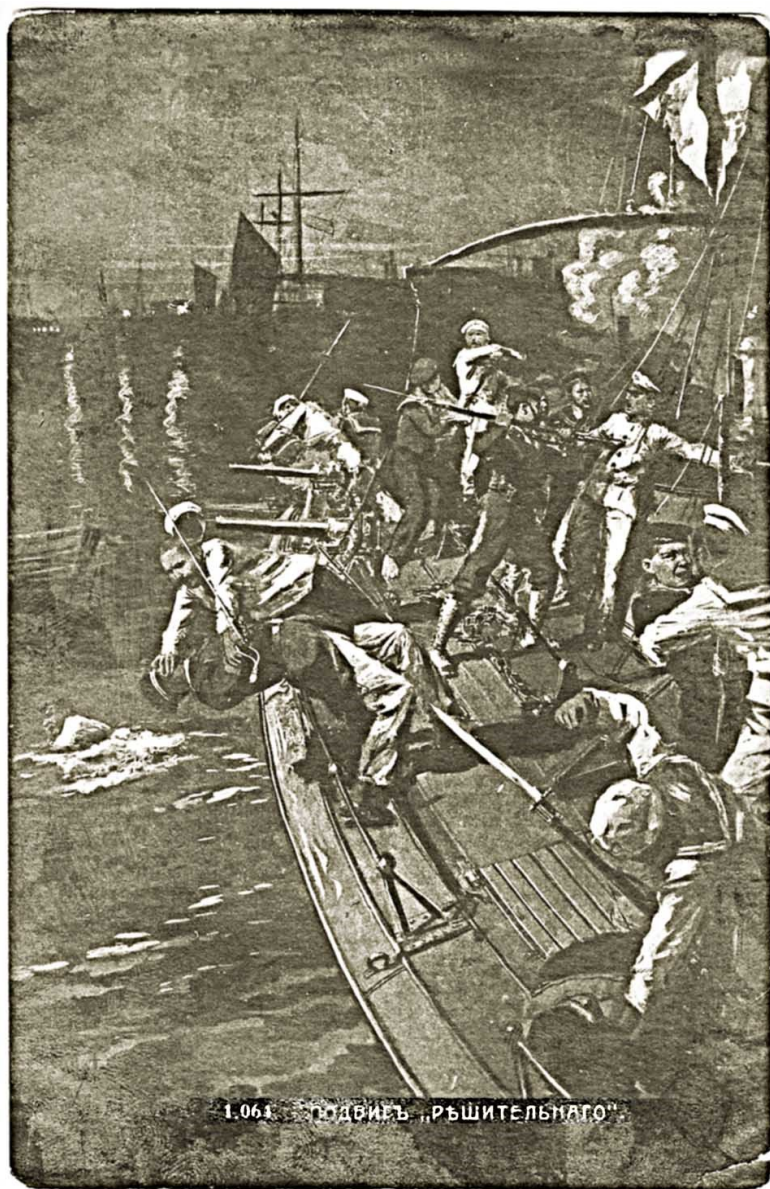
История с вероломным захватом миноносца «Решительный» в нейтральном порту взволновала начинающего поэта, и он сочинил стихотворение «Захват “Решительного”». Он подробно описал события, которые произошли на палубе «Решительного»: японский десант, заступничество капитана порта китайского адмирала, храбрые действия лейтенанта Рощаковского:

Я расскажу вам возмутительный
Войны текущей эпизод,
Как разоруженный «Решительный»
Попался в вражеский тенет.

<...>

Заняв «Решительного» палубу,
Враги вступили в разговор.
Наш командир представил жалобу
На действий вражеских простор.

Что разоружился «Решительный»,
Что взяты пушки в арсенал,
Что бой принять мы положительно
Не можем, — он им отвечал.

1064. Подвиг «Решительного».

С улыбкой холода могильного
Он разговор уж вёл к концу,
Как вдруг, взмахнув рукою сильною,
Японца хлопнул по лицу.

Не мудрено: переговорами
Пока был занят командир,
Японский флаг пред всеми взорами
Взвился наверх, нарушив мир.

Летние события — потопление «Стережущего» и захват «Решительного» в минимальных подробностях достигли Петербурга только к середине осени. Имея на руках открытку юному поэту пришлось многое домыслить. Однако оригинал открытки представляет изображение событий в кромешной темноте — ночь же! После обработки современными техническими средствами можно разглядеть детали, которые не мог видеть Игорь Лотарёв. Например, по правому борту миноносца ближе к корме видны две лёгкие пушки. По правилам интернирования пушки оставались на местах, а в арсенал порта сдавали только оружейные замки.

Или вот японский десантник наносит удар прикладом винтовки с примкнутым штыком в грудь командира миноносца. Хорошо видно, что это не матрос, а японский морпех. На переднем плане русский матрос в белой форменке кулаком убивает вооружённого японского десантника. Чуть дальше спиной на штормовом леере повис японский офицер с обнажённым клинком в руке. Ещё мгновение и мичман (судя по слетевшей с головы фуражке и кителю), сбросит японца за борт. Примкнутые штыки как бы свидетельствуют о том, что изначально планировался именно силовой захват судна:

За их поступок беззастенчивый
Их наказало море так:
По воле случая изменчивой
Погиб «Решительный» в волнах.

Пусть населенье европейское
Поступок варваров поймёт,
Я ж верю опыту житейскому:
«Добро чужое впрок нейдёт».

Видимо, опыт с описанием события по открытке понравился юному поэту. Он быстро его усовершенствовал, когда начало расцветать его лирическое дарование. К лирическим опытам Игоря Северянина мы вернёмся позже, а пока посетим вокзалы.

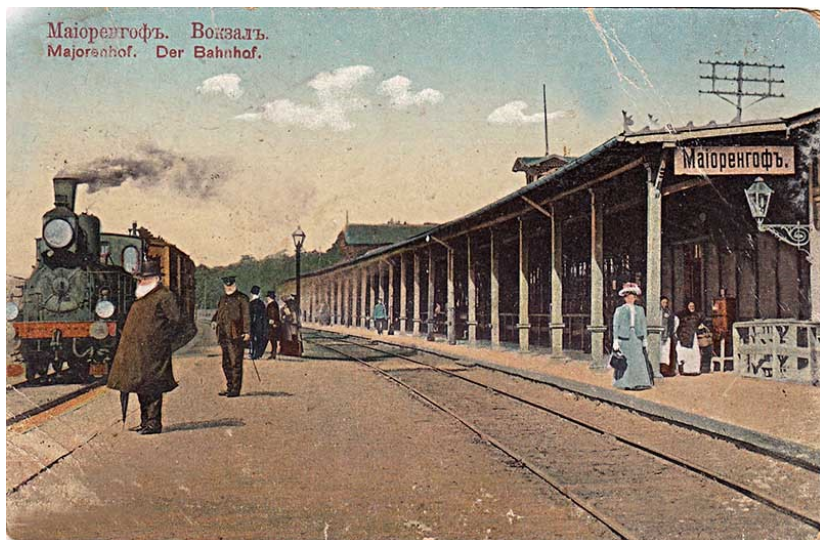

СПб. Балтийский вокзал.

Вокзалы

Несколько лет я безуспешно пытался собрать хоть какую-то часть из тех 190 вымпелов Балтийской, Черноморской и Тихоокеанской эскадр российского флота, что висели на почётном месте в комнате поэта. Кое-что собрал по двум Тихоокеанским эскадрам, но задача оказалось мне не по карману. Зато попутно я обратил внимание на открытки с видами городов, в которых поэт бывал с поэзоконцертами. Оригинальная открытка — это возможность иллюстрировать статью не от фонаря, а максимально конкретно. Если это Петербург и Бестужевские курсы при мединституте, то это Петербург и курсы. Если это Мариинский театр, то это Мариинский театр, а не другое учреждение. Если Одесса, то Одесса. Если Белград, то Белград, и так далее.

Попутно я сделал «важное открытие». Оказывается, в каждом городе, в котором выступал поэт, были места, избежать посещения которых было практически невозможно. Это — вокзалы! В Петербурге это Балтийский вокзал, реже Царскосельский, Николаевский, Варшавский, Финляндский. Наиболее посещаемым вокзалом в Петербурге для поэта стал Балтийский, и этому есть внятное объяснение — излюбленное дачное направление. Вокзалы были в Екатеринодаре, Ростове, Тифлисе, Минске, Ревеле, Риге, Майоренгофе. Варшаве, Данциге, Белграде, Сараево, Берлине, Кишинёве, Париже, и много где ещё.

Мажоги (Мариенгоф ныне Юрмала). Воспоминания детства

Я помню: в Майоренгофе,
Когда мне было семь лет,
Я грезил о катастрофе,
О встречах, которых нет.

Как верная мне вассалка,
Собака ходила за мной,
И грезилась мне «Русалка»*,
Погибшая той весной.

Мама с генеральшей свитской
Каталась в вечерний час.
И нынешний Кусевицкий
Настраивал контрабас...
<...>

И это же самое море,
Когда мне было семь лет,
Мне пело, мечты лазоря,
О встречах, которых нет...

«Поэза о Майоренгофе», Эст-Тойла, 1915. «Тост безответный». *Броненосец «Русалка» затонул 7 (19) сентября 1893 года.

Балтийский вокзал ↑ в Гатчине с 1907 по 1911 год связывал Игоря Лотарёва с последним поэтом XIX века Константином Михайловичем Фофановым.

← Железнодорожная платформа и часовня в память Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка, дарованного ЕИВ Николаем II, — место знакомства поэта с певицей Марией Волнянской в феврале 1915 года. *Муринька, Муза музык, Балькис Савская, Королева Миррэльская, Ингрид* — шесть лет Мария Васильевна была гражданской женой поэта и его музыкой.

Перунчик

В 1908 году к компании дачников прибился смотритель Императорского *фазанерия* (птичника) в парке Гатчинского дворца, граничившего с железнодорожной станцией и посёлком

Пудость. Пётр Андреевич Ларионов писал стихи и носил *поэтическую* шевелюру. С лёгкой руки Константина Фофанова к нему прилепилось прозвище «Перунчик». Согласно романтической версии «Перунчиком» Ларионова прозвали за то, что громадный, плечистый и полупьяный он был похож на языческого Перуна. Более прозаическая версия указывает на пух и перо, которые не переводились на одежде заведующего фазанерием.

Друзья устраивали в «Розовой даче» архитектора Андрея Иоганновича Штакеншнейдера (мыза Ивановка, Пудость) поэтические состязания — *элоквенции*, сопровождавшиеся безудержным пьянством. Место для элоквенций было выбрано очень даже не зря. Усадьба Штакеншнейдера с 1862 года по 1865 год была известна как воскресный литературный салон. Среди завсегдатаев салона на вскидку можно назвать поэтов Владимира Бенедиктова, Николая Щербину, Аполлона Майкова Якова Полонского. Кстати, Полонский посвятил старшей дочери хозяина Елене Андреевне Штакеншнейдер хозяйке модного литературного журфикса в Петербурге стихотворение «Ползёт ночная тишина...», датированное 1862 годом на мызе Ивановка:

Ползёт ночная тишина
Подслушивать ночные звуки...
Травую пахнет и влажна
В саду скамья твоя... <...>
А там — сквозь тень — огни за чаем,
Сквозь окна — музыка... Серпом
Блестит луна, и лес кругом,
С его росой и соловьём,
И ты назвать готова раем
И этот сад, и этот дом.

Пример поэтической элоквенции мы находим в романе Игоря-Северянина «Падучая стремнина»

С Перунчиком, поэтом-анархистом,
Моих же лет, с которым я случайно
У Фофанова сблизился весною,
Уехали мы в Пудость, где избушку
На курьих ножках сняв, ловили рыбу,
Мечты, стихи и девок деревенских.

<...>

Кума Матреша (с нею мы крестили
У лодочного мастера ребёнка)
По вечерам в избу к нам забегала —
Поговорить, попеть и посмеяться.
Исполнилось ей только восемнадцать.
Она имела средний рост, фигурой
Была полна немного, но красивей
Матрешки — девки не было в деревне.
Я называл её Предгрозей: имя
Я произвёл от душного: «предгрозьё».
Она томила, как перед грозой
Томит нас воздух.

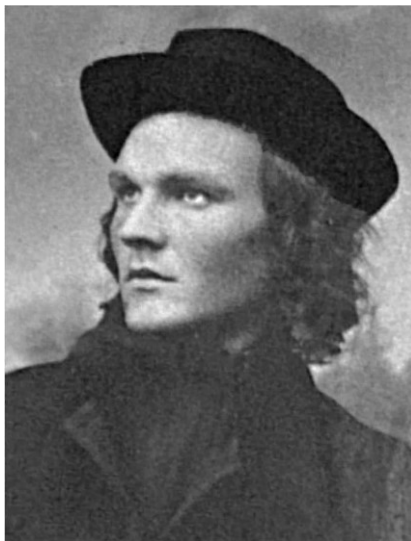
<...>

Два лета мы любились. Много песен
О ней пропето, много поцелуев
Друг другу нами отдано взаимно.
Ах, хороша была кума Матреша!

Андрей Антоныч, краснощёкий мельник,
Катюлиньку любовницей имевший,
Печальную и скромную простушку,
Наш постоянный ярый собутыльник,
Вдруг воспылал к моей Предгрозе страстью,
Ответной в девушке не возбуждая.
И как-то раз, во время запоздалой
На мельнице пирушки нашей, вздумал
Меня убить из ревности, огромным
Ножом взмахнул над головой моею.
Перунчик, благородный мой приятель,
Взревел, как тигр, и мельника за плечи
Схватив, швырнул под стол, тем спас мне жизнь.

В Петербурге Ларионов сблизился с эгофутуристами. Хозяин газеты «Петербургский глашатай» Иван Игнатъев устраивал собственные элоквенции. У Георгия Иванова в «Петербургских зимах» находим описание:

«В маленьком деревянном собственном доме», на углу Дегтярной и восьмой Рождественской, в редакции "Петербургского Глашатая" происходили время от времени "поэзопраздники", о которых для "эпатирования" особыми извещениями сообщалось редакциям разных газет. Программы эти назывались "вержетками" (верже — сорт бумаги) и были составлены крайне соблазнительно и пышно.

Прилагалось и меню ужина, где фигурировали ананасы в шампанском, Крем де Вюлетт и филе молодых соловьев. В действительности, конечно, было попроще. Полбутылки Крем де Вюлетт'а (фирмы Cusimier, продавался у Елисеева) украшали стол больше в качестве символа поэзии и изящества. Но водка и удельное вино подавались в таком количестве, что нередко гости впадали в совершенно невменяемое состояние».

Иван Игнатъев настаивал водку на махорке, от которой Перунчик переставал заикаться и читал стихи так, что заставлял собутыльников рыдать от восторга. Игорь-Северянин покидал компанию, не прощаясь, когда его умение пить, не пьянея, начинало стеснять собутыльников. А вот описание одной из жестоких проказ у Игнатъева:

«Иногда случались вещи совсем дикие. Так, однажды, некто Пётр Ларионов, на сорок пятом году соблазнённый футуризмом, занимавший странную должность заведующего Царскосельским птичником, ушёл от Игнатъева с наполовину выбритой головой (он носил поэтическую шевелюру), с лицом, раскрашенным, как у индейца, и с бубновым тузом на спине». (Ibidem.)

Будем иметь в виду, что Иванов слегка запомнил, как это часто с ним случалось: Пётр Андреевич Ларионов родился в 1889 году и, следовательно, был на два года моложе Игоря-Северянина!

Домик Павла I

Когда ты пытаешься из стихов выудить нечто, имевшее или до сих пор имеющее отношение к реальности, то такой подход к проблеме лежит вне научной методологии поиска. Однако Шлиман поверил «слепому обманщику» Гомеру и, руководствуясь исключительно текстом «Илиады», нашёл свою Троию вопреки всей академической науке.

Летом 1999 года я отправился в Гатчину взглянуть на мельницу Штакеншнейдера, где Игорь-Северянин не раз принимал участие в дружеских попойках. Была надежда отыскать неоднократно описанный в стихах охотничий домик Павла I:

Государя домик низкий —
Пункт во дни его охоты —
Спит у быстрой речки близкой,
Историческое зданье
Над рекой стоит убого;
Зданье знатно по преданью,
Стариною зданье строго...

В гатчинском музее меня поначалу уверяли, что этот охотничий павильон был снесён ещё в XIX веке. Потом показывали из окна какую-то постройку во дворе замка. Потом согласились съездить на место. На месте, мы обнаружили точно напротив мельницы стены постройки XVIII века, облицованной когда-то желтовато-розовым парижским камнем. На этом месте в 1796 году стояла «Розовая беседка», в которой Павел узнал о болезни и смерти императрицы. Не Троя, конечно, но после такой находки разве возможно не поверить поэту и в других мелочах? Когда Павел сам стал императором, то выстроил на месте беседки каменный павильон в тех же пропорциях. Строительство Государь оплатил из личных средств.

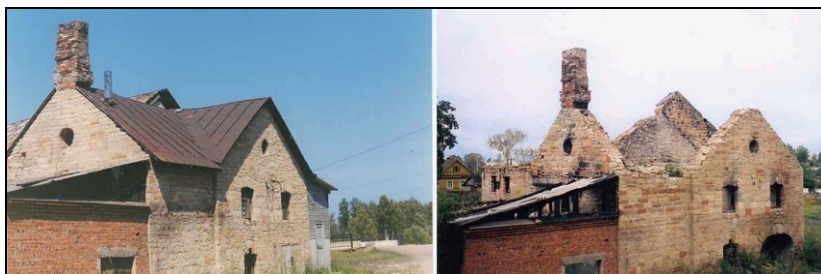
Судьба охотничьего домика Павла I не сложилась. При советской власти в нем обитала ветеринарная лечебница. Потом здание забросили, и оно быстро обветшало, а местные жители стали разбирать стены. Потом все заросло травой по пояс. После того, как домик вновь открыли, руины обмеряли и сфотографировали, местные жители, преимущественно цыгане, разобрали остатки строения аж до фундамента. Говорят, в поисках клада.

В 1999 году была ещё цела «Розовая дача» архитектора Андрея Штакеншнейдера, и даже мельница была под крышей со всеми своими окнами и дверями. Сегодня, увы, нет ни дачи, ни мельницы.

↑ Охотничий домик Павла I в 1999 году

Мельница Штакеншнейдера в 1999 и в 2003 году ↑.

↑ Руины «Розовой дачи» архитектора Штакеншнейдера 2003 год

Русская

В стихах Игоря-Северянина до сих пор можно сделать неожиданные открытия. Вот, например, знаменитая поэма «Русская» из сборника «Громокипящий кубок». Современники видели в ней блестящую стилизацию под народное творчество: *Кружжвеет, розовеет утром лес, паучок по паутинке вверх полез...*

Есть, однако, в «Русской» строки, заставляющие взглянуть на эту стилизацию под несколько иным углом зрения:

Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхо: «ха-ха-ха!»

В гатчинском парке «Зверинец» в середине XIX века была построена специальная изгородь из крестообразно скреплённых еловых кольев глубиной в три сажени. Такая изгородь, сливающаяся с ландшафтом и не заслоняющая окрестностей, характерна для романтических пейзажных парков. Поскольку «Зверинец» использовался в качестве охотничьих угодий для царской семьи, то его практическое назначение — удержания охотничьей живности в пределах парка. Протяжённость изгороди, которая называлась на французский манер *hâ-hâ* или *saut de loup* (буквально *ров в конце аллеи*), составляла не менее 8 километров. В начале XX века могли сохраниться остатки ограды, и поэт, бродя по парку, вполне мог на них наткнуться.

Типично гатчинский пейзаж *hâ-hâ* преобразился под пером поэта в изящное эхо. Вот только изображения *hâ-hâ* на старых открытках я пока не нашёл.

Он соловей, он без тенденций!

В концертах Фёдора Сологуба Игорь-Северянин откровенно пел свои поэмы на отчётливый мотив из оперы Амбруаза Тома «Mignon». С большой вероятностью это была мелодия из полонеза Филины. Зал хохотал безудержно и вызывающе. Люди хватались за головы. Некоторые, измученные хохотом, с красными лицами бросались в коридор. Всего через год-полтора та же публика внимала поэту в безмолвном восторге. Пению была физиологическая причина, но для нас важна реакция публики, зафиксированная будущим поэтом экспрессионистом Сергеем Спасским.

Константин Паустовский вспоминал одно из ранних выступлений Игоря-Северянина:

«К его ногам бросали цветы — тёмные розы. Но он стоял все так же неподвижно и не поднял ни одного цветка. Потом он сделал шаг вперёд, зал затих, и я услышал чуть картавое пение очень салонных и музыкальных стихов (...) В этом была своя магия, в этом пении стихов, где мелодия извлекалась из слов, не имевших смысла. Язык существовал только как музыка. Больше от него ничего не требовалось».

Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

Восторгаюсь тобой, молодёжь!

В одном из симферопольских ресторанов, не будучи пьян, но уже изрядно навеселе, Игорь-Северянин написал знаменитое стихотворение, начинавшееся с великолепного оксюморона:

Восторгаюсь тобой, молодёжь,
Ты всегда — даже стоя — идёшь!

Каюсь, грешен: когда отмечался юбилей газеты «Молодёжь Эстонии» эти две слегка видоизменённые строчки с моей подачи отпечатали на футболках красного цвета:

Восторгаюсь тобой «Молодёжка»
Ты всегда...

Одна на двоих?

Зимой четырнадцатого года Игорь-Северянин и Маяковский кутили в симферопольских ресторанах за счёт спонсоров местной знаменитости — поэта Вадима Баяна. Маяковский без стеснения разорял спонсоров. Он заказывал самые дорогие блюда и закуски, изысканные вина и отборные коньяки. В апогее кутежей посуду на столе меняли вместе со скатертями и случайными дамами.

Всё это не делает чести участникам кутежей, однако верховодил в проказах Маяковский, противится напору которого было просто невозможно. И это при том, что сам он ничего крепче воды, подкрашенной вином не пил.

И всё же одной петербургской даме, увязавшейся за поэтами, удалось соблазнить обоих. Дело зашло довольно далеко. Игорь Северянин собрался было *осузржиться*, но Маяковский рассказал, как эта дама явилась к нему в гостиничный номер:

— Она пришла ко мне нагою,
Взамен потребовав венца,
А я ей предложил винца
И оттолкнул её ногою.

Это было время, когда Маяковский ещё не был патологически брезглив, так что есть шанс усомниться в его стойкости. Увы, но Валентина Ивановна Гадзевич — поэтесса Валентина Солнцева (ау, стилист Гоген!), не была стопроцентно оригинальна, хотя и удостоилась роскошного даже по меркам Серебряного века персонального посвящения от Игоря-Северянина *«Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько жути!»* (хамство Маяковского не в счёт):

А потом... Купе. Деревня. Много снега, леса.
Святки. Замороженные ночи и крещенская луна.
Домик. Нежно и уютно. Упоенье без оглядки.
Валентина безрассудна! Валентина влюблена!

Все прошло, как все проходит. И простились мы неловко:
Я «обманщик», ты сердита, то есть просто трафарет,
Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила в жалкий бред!

Юная авантюристка София Сергеевна Шамардина за спиной Валентины Гадзевич легко уложила в свою постель обоих поэтов, разумеется, раздельно. Пришла на концерт в Медицинском институте с одним, ушла с другим. Иван Грузинов в эссе «Маяковский и литературная Москва» приводит с его слов любопытную байку:

«Однажды он рассказал, например, о своём совместном литературном путешествии с Игорем Северянином. Рассказ свой Маяковский закончил так: — И вот когда мы доехали с ним до Харькова, то я тут только обнаружил, что Игорь Северянин глуп...!»

Замечание отнюдь не свидетельствует о прозорливости Маяковского, как опрометчиво решил Грузинов. Ничего не подозревавший Игорь-Северянин помог Маяковскому сбежать из Петербурга и тем избавил его от продолжения романа с беременной Шамардиной. Узнай он об этом вовремя, турне по Югу России в компании с Маяковским могло бы и не состояться. Зато у *поэта-главаря* мог бы появиться отпрыск. Бастрад, конечно, но линия судьбы изогнулась бы иначе.

Любимый доктор

В журнале «Женское дело» фельетонист Клавдия М., описывая поэзоконцерт Игоря-Северянина, свидетельствует, что публика на его выступлениях вела себя крайне непристойно:

«Плеяда намагниченных "принцесс" подготавливает толпу к появлению царя и бога, декламируя на все лады самые изысканные из его поэм. Наконец, появляется он, гений Игорь Северянин и начинает "популярить изыски". В зале происходит нечто невообразимое. Закроешь глаза и начинает казаться, что попал в среду беснующихся обезьян. И ведь имя-то какое удобное — Игорь! Удивительно приспособлено для визга. И точно также, говорят, ведут себя обительницы сумасшедших домов, когда появляется любимый доктор».

По части дамских восторгов конкуренцию Игорю-Северянину мог составить только Леонид Собинов.

Любопытно, что автор фельетона свояченица Валерия Брюсова Бронислава Матвеевна Рунт, в замужестве Погорелова.

Умер в декабре

Поэт Фёдор Сологуб скончался в 5 декабря 1927 года в Ленинграде. О смерти Сологуба Игорь-Северянин узнал из рижской газеты «Сегодня». Событие описано им в очерке «Умер в декабре. Памяти Ф.Сологуба»:

«Я сказал жене:

— Декабрьская его болезнь опаснее весенней. Она может оказаться смертельной. Ты помнишь его триолет, написанный 4 ноября 1913 г. В Петербурге? — И достав с книжной полки "Очарования земли", я прочёл:

Каждый год я болен в декабре.

Не умею я без солнца жить.

Я устал бессонно ворожить.

И склоняюсь к смерти в декабре, —

Зрелый колос, в демонской игре

Дерзко брошенный среди меж.

Тьма меня погубит в декабре.

В декабре я перестану жить.

В сегодняшних газетах (от 6 декабря) уже значится: Сологуб умер 5 декабря

И он, и я — мы были оба правы... И не первый раз за эти четырнадцать лет я вспомнил эти стихи: каждый раз, когда перечитывал — а это случалось часто — меня жутко тревожило его пророчество».

Но вот я открываю дневник Корнея Чуковского и читаю, как 29 декабря (Sic!) 1923 года Сологуб убеждает Николая Тихонова в том, что умрёт в мае 1934 года. Складывая годы смерти матери и отца, Сологуб вычислил новую дату собственной смерти, но умер все же в декабре.

Когда бы знали из какого сора...

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.*

А.Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...»

Я не утратил способности удивляться, а особенно, когда это касается неожиданных «находок» в стихах Игоря-Северянина.

Тайна шаплетки

Когда я собирал и комментировал тексты к тому же стихов в серии «Полное собрание сочинений в одном томе» издательства «Альфа-Книга» я воздержался от комментариев к стихотворению «Эксцес-серка». Стихотворение посвящено кухне поэта Елизавете Михайловне Лотарёвой, в замужестве Якульской. Начинается оно так:

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль.

Ты затихла на палевом кресле,
Каблучком молоточа паркет...
Отчего-то шепнула: «А если?..»
И лицо окунула в букет.

Обсуждая с редактором пресловутую *шаплетку*, мы решили не дразнить гусей: в целом понятно о чём речь. Теперь жалею, можно было выпендриться.

Раскрываем автореферат диссертации Татьяны Николаевны Коршуновой «Семантико-деривационная структура и функционирование новообразований в художественных произведениях Игоря Северянина» и читаем:

«К этой же группе новообразований относится окказионализм белоза (белая роза) (“Моя Гризельда! Ты, белоза!”); шаплетка (шапка + таблетка) (“Ты пришла в шоколадной шаплетке. Подняла золотую вуаль”) — новообразование имеет значение “головной убор (шляпка), имеющий форму таблетки”».

Шапка + таблетка = шаплетка — а, каково! А всего-то шляпка! Причём весьма неопределённой формы. Хорошо, что Коршунова не добралась до хорошего словаря. У французского *chapeau* множество значений. Почти столько же значений в словаре Даля для *шапки*. Отмечен даже украинизм *шаплик*, т.е. большая кадка, чан — ну, чем не шаплетка?

В 2006 году я собрал для дочери под одной обложкой несколько милых стихотворений поэта и проиллюстрировал их открытками начала века. Удивляюсь, насколько точно некоторые из них соответствовали текстам. Закралась крамольная мысль, что некоторые вычурные сюжеты инспирированы почтовыми карточками начала века.

На открытке справа мы видим молодую даму в *шоколадной шаплетке* с пышным боа, приспущенным с плеча, сидящую в кресле и *молоточащую* каблукочком паркет. «Рояль» — это рифма к «вуаль» и его, разумеется, на рисунке нет. Букет тоже отсутствует — это просто рифма к «паркет», которого, кстати, тоже нет.

Но давайте рассмотрим фрагмент фотографии, сделанной на крыльце дома дяди будущего поэта Михаила Петровича Лотарёва. На крыльце уместилось многочисленное семейство Лотарёвых. Справа от будущего поэта сидит кузина Елизавета Михайловна Лотарёва. Портретное сходство несомненное, хотя и не абсолютное.

Каким образом произошло чудесное соединение женского образа на открытке с кузиной Лилей, вероятно, уже никто объяснить не сможет. Однако факт заслуживает быть отмеченным

Carte postale «Proprieta artistica riservata.
UFF. Rev. Stampa Milano 6976»

Which first

Which first

Сатиру «В блёсткой тьме» из сборника Ананасы в шампанском» цитируют часто и даже слишком:

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупив.
Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе:
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.

Сочинено так ярко, словно, выписано с натуры. Но вот незадача: в 1913 году у поэта ещё не было собственного опыта княжеских гостиных. Так что сюжет скорее всего инспирирован открыткой «Which first» Copyright A.&H. New York»

Очень давно я видел нечто похожее по сюжету: со спины — молодые люди в смокингах, *в шик опроборенные*, с бокалами шампанского, разглядывают женщин в гостиной — «Who's next?» Та открытка точно была довоенная и, видимо, тоже американская. Обидно, но в тот момент в ней не было нужды, а теперь вот не найти.

Королева, которая играла в башне замка Шопена

Carte postale *L.v.Flesch-Brunningen. Adagio. Verlag von E.A.Seemann in Leipzig. №5* — пример обратной инспирации, когда знакомый текст делает узнаваемой незнакомую до того картинку.

В своё время я выдержал шквал дилетантской критики по поводу героини маленькой поэмы «Это было у моря». Многим не нравится, что у королевы есть имя — Анна и весьма прозаическая фамилия — Воробьёва. У Анны даже была сестра, которую поэт называет *Violette*.

В поэме «Невесомая», которая по сути является оправданием перед молодой женой, за излишнюю настойчивость Анны Воробьёвой во время гастрольной поездки в Финляндию, находим:

— Среди моих «северянисток»,
Я помню, были две сестры,
Которых медицинский выступ —
До времени и до поры —
Их, этих дев, в меня влюблённых,
Привёл бы в дом умалишённых...
Они прислали пару дюжин
Мне писем, бегали вослед.

Одна из этих двух «жемчужин»
Подписывалась Violette
И даже приезжала в Тойлу,
Когда в пятнадцатом году
Я жил на даче там (...)

И вот — осталась нераздетой,
Раздеться жажда, Violette...
Что делать? Пьян иною «вишней
В вине» я был тогда, и сон
Иной я видел. (...)
Её сестра была смелее,
И вот в один несчастный день
Вдруг появилась на аллее
«Ивановки», как дребедень:
Лет сорока пяти, очкаста,
С бульдожьим ртом, бледна, как мел,
Она себе сказала: «Баста
Мечтать: да будет шаг мой смел!»—

Любопытная деталь на *carte postale*: у женщины за фортепьяно тяжёлая нижняя челюсть. Героиня поэмы миньонета «Это было у моря» Анна Воробьёва имела точно такой же лицевой дефект. При выраженном мезиальном прикусе характерна выдвинутая вперёд нижняя челюсть. На фотографиях у Воробьёвой отчётливо просматривается мезиальный прикус. Хотя дефект и незначительный, но всё же заметный, однако ничуть не разрушающий магию волшебных строк:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж.

Когда-то давно через мои руки прошла открытка начала прошлого века с незамысловатым сюжетом: лось и лосиха на фоне зимнего пейзажа и северного сияния. Открытку я видел в рабочем столе поэта в Тойла. Это была просто открытка, но:

Влюблённая в Северный Полюс Норвегия
В гордой застыла дремоте.
Ленивые лоси! вы серебро-пегие,
Лёдяное пламя поймёте...

Это была иллюстрация к поэме «Полярные пылы»! Увы, я поздно понял, что *cartes postale* от Воробьёвой были частью интимной игры, продолжавшейся до 1930 года. Роман по переписке закончился внезапно и на взаимно оскорбительных нотах.

Но это уже совсем другая история.

Вонзите штопор в упругость пробки и...

О трёх «Хабанерах» Игоря-Северянина знают по этой строке, о которой некогда критически отозвался Лев Толстой, а писатель Иван Наживин предал отзыв огласке.

Хабанэра (исп. Habanera) — кубинский танец, который по своему ритму приближен к танго. Название от Хабана, т.е. Гавана. У Игоря-Северянина встречается трижды. На *carte postale «Ф.Резничек. Весёлый дядушка. Издание Ленц и Рудольф. Рига»* мы как раз видим нечто подобное. Забавная опечатка — *дядушка*. Полагаю, это тоже обратный случай инспирации, но замечательно наглядный:

Гитана! сбрось бравурное сомбреро,
Налей в фиал восторженный кларет...
Мы будем пить за знатных кабальеро,
Пуская дым душистых сигарет.

Мечта плывёт, как лёгкая галера,
Куда-то вдаль плывёт, куда — секрет!
Огня! огня! пусть вспыхнет хабанера, —
Взнуздаем страсть и унесёмся в бред!..

Галоп мандол достигнет аллегрэтто,
Заворожён желаньем пируэта,
Зашелестят в потоке вздохи пальм...

Вина! вина! Обрызгай им, гитана,
Букеты грёз... Тогда не надо тальм, —
Тогда помпезней культ нагого стана!..

Моторное ландо — Rolls-Royce Silver Ghost

Вот ещё пример обратной инспирации, а возможно и прямой. Некто Зизи упоминается в стихах Игоря-Северянина трижды в контексте реальных людей, что даёт нам основание предполагать реальность и этого персонажа тоже.

Зизи, Зизи! Тебе себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, может быть, цела души скрижаль.
И лилия не может быть кокоткой?

Останови мотор! сними манто
И шёлк белья, бесчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя из ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Обращает на себя внимание датировка стихотворения — 1910 год. В том году не каждый экипаж на конной тяге был по карману *шатенному трубадуру*, не то что изображённый на картинке Rolls-Royce Silver Ghost с кузовом типа ландо.

Однако поэт необычайно точен! Ландо́ (фр. Landau) — тип кузова легковых автомобилей с открывающимся над задними сиденьями верхом или с имитацией открывающегося верха, характерный для «Серебряного призрака». На фото просветлён фрагмент с открытки.

Carte postale «Visiting. The Carlton Publishing Co. London.
Series № 705/3»

Монна Ванна

В сборнике «Вервэна» находим стихотворение «Морефея», посвящённое Марии Волнянской:

Флакон вервэны, мною купленный,
Ты выливаешь в ванну
И с бровью, ласково-надувленной,
Являешь Монну-Ванну.

Правдивая и героичная,
Ты вся всегда такая...
Влечёшь к себе, слегка циничная,
Меня не отпуская.

И облита волной вервэновой,
Луной и морем вся,
Душой сиренево-сиреновой
Поешь, как морефея.

Монна Ванна — аллюзия (намёк) на драму М.Мэтерлинка и женский образ с картинки на *carte postale*. С Мэтерлинком всё более или менее ясно.

События в горячей средиземноморской драме разворачиваются в конце XV века в осаждённой Пизе. Начальник гарнизона Гвидо Колонна отправляет своего отца Марко на переговоры с наёмным полководцем флорентийского войска Принчивалле. Наёмник обещает прислать триста повозок с боевыми припасами и с продовольствием, но взамен требует, чтобы жена Гвидо Джованна (Монна Ванна) пришла к нему нагая, лишь прикрытая плащом. Гвидо против, но Монна Ванна готова пожертвовать собой. Она появляется в палатке Принчивалле с лёгким пулевым ранением в плечо, но отказывается помощи. Усадив Монну Ванну на ложе, Принчивалле рассказывает ей о своей любви. Она не сразу узнает в полководце белокурого мальчика Джанелло, с которым играла в детстве. После бурного объяснения Монна Ванна уговаривает Принчивалле бежать в Пизу. Гвидо решает, что Джованна привела Принчивалле, чтобы отомстить ему. Он требует от Джованны признания в том, что Принчивалле обладал ею, в противном случае его казнят. Чтобы спасти Принчивалле Монна Ванна ложёт, что он обладал ею и она заманила его в Пизу поцелуями. Ванна страстно целует Принчивалле, шепчет ему слова любви и закликает молчать, et cetera.

Теперь сравним с тем, что в декабре 1915 года Игорь-Северянин писал о Марии Волнянской:

Пусть имя Марии Волнянской
Сплетётся навеки с моим:
Подвиг святой и гигантский
Её благородством вершим.
Да будет же всем для примера
(А может быть и для креста!)
Как простая дочь офицера
Была гениально проста. (...)
Разрушиваемая чахоткой,
Худеющая с каждым днём
С какою твёрдостью кроткой
Хлопочет во всём моём!
Заботится, оберегая
От пошлости и вина,
Она — моя дорогая —
Наносным моим больна.
Ах, вытерпела немало
От этих и от других
Она за свой труд небывалый,
За каждый удачный штрих
Ах, вытерпела немало
Из-за самого меня:
Недаром кашляет ало,
И губы суше огня.
Сознательно, идейно,
Самопожертвованно,
Отдала свой век лилейный
Мне она.

Выделим главное: готовность Марии Волнянской и Монны Ванны к самопожертвованию ради любимого человека. Копию с автографа мне когда-то прислал коллекционер из Америки. На копии есть пометка автора «До I отдела». Речь идёт о сборнике «Гост безответный», который практически полностью посвящён Марии Волнянской. Некто Недошивин — источник весьма и весьма мутный — указывает даты жизни Волнянской 1885-1939, но сверх этого ничего конкретного.

Что касается *carte postale*, то просматривается конкуренция между картинами К.Norden и Dante Gabriel Rosetti. Выбирать вам, однако мне ближе образ с картины Norden'a.

Monna Vanna (Belcolore). 1866.
Pre-Raphaelite Dante Gabriel Rossetti

Движение прерафаэлитов появилось в Англии в 1850 году как средство для борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам.

187. К. НОРДЕНЪ. МОННА-ВАННА

Наркоз из табачной лавки

От тоски научилась курить
(Если-б отклик больному вопросу!)
Говорить? Не хочу говорить!
Папиросу! ещё папиросу!

— Что-ж, курите, мой друг, — не беда:
Если в жизни печальной и брачной
Нет забвенья, тогда, о тогда,
Смело верьте в наркоз из табачной!

Ну, и в финале ещё одно точное попадание:

В чёрной фетэрке с чайной розою
Ты вальсируешь перед зеркалом
Бирюзовою грациозою
И обласканной резервэркою...

Не хочу считать лет по метрике,
А на вид тебе — лет четырнадцать...
С чайной розою в чёрной фетэрке
Ты — бессмертница! ты — всемирница!

И тираду я обличайную
Дам завистливых — пусть их сердятся! —
Игнорирую... С розой чайною
В чёрной фетэрке, ты — бессмертница!

Не совпадает только цвет фетэрки — нарядная поярковая или фетровая (фр. *feutre* — шляпка) у поэта почему-то чёрного цвета. Поярковая, значит сделанная из нежной шерсти с первой стрижки ягнёнка. Как это ни удивительно, присутствует игра слов — фр. *fêter* — празднование именин. Возможно, что случайность.

* * *

Изящная и остроумная красавица Мария Третьякова рассматривала аналогичные карточки с точки зрения отражённой в поэзах Игоря-Северянина моды, я же более прямолинеен. Увы, но мой запас старых гламурных открыток весьма ограничен, хотя могу подбросить ещё сюжетов, если кому-то это вообще интересно.

Слева: F.Andreotti. “Rosen” СПб Голике и Вильборг.

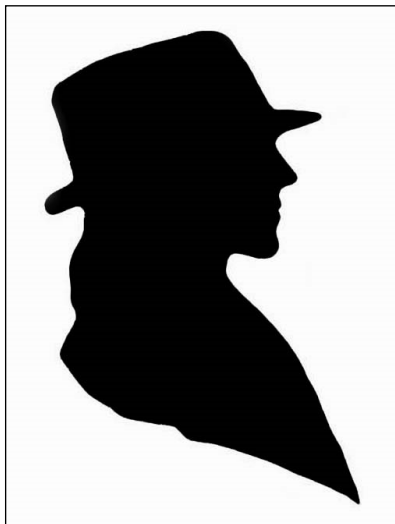
Издание Пишарь №280

Справа: S.V.D. № 4324/3

Не любил её паж

Что ж, дело давнее: у Игоря-Северянина была петербургская поклонница, избравшая себе псевдоним «Северянка». Возможно, они даже состояли короткое время в интимной связи. Северянке посвящено несколько стихотворений, в том числе «Марионетка проказ», «Это было у моря», «Королевочке», «Полярные пыли», и т.д. В октябре 1923 года Северянка устроила поэту гастроль в Гельсингфорсе (Хельсинки), о которых в семье поэта вспоминать не любили. Причина — ревность молодой эстонской жены, которая приревновала поклонницу, рассчитывавшую на внимание бывшего любовника сверх необходимого в рамках приличия.

Вернувшись домой, Игорь-Северянин написал специально для ревливой жены небольшую сатирическую поэму «Невесомая», в которой Северянке изрядно досталось.

Горячий поклонник поэта Лазарь Городницкий, категорически против того, чтобы Королева была просто Анной Воробьёвой. Мой последний аргумент, предъявленный Лазарю, был: смотрите, где опубликован миньонет — в ироническом разделе «Мороженое из сирени». Я спрашивал небиблейского Лазаря, куда он дел своё чувство юмора, на дне какого сундука он запер его и вот получил ответ:

«А теперь, присуц ли мне юмор? Я поздравляю вас чуть ли не с гиннесовским рекордом — вы первый, принявший целый раздел "Мороженое из сирени" за иронию.

Запомните, Михаил Петров, я первым поздравил вас! То, что у Северянина плохо получалось с иронией, знали и знают все, в том числе, и вы!».

Оказалось, что реальная Анна Воробьёва не достойна даже вымышленного королевского титула и в «Русской мысли» (Париж) Городницкий опубликовал инвективу «Это было не у моря»:

«Северянин рассказал, как недостойно повела себя фанатичная поклонница и о том фарсе, который был с ней разыгран и в результате которого новаяявленная "Северянка" возмнила себя поэтессой и королевой. (...) Итак, это было не у моря, не звучала музыка Шопена, и не было королевы и паж».

Теперь, когда я исчерпал свой запас аргументов, привожу чужой — инфернальный аргумент. Вот он: стихотворение Георгия Шенгели «Вы приснились мне, Игорь...», датированное 8 января 1946 года. Его не любят цитировать и вообще вспоминать. Покойный Игорь Васильевич приснился Шенгели пожилым и печальным:

И бестембровый голос, как холодная пена,
Из которой Киприда отлетела в мираж,
Мне сказал: «...королева... и совсем не Шопена...»
И скушливо добавил: «...не любил её паж...»
Все зачёркнуто сразу! Кислородный мой Игорь!

Забавно, что Городницкий почти слово в слово повторил эти строки с той только разницей, что в отличие от ← Шенгели ему нужна была не мистика, а «правда жизни».

А в жизни не обязательно бывает все так прекрасно, как в стихах, но оппонент любит все толковать буквально: если написано Шопена — значит Шопена, если королева, значит должна быть достойна титула, если отдавалась, то обязательно грозиво.

* * *

Увы, все хотят грозиво, но не у всех получается...

Рядовой Мерси

Весной шестнадцатого года Игорь-Северянин около двух недель провёл в армии, откуда его вытащила поклонница — княгиня Ирина Юсупова. Однажды на стрельбах из малокалиберной винтовки поэт отличился: из пяти пульек две или три попали в цель, причём легли кучно. Батальонный командир похвалил солдата:

— *Молодец!*

— *Мерси, господин полковник!*

В наказание батальонный приказал впредь именовать Лотарёва *рядовым Мерси*.

Анекдот донёс до нас литератор Леонид Борисов.

* * *

По ходатайству княгини Зинаиды Юсуповой от военной службы Игоря-Северянина освободил директор клиники душевных и нервных болезней академик Владимир Михайлович Бехтерев. Не глядя в святцы, заочно знаменитый академик нашёл у «*обратившегося к нему за советом по поводу здоровья Игоря Лотарёва общее малокровие и расстройство нервной системы в средне тяжёлой форме невратении*». Сожительнице поэта Семеновой была выдана соответствующая справка на четвертушке простого бумажного листа, но и этого хватило, чтобы поэт откосил от фронта.

Тарновская. Сонет с кодою

Мария Николаевна Тарновская — урождённая графиня О’Рурк, дочь морского офицера графа Николая Морицовича О’Рурк и его второй жены Екатерины Петровны Селецкой, родилась 9 июня 1877 года в Полтаве. Прадед графа имел происхождение из древнего ирландского рода, попавшего в Россию при государыне Елизавете Петровне. Николай Морицович вступил в службу в 1853 году гардемаринном в 12-й флотский экипаж. Участвовал в кругосветном плавании деревянного фрегата «Аврора» под командованием будущего контр-адмирала Ивана Изыльметьева (похоронен в Таллинне). Граф О’Рурк оставил подробные днев-

никовые записи о кругосветном плавании, опубликованные лишь в 2011 году как «Записки участника кругосветного плавания фрегата «Аврора».

С самого начала, что-то в судьбе Марии Николаевны не заладилось. Считается, что уже с юности она была на грани помешательства. В отношении «пограничника» никогда не можешь быть уверенным, с какой стороны по отношению к психической норме он находится в конкретный момент времени — ещё с *этой* или уже с *той*. Разумеется, это что-то объясняет в истории графини О’Рурк, но лишь весьма приблизительно.

Позже состояние её психики объясняли гинекологическими проблемами, боль от которых она глушила наркотиками. На состояние психики повлияло и бешенство после укуса собаки, и подхваченный в Генуе брюшной тиф. На суде выяснилось, что кроме всего прочего Тарновская страдала клаустрофобий, а с другой стороны дверей ей чудились ожившие мертвецы.

После окончания Института благородных девиц Мария Николаевна против воли отца тайно обвенчалась со старшим сыном богатого киевского сахарозаводчика повесой Василием Тарновским.

Семейная жизнь с Василием сразу же пошла наперекосяк, хотя в браке Мария и родила ему двоих детей.

Мария Николаевна была натурой страстной, но напрочь лишённой эмпатии, особенно по отношению к своим трагическим любовникам. Никто не знает, сколько их было в действительности. Так, младший брат мужа семнадцатилетний Пётр был безнадежно влюблён в невестку. Не рассчитывая на взаимность, Пётр свёл счёты с жизнью.

С одним из любовников жены Тарновский дрался на дуэли на шпагах. Возможно, речь идёт о графе Павле Павловиче Голенищеве-Кутузове-Толстом. Граф не вышел ростом, но по отзывам современников, был умным и приятным в обществе человеком, хотя и недобрым. Волокита и повеса он блистательно промотал внушительное состояние жены. Другого любовника — Стефана Боржевского Тарновский ранил из пистолета в Ялте, но был оправдан по суду. После ранения Боржевский лечился в Ялте.

А Мария Николаевна уже крутила роман с Владимиром Александровичем фон Шталь, который ради неё бросил семью и официально развёлся. Барон привёз любовницу в Ялту, где умирал Боржевский. На похоронах Боржевского Мария Николаевна будто бы пожаловалась на то, что от трупа бывшего любовника *воняет*. А дальше всё было очень скверно: вскоре около здания анатомического театра в Ялте фон Шталь совершил самоубийство. Пикантная деталь: за два дня до этого он застраховал свою жизнь в пользу любовницы.

Среди любовников Марии Тарновской был уважаемый московский адвокат Донат Прилуков. Он привёз Тарновскую в Москву и снял для неё особняк на Садовой-Кудринской улице. Любовница стоила Прилукову около 4 тысяч рублей в месяц. Ради Тарновской Прилуков бросил жену и троих детей, украл у клиентов 80 000 руб. и сбежал с ней во французский Алжир. Там изрядно поиздержавшиеся любовники знакомятся с графом Комаровским, который сразу же увлётся Марией Николаевной. После смерти жены Комаровский делает предложение Тарновской, которая даёт согласие на новый брак после развода с мужем. Граф поселяет невесту у родственников в Орле, а сам отправляется в Венецию, чтобы купить там семейное палаццо.

Интрига закручивается стремительно. В Орле очередным любовником Тарновской становится 22-летний сын пермского губернатора потомок И.С.Тургенева Николай Наумов. У него врождённые проблемы с психикой и приобретённый в молодости алкоголизм. Поклонник Бодлера и абсента, Наумов безнадежно влюблён. Он посвящает Тарновской поэмы и ради неё готов на все. Что ж! Мария Николаевна нашла достойное применение его безумству.

Граф Комаровский отдает Тарновской 80 тысяч рублей и покупает себе страховой полис на 500 000 франков с выплатой в пользу Тарновской. Мария Николаевна, которая наследовала всё движимое и недвижимое имущество графа, настояла, чтобы в полис был внесён пункт о страховой выплате в случае насильственной смерти графа.

4 сентября 1907 года в Венеции Николай Наумов четыре раза стреляет из пистолета в графа Комаровского в его новом семейном палаццо. На второй день после ранений Комаровский умирает в городской больнице. Он всё ещё влюблён и перед смертью просит положить ему в гроб письма Марии Николаевны. В Вероне полиция арестовывает Николая Наумова. В Вене — Доната Прилукова. Тарновскую и её горничную Элизу Перье арестовывают в поезде по дороге в Вену. Суд назначен в Венеции.

Следствие по делу *Angelo Nero* (итал. *Чёрный Ангел*) затянулось на два с половиной года, однако процесс, начавшись 5 марта 1910 года, закончился уже к 20-му мая. Защита пыталась объяснить и оправдать действия Тарновской болезненным состоянием подсудимой вследствие запущенных гинекологических проблем. Суд признал её виновной и приговорил к 8 годам 4 месяцам тюремного заключения. Донат Прилуков получил 10 лет. Николай Наумов был приговорён к 3 годам и 4 месяцам тюрьмы. Горничную Элизу Перье оправдали.

Чем объяснить столь мягкий приговор Тарновской? В России её бы просто лишили всех прав состояния и сослали на каторгу.

В 1915 году Тарновская была досрочно освобождена за образцовое поведение в тюрьме. Американский дипломат помог ей эмигрировать в Южную Америку под именем *Nicole Roush*. В 1916 году Мария Николаевна уже жила в Буэнос-Айресе с французом Альфредом де Вильмером, под именем мадам де Вильмер. Де Вильмер умер в 1940 году. Мадам де Вильмер умерла 23 января 1949 года в Аргентине в городе Санта-Фе.

Но и это ещё не финал: прах Тарновской был перевезён в СССР, где она была похоронена в своей семейной усыпальнице на Украине. Кто занимался похоронами? В целом история невероятная!

* * *

Почему тема Тарновской неожиданно возникает в творчестве Игоря-Северянина, когда он проводит беззаботное лето 1913 года на мызе Большая Пустомержа недалеко от железнодорожной станции Веймарн, в компании гражданской жены и дочери. Загадка! К этому времени процесс *Angelo Nero* закончился уже три года назад и его обстоятельства утратили актуальность.

Сегодня мы знаем о Тарновской больше, чем знал поэт, публикуя этот сонет с кодою в сборнике «Victoria Regia»:

По подвигам, по рыцарским сердцам,—
Змея, голубка, кошечка, романтик,—
Она томилась с детства. В прейс-куранте
Стереотипов нет её мечтам
Названья и цены. К её устам
Льнут ровные «заставки». Но — отстаньте!—
Вот как-то не сказалось. В бриллианте
Есть место электрическим огням.

О, внешний сверк на хрупости мизинца!
Ты не привлёк властительного принца:
Поработитель медлил. И змея

В романтика и в кошечку с голубкой
Вонзала жало. Расцвела преступкой,
От электричных ядов,— не моя!..—
Тарновская.

Ещё раз поэт вернётся к теме Тарновской в романе «Рояль Леандра» в масштабной панораме светского и не очень светского Санкт-Петербурга:

Процесс *comtesse* О'Рурк-Тарновской
Два стиля — *comte'a* Роникер
И (до свиданья, хроникер
Судебный!) ателье Мрозовской,
Где знать на матовом стекле
И Северянин в том числе!

И вот тут всё загадка. Графы О'Рурк в реестр дворянских российских родов не включены. Так что после мезальянса Мария Николаевна утратила право на титул, но поэт вслед за всеми остальными прямо называет её *comtesse*, т.е. графиней.

У поэта Тарновская связывает между собой два стиля — стиль [à la] *comte Роникер* и стиль фотоателье Мрозовской. Род графов Роникер известен в Литве, начиная с XVI века. Михаил-Александр Роникер — великий чашник (виночерпий) и генерал-лейтенант литовских войск в графское достоинство Римской Империи был возведён Императором Иосифом II.

Род славен, хотя и не очень знаменит. Так, например, полковник Уральской казачьей сотни Эдуард Роникер отличился при Шипке, по беспечности попав в турецкую засаду. Полковник был убит и погребён у ограды Казанлыкского Богородицкого монастыря. Могила была осквернена турками.

Из ближайших к Тарновской графов Роникер архивам на Украине известен некто по *«Делу о выкупе земельных наделов временнообязанными графа С.М.Роникер Владимирского уезда Волынской губернии»*. Был ли этот представитель рода Роникер любовником Тарновской не известно.

Мрозовская, Елена Лукинична, фотограф Двора Его Высочества князя Черногорского. Адрес ателье в Петербурге: Невский 20, около Полицейского моста. Мрозовской в 1915 году была заказана парадная фотография Игоря-Северянина для первого тома собрания сочинений в издательстве В.В.Пашуканиса. Возможно, в её ателье ранее был сделан портрет Тарновской в период её бурного романа с адвокатом Прилуцким. И хотя любовники постоянно жили в Москве, никто не мешал им посещать Санкт-Петербург.

* * *

Я затрудняюсь объяснить феномен обольстительницы и роковой женщины с гинекологическими проблемами, к тому же отягощёнными психопатическим складом личности, полным отсутствием эмпатии, клаустрофобией, демономанией, наркоманией и склонностью к совершению преступлений.

Впрочем, мухам интересен не только на мёд, но и вторичный продукт тоже. Так устроен мир.

Анекдот от Ирины Одоевцевой

Зимой четырнадцатого года в разгар Германской войны Игорь-Северянин написал стихотворение, в котором обещал своим читателям:

Друзья! Но если в день убийственный
Падет последний исполин,
Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!

Прошло восемь лет. Писатель Алексей Толстой поймал Игоря-Северянина в берлинском ресторане «Медведь» за руку и на глазах у эмигрантской публики заголосил на весь зал:

— *Тогда ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин!*

Хлопнув ошарашенного поэта по плечу, граф Толстой громким голосом одобрительно заметил:

— *Молодец вы, Северянин! Не обманули! Сдержали слово — привели нас, как обещали, в Берлин. Спасибо вам, наш нежный, наш единственный!*

И низко в пояс поклонился.

Описавшийся эстет

Однажды Игорь-Северянин прочел мемуары Георгия Иванова «Китайские тени». Прочел и обиделся. Поэт обозвал Иванова «шпелявой тенью», но этого ему показалось мало, и он добавил, намекая на первенство поэта Вячеслава Иванова:

— *К сожалению, «вечный Иванов», — да и то второй!*

Наконец, прищучив Георгия Иванова на том, что репродукцию «Музы» Врубеля он обозвал декадентской картинкой, Игорь-Северянин ехидно заметил:

— *Так «описываются» только эстеты!*

Флакoн вервэны

В январе 1919 года в Тойла в поэзах Игоря-Северянина неожиданно возникает тема вервэны, а в 1920 году в эстонском издательстве «Odatees» выходит сборник под общим названием «Вервэна»:

Вервэна, устрицы и море,
Порабощенный песней Демон —
Вот книги настоящей тема,
Чарушной книги о святом Аморе.

Демон еще раз возникнет в 1925 году в сонете, посвящённом Александру Блоку: *красив, как Демон Врубеля для женщин*. Но в сборнике «Вервэна» Демон с большой буквы, и это, несомненно, пока ещё сам поэт. Устрицы с лунным запахом вервэны — наваждение голодной зимы 1918-1919 годов, но зато какое наваждение!

О, замороженные льдом,
Вы, под олуенным лимоном,
Своим муарным морезвоном
Заполонившие мой дом. <...>

И в этой зимней голодухе поэт и дама его сердца Мария Васильевна Волнянская — Муринька и Муза музык — *изверженные с изустреченными душами, лунно-изнервленными умами, ночью, вервэной ужаленной, тянущиеся к больному ликеру Crème de verveine*.

Изящную аллюзия, отсылающую читателя к драме Мориса Метерлинка, мы уже знаем:

Флакoн вервэны, мною купленный,
Ты выливаешь в ванну
И с бровью, ласково-насуспенной,
Являешь Монну-Ванну.

В лихо закрученной истории Монны Ванны, закрученной вполне в духе новеллы итальянского возрождения, нас интересует сравнение Марии Волнянской с Монной Ванной — обе склонны к героизму и самопожертвованию, и обе не умеют лгать. Увы, правдивость потом сильно навредит Волнянской, но это будет потом, а пока кое-что проясняет её слабое здоровье. Волнянская больна чахоткой — Монна Ванна ранена по дороге в лагерь Принчивалле.

Мария Волнянская в сценическом образе малороссийской поселянки и уже знакомая нам Монна Ванна с картины К.Норден.

Лето 1916 года Игорь-Северянин и Мария Волнянская проводят на даче в имении Бельское под Лугой. Считается, что здесь, на Корповских озёрах и в девственном хвойном лесу целебный воздух. Ныне в тех местах все перевернулось с точностью до наоборот — вместо леса вырубки, вместо озёр болота с тучами комаров и слепней, но тогда ещё, в 1916 году Бельское — это заявка на модный курорт для чахоточных. Тут уже поправляют здоровье известные петербуржцы.

Именно в Бельском на книжной полке поэта появился изданный в 1912 году в Петербурге труд французского оккультиста, члена «Каббалистического Ордена Розы†Креста» (Ordre Kabbalistique de la Rose†Croix) Поля Седира «Магические растения» (Les Plantes Magiques). В 1916 году Поль Седир (Yvon Le Loup, 1871-1926) в большой моде, он редактирует главный оккультный журнал Европы, основанный в 1888 году, как «L'Initiation» («Посвящение»).

В книге Седира находим описание вервэны, правильно *вербены*. *Verbéna* — род растений из семейства вербеновых, насчитывающий около 250 видов. Народные названия: Hierobotan (священная трава), Veneris Vena (трава Венеры), Peristeros (Голубиная трава), и так далее. Издавна вербене приписывали целебные свойства и свойства афродизиака. И вот что мы находим у Седира со ссылкой на Альберта Великого:

Поль Седир (Paul Sédig, наст. имя Yvon Le Loup).

«Вербена или Железняк, седьмая трава Венеры, именуется иногда Голубиной. (...) Если пить сок с мёдом и тёплой водой — является свободное дыхание. (...) Эта трава делает жаждущим любви, потому что её сок заключает много спермы. Даже более, если кто-либо носит её на себе, то становится сильнее в половом отношении».

В сборнике «Соловей» есть стихотворение, посвящённое баронессе Стелле Романовне Мейндорф (Арбениной), в котором поэт называет её «воплощённой Вербэной». В стихотворении 1924 года «Peristeros» в «Классических розах» весьма точно описан магический обряд с использованием вербены. Рядом стихотворение «Veneris Vena», прославляющее любовный напиток из вербены.

Игорь Васильевич человек православный, воцерковлённый и вдруг магия? Однако все объясняет болезнь Марии Васильевны Волнянской. Книга Поля Седира несомненно принадлежала ей. Напиток из сока вербены с мёдом и тёплой водой облегчает дыхание больного чахоткой (туберкулёзом). Больные туберкулёзом становятся любвеобильны, отсюда *святой Amor* и потребность в афродизиаке для партнёра (*больной ликёр Crete de verveine*). Кстати, любвеобильное поведение самого поэта в конце жизни объясняется именно туберкулёзом. Наконец, голод в осаждённой Пизе и голод в Тойла Недостаток питания провоцирует обострение болезни, отсюда впечатляющий гимн устрицам, которых в Тойла отродясь не бывало.

Три княгини

Первая же княгиня, увы старушка, хозяйка квартиры в Гатчине, у которой в 1908 году Игорь Лотарёв снимает летнее жильё. Хозяйка — урождённая немецкая графиня Мария Александровна Адлерберг (1849-1926) — в замужестве княжна Дадиани. В роду её мужа светлейшего князя мингрельского Нико Дадиани числится бабушка Саломе — Саломея Орбельяни. Запомним это имя.

Светлейшая грузинская княгиня,
Рождённая немецкая графиня,
Две комнаты сдала в своей квартире.
Она была художницей. Любила

Искусство, но была «тощее» немного.
Притом нередко сильно выпивала.
Лет сорока сановника вдовую
Оставшись, замкнуто, уединённо
На пенсии жила. Её рассказы,
Исполненные образности, дали
Впоследствии мне тему для поэзы.
Она ко мне весьма благоволила.
И часто с нею сидя на балконе,
Беседовали мы до поздней ночи.
Но беспокойный княжеский характер
И постоянные её причуды
На нервы наши, Зоечкиной смертью
Расшатанные, действовали скверно,
И через две недели, вняв советам
Знакомого профессора, мы с мамой
Себе другую дачу подыскали,
Покинув её сумрачную Светлость.

Немного *toquee* — это загадка! Что конкретно имел в виду поэт — влюбчивость княгини вплоть до сумасшествия или *ночной колпак*, в смысле насмешки над женщиной, лишённой обаяния — *сумрачной Светлости* (каков оксюморон!) и всецело поглощённой искусством? Неясно. Однако какая-то причина была.

* * *

Вторая княгиня — тоже старушка. Это — Лидия Оболенская, урождённая фон Веймарн. В сборнике «Златолира» ей посвящено стихотворение «В саду княгини»:

В яблони в саду княгини,
Милая, в седьмом часу,
Выбеги в кисейке синей,
Лилию вплета в косу.

Ласково сгибая клевер,
Грёзово к тебе приду, —
К девочке и королеве,
Вызеркаленной в пруду.

Бывал я в тех местах, где написано это стихотворение — на мызе Большая Пустомержа. Видел речку Нейму, где во времена поэта водилась рыба, а ныне воды по щиколотку. Видел земляные ванны, в которых летом купались ребятишки, ныне помойки, и т.п.

Имение не сохранилось. На его фундаменте возведена местная школа. Раскидистые клёны, в которых *бравурила весна*, немцы вырубili на дрова зимой 1941 года. Описанный поэтом каретник не сохранился, но 1999 году ещё был цел флигель княжеского повара Анкудинова.

Самого князя революционные матросы расстреляли у станции и, бросив на дороге, хоронить запретили. Князя тайно похоронили в Ястребино. Годом позже умерла и княгиня.

От славной фамилии обрусевших немцев осталось только название железнодорожной станции под Ямбургом (Кингисеппом) — Веймарн. Между тем Высочайше утверждённым мнением Государственного совета, флигель-адъютанту, полковнику Александру Магнусу-Фридриху Петровичу Веймарн дозволено было принять фамилию и титул двоюродного дяди своего, князя Эрнста-Магнуса Михайловича Барклай-де-Толли, и именоваться князем Барклай-де-Толли-Веймарн. По Высочайшему повелению, от 2 ноября 1872 года, разрешено потомству генерал-адъютанта князя Александра Барклай-де-Толли-Веймарн, как мужского, так и женского пола, именоваться князьями и княжнами Барклай-де-Толли-Веймарн.

Княгиня была скромна, хотя имела громкий титул. Кажется, что род не угас, поскольку в Пустомерже мне рассказывали, что в лихих девяностых в имение наведывался некто из Парижа, рекомендовавшийся князем Оболенским.

* * *

Третья княгиня, упомянутая в стихотворении «Барельеф» из сборника «Классические розы», породнила грузинский Тифлис с эстляндским Юрьевом:

Есть в Юрьеве, на Яковлевской, горка,
Которая, когда я встану вниз
И вверх взгляну, притом не очень зорко,
Слегка напоминает мне Тифлис.

И тотчас же я вижу: мрамор бани,
Зурну, кинто, духанов чад и брань
И старую княгиню Орбельяни,
Сидящую на солнышке у бань...

Если игнорировать ритм и прочесть стихотворение, как прозаический текст, что называется в одну строку, то возникает почти фотографическое изображение двух удалённых друг от друга во времени и пространстве географических объектов.

Нас интересует Тифлис — либо это воспоминание из первого посещения города, относящееся к марту 1913 года, либо из последнего, относящееся к январю 1917-го.

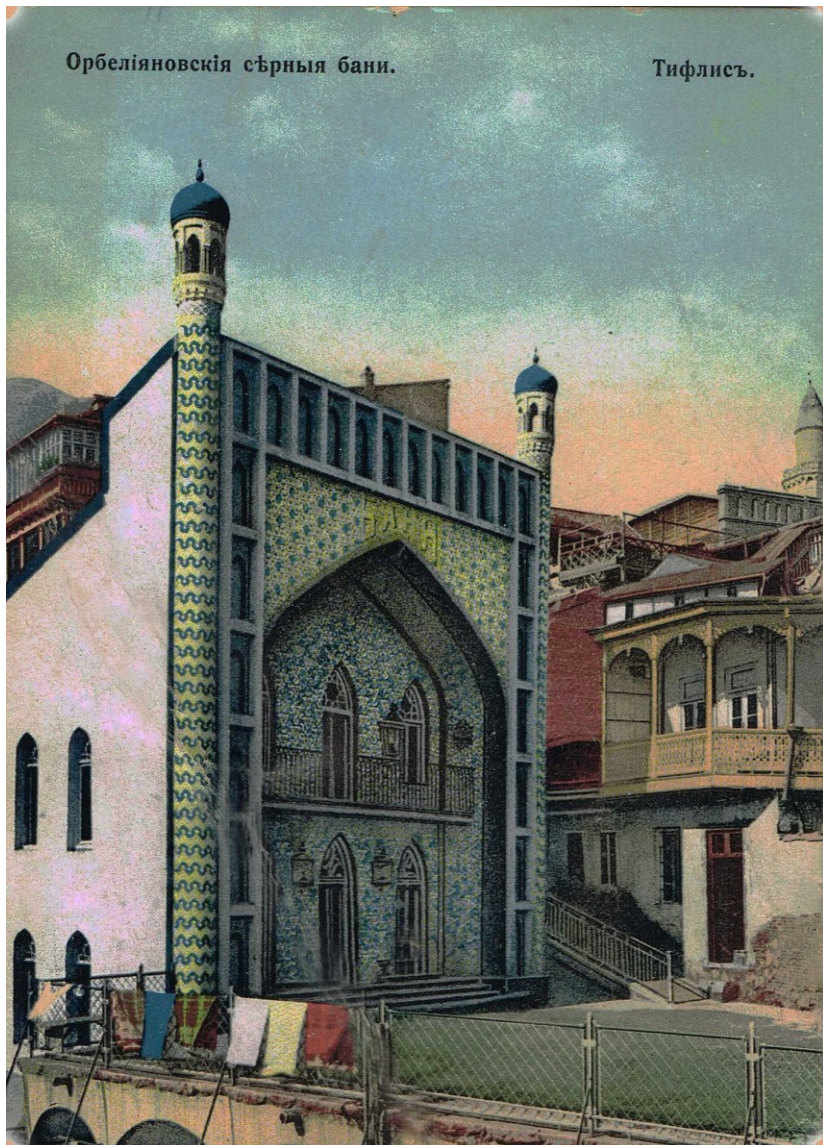
Зурна — деревянная праздничная флейта, распространённая в Закавказье, и она никаких сомнений не вызывает. А вот с кинто будет посложнее. В интернете с лёгкой руки Кошелева и Сапогова вместо кинто гуляет загадочное *винто*. У кинто две ипостаси — это серьёзный грузинский мужчина, занимающийся торговлей, и одновременно — это весельчак и балагур, мошенник и плут, гуляка, завсегда с духанов — шинков и мелочных лавок.

Вид классического тифлисского кинто весьма живописен: на голове картуз, просторные ситцевые шаровары, заправлены в носки, на ногах сапоги гармошкой. Поверх ситцевой рубахи в белый горошек, с высоким и непременно расстёгнутым воротом, плотно прилегающий к телу архалук (род кавказского кафтана), из кармана которого свисает массивная часовая цепочка из золота.

Княжеский род Орбельяни (Орбелиани) по преданию переселился в Грузию из Китая. Родоначальником считается Орбел Бараташвили. Род плодовитый, расселившийся и в Грузии, и в России — в Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерниях и даже в самом Петербурге. Так что определить, которая из княгинь Орбельяни привиделась поэту, возможным не представляется.

Орбеляновскія сѣрныя бани.

Тифлисъ.

За историческую достоверность самих серных бань Орбеляни в Тифлисе ручаюсь: их можно видеть на старой открытке.

Обрезание «Соловья»

В конце прошлого века в московских букинистических магазинах довольно часто можно было найти сборник «Соловей», выпущенный в 1923 году в Берлине многотысячным тиражом и, в силу этого, не представлявший особенной редкости. Книга была выпущена акционерным обществом «Накануне» с указанием на двойное место издания Берлин — Москва.

В отличие от Берлинских «соловьёв» у московских есть несколько отличий. На их титульной странице обязательно вымарано указание на Москву, при этом некоторые экземпляры снабжены треугольным цензурным штампом, а некоторые нет, но во всех экземплярах отсутствуют два листа: 181-182 и 183-184. Если же вам в руки попадёт экземпляр со всеми листами, значит «Соловей» — берлинский.

Первый лист был изъят и запрещён за строфу из стихотворения «Вне политики»:

Где в зелень берегов одета
Златисто-карая река,
Здесь нет ни одного «кадета»,
Ни одного «большевика».

Второй лист вырезали ради стихотворения «Доказательство рабства», в котором поэт обращается к деятелям искусства:

И что же? Запрещенье водки —
Лишенье вас свободных грёз —
Вы, — апатичны, вялы, кротки, —
Перенесли, как жалкий пёс!

Вы без малейшего протеста
Позволили вас обокрасть, —
И ваше грёзовое место
Взяла разнузданная власть!

Советская власть не могла позволить так измываться над ней, а поскольку до автора было не дотянуться, то наказали книгу. Акт обрезания, кроме цензурных соображений, носил магический характер. Могли бы легко запретить «Соловья» к ввозу в РСФСР, но, нет, ему лишь сделали позорное обрезание, чтобы и автор помучился.

Самоубийца Львова

Когда-то давно мне повезло первым опубликовать стихотворение Игоря-Северянина «На смерть Валерия Брюсова»:

Как жалки ваши шиканья и свист
Над мертвецом, бессмертием согретым:
Ведь этот «богохульный коммунист»
Был в творчестве божественным поэтом!..

Поэт играет мыслью, как дитя, —
Ну как в солдатики играют дети...
Он зачастую шутит, не шутя,
И это так легко понять в поэте...

Он умер оттого, что он, поэт,
Увидел Музу в проститутском гриме.
Он умер оттого, что жизни нет,
А лишь марионетковое джимми...

Нас, избранных, все меньше с каждым днём:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева.
Когда ты с ним останешься вдвоём,
Прости его, самоубийца Львова...

Душа скорбит. Поникла голова.
Смотрю в окно: лес жёлт, поля нагие.
Как выглядит без Брюсова Москва?
Не так же ли, как без Москвы — Россия?..

Игорь-Северянин был мастер на шарады. Как будто все понятно, но не подготовленный читатель непременно споткнётся о самоубийцу Львову. А эта история всем историям история!

В салоне Сологуба и его жены Анастасии Чеботаревской бывала женщина, к которой Игорь-Северянин был не совсем равнодушен. В салоне эту даму называли *американизированной соотечественницей*. Чеботаревская однажды отказала ей от дома, но Игорь-Северянин настоял на возвращении «американки» в салон. Имя женщины не названо, но в рассказе Игоря-Северянина «Салон Сологуба» имеется достаточно указаний на актрису Лидию Рындицу, например, упоминание об экстравагантном способе рекламы:

Роковой треугольник:
Андрей Белый, Нина Петровская, Валерий Брюсов

«Одна актриса, изредка встречаемая мною в доме Сологуба, совершенно серьёзно просила меня в одну из "лирических" минут выстрелить в неё из револьвера, но, разумеется, не попасть в цель. "Это было бы отлично для рекламы", — заискивающе откровенно пояснила она».

Скандалный поэт входил в моду и это обстоятельство, сильно подогрело интерес Рындиной к Игорю-Северянину. Новичку надо было осваивать богемный образ жизни, и Рындина взялась быть его проводником. Кстати, опытного богемца было бы трудно подписать на фарс с неудачным выстрелом. Своей весьма экстравагантной просьбой Рындина выясняет, как далеко может зайти сей юноша, воспеваящий в стихах свои необыкновенные любовные приключения.

Чтобы до конца понять и оценить интригу, надо вернуться на десять лет назад, разумеется, за вычетом Игоря-Северянина, который по младости лет точно был не в теме.

Рындина была второй женой издателя Сергея Соколова, а его первой женой была Нина Петровская, которая вместе с ним стояла у истоков издательства «Гриф». К началу 1904 года любовь исчерпала себя, идеологические расхождения между Соколовым и Петровской переросли в откровенную вражду. К этому времени Нина Ивановна увлеклась Андреем Белым, который не понял и не принял её плотских устремлений:

«... вместо грёз о мистерии, братстве и, сестринстве оказался просто роман (...) я ведь так пытался объяснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом вдруг — "такое"». (Литературное наследство», т. 85. М., «Наука», с. 334.)

В августе 1904 года следует разрыв отношений Нины Петровской с Белым и сближение с Брюсовым, который предлагает ей союз против Белого. Образуется «треугольник» Белый — Петровская — Брюсов. В 1905 году Нина Ивановна стреляет в Белого. Браунинг, а, по другим сведениям, револьвер, даёт осечку. И все же — грандиозный скандал!

Browning M1900.

Револьвер крайне редко даёт осечки. Скорее всего это браунинг M1900. Модель именно 1900-го года, потому что модель M1903 — это уже громоздкий армейский вариант с деревянной кобурой.

Браунинг Петровской попадает к Брюсову. Эта история была хорошо известна Лидии Рындиной. Отсюда её странная просьба к Игорю-Северянину стрелять в неё ради рекламы. Остаётся только добавить, что, по словам Петровской, её муж Сергей Соколов всю жизнь люто ненавидел Брюсова. Соколов злорадно подсмеивался над Брюсовым:

«— Совершеннейший волк! Глаза горят, ребра втянуло, грудь провалилась. Волк, да ещё голодный, рыщет и ищет, кого бы разорвать!» (Н.И. Петровская. Из воспоминаний. В сборнике «Литературное наследство», т. 85. М., «Наука», с. 785.)

20 декабря 1912 года Игорь-Северянин выступает в «Обществе свободной эстетики». За ужином он становится объектом речей и тостов. Неожиданно к нему подходит Брюсов и на ухо сообщает, что две дамы хотят поцеловать поэта. В смежной гостиной Брюсов знакомит Игоря-Северянина с Надеждой Львовой — *молодой поэтессой, подававшей большие надежды*. Поэт обменивается поцелуями с Львовой и её спутницей, имя которой он не запоминает:

«Между нами не было сказано ни слова. Это была наша единственная встреча. Я теперь уже не помню лица её, но у меня осталось впечатление, что Львова не была красавицей». (Игорь-Северянин. Уснувшие весны. РГАЛИ, ф1152, оп. 1, е. х. 13.)

К 20 декабря отношение Брюсова к Львовой оформилось в ухаживание. Летом 1913 года Брюсов дарит Львовой браунинг Нины Петровской и начинает потихоньку приучать её к мысли о самоубийстве — *все в жизни есть средство для ярко-певучих стихов!*

Надежда Львова, поэтесса и самоубийца.

Роковая развязка наступила 24 ноября (с.с) 1913 года — Львова, наконец, застрелилась. Перепуганный Брюсов просит Вадима Шершеневича замять историю в прессе и не допустить упоминания его имени.

Жизнь Нины Петровской оборвалась в 1928 году в Париже. К этому времени она уже была алкоголичкой со стажем и крепко подседа на морфий. Когда в январе умерла её младшая сестра, Петровская неудачно пыталась заразить себя её трупным ядом. Через месяц, 23 февраля она отравилась газом в парижской гостинице. Печальный финал.

* * *

Для Игоря-Северянина в развязке этой истории тоже нашлось место. В салоне Сологуба он сблизился с актрисой Лидией Рындиной и подобрался к её мужу Сергею Соколову — хозяину издательства «Гриф» так близко, насколько это возможно. В 1913 году Соколов из вороха стихов Игоря-Северянина собирает «Громокипящий кубок». Выборка случайная. Случайно и деление по разделам. Так, например, раздел «Эго-Футуризм» вместе с «Прологом» и «Эпилогом» попадает в конец сборника, хотя логика раздела такова, что он должен предшествовать всему остальному или отсутствовать вовсе.

Таким образом классическая вёрстка «Громокипящего кубка» дело рук не Игоря-Северянина, а Сергея Соколова. Однако важен результат: при всех неувязках выборка и вёрстка оказались классическими и выдержали без изменений 10 дореволюционных изданий — абсолютный рекорд Серебряного века!

Вот какую любопытную историю можно вытянуть из клубка судьбы, если знаешь, за какую ниточку потянуть.

Могилы на кладбище в Тойла

Летом 1987 года с разрешения племянницы поэта Нины Георгиевны Аршас я обновил крест не могиле матери поэта в Тойла. Мы обсуждали место для воздвижения нового креста, но сошлись во мнении, что когда-нибудь он будет поставлен на правильном месте, а пока пусть будет как есть.

Освящённый крест любезно предоставил нам староста Александро-Невского прихода в Таллинне Павел Машков. Простоял тот крест почти три десятка лет, пока с лёгкой руки ревностного охранителя русских памятников в Эстонии Юрия Мальцева некий меценат женского пола из России не обновил кладбищенские таблички на могиле матери поэта Натальи Степановны Лотарёвой и его жены Фелиссы Михайловны Лотарёвой. Полагаю, что внешний исторический вид участка изменили явочным порядком без разрешения родственников.

На старом фото отмечены могилы 1. Линды Круут, 2. Адольфа Милли, 3. Фелиссы Лотарёвой, 4. Ольги Круут и 5. Натальи Лотарёвой

Ныне фамильный участок Круут украсился двумя аляповатыми памятниками в новорусском стиле. А ведь не было никакой нужды менять таблички, достаточно было почистить и слегка обновить надписи.

Я застал крест и табличку Натальи Степановны не в головах, а в ногах её могилы. Вероятно, тот, кто ставил деревянный крест до меня был смущён старым крестом, прислонённым к стволу дерева. Он не имеет никакого отношения к семейству Круут, более того датой смерти некоего Эдуарда указан 1923 год. Между тем Наталья Степановна умерла двумя годами ранее в 1921-м, так что не было никакого резона хоронить её в ногах чужой могилы. Именно это мы и обсуждали.

Проблема хорошо просматривается на местности, если соотнести могилу Натальи Степановны с разметкой прохода между двумя рядами могил. Вероятно, это не пришло в голову охранителю памятников, а уж меценату и подавно. Руки чешутся восстановить status quo — закопать новоделы, вернуть оригинальные таблички и крест.

«Румынский язык»

Игорю-Северянину часто доставалось от современников за вычурный язык, считавшийся новаторским. Аэроплан, автомобиль, телефон, фокстрот, наконец, новые общественные отношения уже не могли быть описаны языком XIX века. Всю жизнь поэт безумно гордился тем, что в русском языке прижилось придуманное им слово «бездарь»:

Вокруг талантливые труссы
И обнаглевшая бездарь...
И только Вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь...

Словотворчество Игоря-Северянина построено по архаическим законам и на 99 процентов понятно без перевода, хотя писатель Александр Амфитеатров считал иначе:

«О громадном же большинстве произведений г. Игоря Северянина признаю себя совсем не способным судить, — по той простой причине, что не знаком с языком, на котором они написаны. <...> О непонятной мне части [языка] я ограничусь лишь замечанием, что, судя по смешению в языке латинских корней с славянскими суффиксами и флексиями, язык этот близок к румынскому. Приблизительно таким наречием изъясняются музыканты румынских оркестров после того, как проиграют сезона два-три в русских ресторанах и увеселительных садах».

В «Записной книге И.В.Лотарева» за 1920 год отыщется подробный словник к стихотворению с аргентинскими реалиями, доказывающий, что поэт весьма тщательно готовил свои изыски:

«Мендоза — местность; растреадор — разбойник равнины; памперо — юго-восточный ветер аргентинской равнины; польдерия — деревня; андо — перувианцы (перуанцы)».

Амфитеатров был слишком строг к поэту, строг так, как могут быть строги только учёные современники.

Обличение грамматиков

Алексей Ремизов рассказал историю о том, как «всякие бывшие русские Грамматики» обличали Игоря-Северянина в Варшаве:

«Ему говорят — неправильно произносите "утонченный", надо произносить "утончённый"! А он по простоте своей — учение о предложении и о словосочетаниях для него мертвая грамота — возразить ничего не может. Так и уехал в Тойлу. А ведь был прав: есть "утончённый" (по существу тонкий), а есть "утонченный" (не тонкий, лишь сделавшийся тоньше: как бы рубанком прошлись)». («Мерлог»)

Ремизов имел в виду «научные» споры по поводу поэмы «Кэнзели» (1911) из сборника «Громокипящий кубок»:

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...

Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...
В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники? и найдётся ли пара Вам?

Ножки плэдом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику, в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

Обличали поэта 16 февраля 1928 года в Русском доме на Маршалковской улице после вечера, организованного Союзом русских писателей и журналистов в Польше. Игорь-Северянин действительно промолчал. Ремизов просто не знал о том, что у поэта есть правило никогда не отвечать на критику прозой.

Эстляндская легенда о белых ночах

С мая по июль 1915 года Игорь-Северянин проводит в Тойла. С большой долей вероятности, он снимает комнату у семейства Крут. Его будущая жена Фелисса даже не гимназистка — школьница, и он её просто не замечает.

В этот момент Эстляндия для поэта — это ещё экзотическая часть большой России, но уже интересная и самобытная, уже не *приют убогого чухонца*, а нечто большее. И это не спекуляция на тему пламенной любви поэта — это признание культурного российского многообразия, его северный вариант.

На лето 1915 года пришлось окончание бурного романа с Лидией Рындиной. В феврале вышло седьмое издание «Громокипящего кубка» — последнее в издательстве «Гриф». Заключён договор с издателем Викентием Пашуканисом на издание собрания сочинений и Рындина в качестве музы получает отставку. Помните, замечание поэта Андрея Белого о его отношениях с Ниной Петровской:

«... вместо грёз о мистериш, братстве и, сестринстве оказался просто роман (...) я ведь так пытался объяснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом вдруг — "такое"». (Ibidem.)

В письме Игоря-Северянина к жене хозяина издательства «Гриф» Сергея Соколова Лидии Рындиной находим нечто очень похожее на недоумение Белого:

«Дорогая Лида! Я всегда был и буду твоим истинным другом (...) Меньше всего видел и ценил в тебе женщину, несмотря на то, что ты очень красива и интересна. Всегда чувствовал глубину твоей души, которую эти человечки не могут познать. И вдруг ты говоришь чудовищные фразы, что я плюю на тебя и тому подобное! В уме ли ты, Лида? Да на каком основании?!» (Игорь-Северянин. Царственный паяц. СПб, 2005, стр. 105).

Полагаю, Христос в будуаре Рындиной даже не третий лишний, Он просто неуместен, когда «такое». Письмо не датировано, но есть все основания отнести его к началу июля 1915 года

В дневнике Л.Рындиной за 14 июля 1915 находим:

«Да, ещё курьёз в моей жизни. Игорь Северянин хотел меня шантажировать моими письмами, но их украл у него Толмачев. Северянина я навсегда вычеркнула, вот и все. Страх не было, было смешно и грустно как-то». (Лица: Биографический альманах. Из дневников Л. Д. Рындиной. СПб., 2004).

Таков фон подборок в альманахе «Амфора эстляндская» и «Поврага».

Койт и Эмерик

1

Койт, зажигатель солнца, и Эмерик, гасунья,
Встретились перед ночью в небе, весной золотом,
Встреченю чаровались. Койт запыхал: «Чарунья!...»
А Эмерик сказала: «Счастье в тебе, молодом...»

И позабыла махнуть рукавом,
И не подула на солнце июнье, —
И осенило оно новолунье
Победоносным лучом.

2

Бог, Вседержитель неба, Солнечный Вседержитель,
Сам Себя сотворивши, Койта и с ним Эмерик,
Бог разразился гневом: — «Дерзостные, дрожите! —
План мой разрушить смели, оцепенившие миг».

В небе раздался испуганный крик:
То растерялись и Койт, небожитель,
И Эмерик, распутившая нити
Льняных волос на свой лик...

3

Но, пережив мгновенье, пламенным чувством смелы,
Правы своей любовью, искренностью осмелев,
Койт с Эмерик вскричали: — «Мы пред тобою белы!
Мы пред Тобою невинны! Твой непонятен гнев!...»

И Эмерик, от тоски побледнев,
Облако в руки взяла и запела,
Пела о чувстве своём и бледнела
Бледностью девственных дев...

4

Но справедлив, Премудрый! Бог остаётся Богом!
Светлое возмущенье может судью восхитить!
Месть пробуждает правда только в одном убогом, —
Бог же всегда был Богом, пламя готовым простить!..

Eesti usk

Kirjutanud
A. Heraklides

Pildid:
Katolikupaprid raijavad eellaste püha
hüüepuu maha a. 1220
Kuusaku Püha-tamm ja Püha-hallikas
Koit ja Amarik
Kalewipoeg ja Sarwik

*****

Trükitud W. Ehrenpreis'i trükikojas, Tallinnas

Bind 25 kop.,

A. Heraklides. Eesti usk. (Эстонская вера). Tallinn, 1908

И даровал он им право — любить,
В вешния ночи встречаться дорогам, —
Разным путям их, — и в этом немногом
Счастье уметь находить!

Маленькая поэма «Койт и Эмерик», написанная в Гатчине в 1916 году, попала в раздел «Поврага» в альманахе «Острова Очарований». Она посвящена второму участнику сборника Алексею Масаинову. Алексей Алексеевич Масаинов (1888-1971) — путешественник, писатель, поэт, сценарист новаторских голливудских документальных фильмов. Среди российских журналистов пионер воздухоплавания. У участник Германской войны — военный корреспондент «Биржевых ведомостей». Вместе с Игорем-Северяниным опубликовался в альманахах «Мимозы льна» (1916) и «Острова очарований» (1917).

«Мимозы льна» — это придумка Игоря-Северянина, «Острова очарований» — это Масаинов, намёк на любимые острова Полинезии. Первый альманах издан под маркой мифического издательства АМИС, в котором легко указываются инициалы авторов. Второй альманах — под маркой липового издательства «Ариэль». Ариэль — это имя сифа из поэмы Александра Поупа «Похищение локона» (*Of these am I, who thy protection claim, / A watchful sprite, and Ariel is my name*), а также имя духа, служившего Просперо в произведении Уильяма Шекспира «Буря» (*The Tempest*). Ариэль приветствует хозяина и мотильщика:

All hail, great master! grave sir, hail! I come
To answer thy best pleasure; be't to fly,
To swim, to dive into the fire, to ride
On the curl'd clouds, to thy strong bidding task
Ariel and all his quality.

Наконец, Ариэдьль — это название спутника Урана. Намёк на то, что Масаинов — спутник Игоря-Северянина? Почему бы и нет.

Как бы там ни было, в поэме «Койт и Эмерик» изложена история, опубликованная в 1840 году Фридрихом Робертом Фельманном. Койт и Хямарик — воплощения утренней и вечерней зорь. Прекрасный юноша Койт хранит солнце от того, чтобы оно подожгло землю. Хямарик — вечерняя заря, она прячет солнце на ночь. Зори полюбили друг друга, но мир устроен так, что они встречаются только четыре недели в году в период белых ночей. Они так решили сами.

Брошюрка «Eesti usk», на обложке которой помещён рисунок Н.Лайрма «Koit ja Ämarik», была в семейной библиотечке Лотарёвых (Круут). Я видел её в Тойла и надеюсь, что она цела до сих пор. Мне от племянницы поэта в 1988 году достался изрядно потрёпанный и склеенный скотчем дубль. Остаётся один только вопрос: кто познакомил в 1915 году поэта с переводом истории из трудов Фельмана? В книжке Гераклидеса этой истории целиком нет, только очень краткий пересказ. Эта метелинка ещё ждёт своего вдумчивого исследователя.

«Усадьба» в Тойла

Когда стало можно писать об Игоре-Северянине, то написано было великое множество глупостей, большая часть которых не заслуживает даже быть упомянутой. Так, в материалах, опубликованных к столетию со дня рождения поэта, научный сотрудник Череповецкого краеведческого музея Н.Документова утверждала, что Лотарёвы имели в Тойла небольшую усадьбу. Якобы, на этой усадьбе и поселился Игорь-Северянин в январе 1918 года. Усадьба! Всего-то 11 соток.

Бывать в Тойла поэт начал ещё до революции. Он приезжал сюда летом на дачу к Фёдору Сологубу. Сологуб снимал несколько комнат в доме Мягера на краю посёлка через поле от деревенского кладбища. Потом Игорь-Северянин и сам стал снимать дачу в Тойла у плотника Михкеля Круут (эст. Kruut).

В январе 1918 года вместе с матерью, престарелой прислугой Марией Неупокоевой (Дур-Машей), Еленой Семеновой и дочерью Валерией он занял одно из двух строений, принадлежавших семейству Крут (на фото справа). И не всегда было так шикарно. В какой-то момент квартировать приходилось в каменном сарае (на фото в центре). В марте 1918 года поэт привёз в Тойла Марию Волнянскую, и Семеновой с дочерью пришлось искать другое жильё.

После разрыва отношений с Волнянской и смерти матери поэт женился на дочери домохозяина Фелиссе, с которой стал жить в одноэтажном домике справа. Только в 1928 году Игорь и Фелисса переехали вместе с сыном Ваххом в соседнее, более просторное строение (на фото слева). Дом во время войны пострадал от огня и теперь «кабинет» поэта расположен в одной из бывших спален или в бывшей детской комнате. У входа в дом над дверью сохранилась карандашная надпись, сделанная рукой поэта: «Въехали 19.VI.1928». Ниже Фелисса сделала приписку: «Вторая крыша 1937».

Домовладения семейства Круут в Тойла.

Автор в импровизированном кабинете поэта. 1987 год.

Реальный кабинет сгорел во время войны вместе с частью дома. На стене портреты певицы Лидии Липковской и актёра Владимира Гайдарова. На столе, икона св. благоверного князя Игоря Черниговского. Портреты Игоря и Фелиссы работы Евгения Финка.

Один ранних вариантов оформления левой стены кабинета.
Портрет Фелиссы (1921, Тойла), двойной портрет супругов Лотарёвых
(1931, январь, Горажда), портрет поэта (1932, Тойла).
Рамки сделаны собственноручно поэтом.

Стол поэта (подлинник). На верхнем фото портрет поэта (1924) и подарок Арсения Формакова — иллюстрация к миньонету «Это было у моря». На нижнем — портреты Фелиссы и певицы Лидии Липковской.

Игорь-Северянин и Лидия Липковская.

Слева книжный шкаф с портретами Б.Правдина, В.Адамса, А.Пушкина, А.Чехова, А.Блока, книгами Чехова из серии «Русская библиотека» (Белград) и двухтомником Леонида Леонова.

Таллинн, Койду, 50. Квартира поэта в 1935 году — «комната-кухня»
во втором этаже (второе окно справа), вход со двора.

Нина Георгиевна Аршас — дочь красного командира Георга Круут, племянница Фелиссы. На стене картины А.Кайгородова и А.Егорова из дома в Тойла в самодельных рамках, сделанных поэтом.

Н.Аршас с гостем из Екатеринбурга Алексеем Мясниковым, автором одного из наиболее популярных сайтов об Игоре-Северянине.

Водопады Aluoja

В живописной долине Святой реки, на высоком левом берегу расположилось курортное местечко Тойла, а на правом некогда стоял дом купца Елисева, подаренный потом первому эстонскому президенту Константину Пяту.

С годами многое изменилось. В устье реки построена колхозная пристань, нижний парк основательно запущен, система прудов пришла в упадок, дом разрушен во время войны. И все же некоторое представление о былом великолепии верхнего парка уже можно получить по отреставрированным фрагментам.

Если подняться вверх по течению Святой реки до впадения в неё ручья Aluoja, то до сих пор можно видеть каскад из пяти водопадов, отчётливо видных на *carte postale* начала прошлого века. Скромные водопады Aluoja навеяли поэту образ падучей стремнины, использованный им в автобиографическом романе. В стихотворении «Канцона» читаем

О, водопады Aluoja —
Пятиступная стремнина,
Пленительные падуны!
Паденье ваше — удалое!
Вы, кем овлажнена ложбина,
Вы, кто над скалами звучны, —
Краса эстийской стороны, —
Я вас пою, о водопады
Реки извилистой и бурной,
В орешник, в густоте сумбурной,
Запрятанные! Край прохлады
В полдневный изумрудный зной,
Отныне вы воспеты мной!

Сосна, похожая на лиру

В парке Тойла, там, где дорога спускается к берегу моря, стоит тяжёлая каменная скамья, с которой открывается пленительный вид на долину Святой реки — Rūhājõgi. Как-то весной я пришёл сюда с друзьями. Сиденье скамьи было сброшено на землю. Мы вернули скамью на место, но случайно раздавили на правой руке последнюю фалангу безымянного пальца. Остужая боль в талом снегу, я поднял взгляд, и он остановился на необычной сосне. Если бы я был суеверным человеком, то расценил бы эту травму, как знак от *него*.

С этим местом и датой 9 октября 1920 года у супругов Лотарёвых было связано какое-то очень важное семейное событие. Первое свидание? Первый поцелуй? Объяснение в любви? Предложение руки и сердца?

В приморском парке над рекою есть сосна,
Своею формою похожая на лиру.
И на оранжевом закате в октябре
Приходит девушка туда ежевечерно.
Со лба спускаются на груди две косы,
Глаза безумствуют весело-голубые,
Веснушки радостно порхают по лицу,
И губы узкия и длинныя надменны...
В неё, я знаю, вся деревня влюблена...
(Я разумею под «деревней» всё мужское).
Ей лестно чувствовать любовь со всех сторон,
И для исканий всех она неувовима...
Она кокетлива и девственно груба.
Такая ласковая по природе,
Она чувствительна и чувственна, но страсть
Ей подчиняется, а не она — порыву...

С Игорем-Северяниным всегда так: мы до сих пор можем видеть то, что видел он. Нужно только быть внимательным.

Чем не Япония?

Происхождение этой сомнительной метелинки – магазинное: в московском антиквариате меня попросили удостоверить почерк Игоря-Северянина на четырёх *cartes postale*. Пятая карточка была без инскрипта, но с устьем Святой реки (Pühajõgi). На левом берегу реки можно разглядеть сидящего человека. Перед ним на урезе нечто похожее на импровизированное удилище. В рыбацком посёлке Тойла был только один пижон, ходивший на рыбалку с удочкой, — Игорь Северянин. Человек на фото одет в пиджачную пару, сапоги, светлую рубашку и кепку. Длинная породистая кисть левой руки свободно свисает с колена. Арсений Формаков оставил нам описание Игоря-Северянина в Тойла:

«Ходил поэт в Тойла в высоких смазных сапогах, синей или чёрной сатиновой вылинявшей на солнце блузе, клетчатой кепке — совсем питерский рабочий».

Есть фотография, на которой поэт вместе с Формаковым имитирует рыбалку именно в пиджачной паре.

Антиквар Михаил Елиазарович Кудрявцев тут же подарил мне эти *cartes postale*, поскольку инскрипт, увы не автограф.

Прошло какое-то время и на карточке с изображением Керченской бухты меня заинтересовала надпись, сделанная рукой поэта «Чем не Япония?!» Поэт никогда не бывал в Японии и сравнить пейзаж в Крчи мог только с бухтой в Порт-Артуре, которую он видел накануне Русско-японской войны. Так почему Япония, а не Порт-Артур в Китае?

Японские мотивы вообще появляются в творчестве Игоря-Северянина только после знакомства с Алексеем Масаиновым, которому посвящено знаменитое «Лэ II»:

В Японии, у гейши Ойя-Сан,
Цветут в саду такие анемоны,
Что друг её, испанский капитан,
Ей предсказал «карьеру» Дездемоны.

В ближайшем окружении поэта мне не известен никто, кроме Алексея Масаинова, кто мог бы оценить сходство пейзажей. Похоже, что карточка предназначалась ему и его очаровательной гейше:

Пойте, нежные гейши, смейтесь
Над пришельцем далёких стран.
Ах, играй на длинной флейте
Голубая Ойя-Сан!

Слева: Игорь-Северянин и Арсений Форматов имитируют рыбалку.
Справа неизвестный в Ого. Игорь-Северянин?

Чайный домик светел и лёгок,
Пахнет сливой и чай согрет.
Не гляди ж, не гляди так строго
Ойя-Сан, вишнёвый цвет!

Косоглазый и странный ребёнок,
В пышном платье, в причёске крутой —
Голосок твой нежен и звонок,
Не стыдись же, присядь и спой...

Библиотека Маяковского: тест Троцкого-Бухарина

В 1983 году Всесоюзное добровольное общество любителей книги издало агитационную брошюру-лекцию «Личная библиотека В.В.Маяковского». Есть в этом ничем не примечательном издании одна любопытная деталь: в описи личной библиотеки поэта Владимира Маяковского совершенно отсутствуют книги Игоря-Северянина. Однако по свидетельствам современников, Маяковский знал на память множество стихотворений своего приятеля.

Поэт Владимир Сидоров (Вадим Баян) вспоминал, что во время турне по Югу России в январе 1914 года Маяковский по любому поводу цитировал поэты Игоря-Северянина. Изошрённая попытка закончилась тихим скандалом в Керчи. Игорь-Северянин прервал турне и вернулся в Петербург. Этот эпизод как минимум, свидетельствует о том, что в дореволюционной библиотеке Маяковского были книги Игоря-Северянина и стихи из них он мог знать наизусть.

Кроме личной библиотеки в рабочем кабинете Маяковского на Лубянском проезде в Москве была ещё одна библиотека в Гендриковом переулке — общая с Осипом Бриком. Эта библиотека насчитывала до 1200 томов, в ней преобладали книги по теории литературы и социологии. Описание этой библиотеки не сохранилась, а сами книги разошлись по разным хранилищам.

Осип Брик, автор обруганной напостовцами — авторами литературного журнала «На Посту» — экспериментальной повести в диалогах «Не попутчица». Брик был мужем сожительницы Маяковского Лили Брик. Жили они в квартире Бриков в Гендриковом переулке втроём: Ося, Лиля и Володя. Вполне современной семьёй по-шведски. Столь откровенно-нестандартное поведение в быту — *l'amour de trois* — служило поводом для многочисленных насмешек.

Про Осипа Брика кто-то сочинил ядовитую эпиграмму в виде надписи на дверях их общей с Маяковским квартиры:

Вы думаете здесь живёт Брик —
Исследователь языка?
Нет, здесь живёт шпик
И следователь из Че-Ка.

Конечно, Маяковский знал о том, что Осип является кадровым чекистом на литературной работе. Вероятно, догадывался он и о том, что и Лиля служит в том же ведомстве и по тому же — *литературному направлению*.

L'amour de trois — Ося, Лилечка и Володечка.

И здесь можно было бы поставить точку: не было в библиотеке первого пролетарского поэта и лучшего друга (любовника!) чекистов книг какого-то там «короля» русских поэтов! Поставить легко, но есть все же несколько «но».

Во-первых, в описи указано множество разрозненных томов Ленина, но нет ни одной книги Троцкого или Бухарина. Без этих книг в конце двадцатых годов не могла обойтись ни одна, даже самая захудалая домашняя библиотечка интеллигента. Тест «Троцкого-Бухарина» свидетельствует о том, что личная библиотека поэта была в тридцатые годы основательно подчищена.

Автор упомянутой выше брошюры некто Е.А.Динерштейн не случайно указал, что в личной библиотеке *«сохранились далеко не все книги, подаренные Маяковскому, даже из числа особенно оберегаемых»*. Так, например, утрачен ценный автограф Блока.

Во-вторых, с трудом верится, что перед началом турне по Югу России или во время оногo тщеславный Игорь-Северянин не подписал Маяковскому первый свой большой сборник стихов «Громокипящий кубок». Не подписал его даже в обмен на свой великолепный портрет углём и чернилами работы Маяковского.

Потом был известный период охлаждения в их отношениях, но в 1922 году в Берлине у них вновь была великолепная возможность обмениваться автографами: в Германии только что вышел из печати «Менестрель» Игоря-Северянина, а Маяковский приволок в Берлин на празднование 5-й годовщины Великой октябрьской революции сборники своих стихов, выпущенные в Советской России.

Но в Берлине Маяковский заявился к Игорю-Северянину с икрой и шампанским, но почему-то без своих книг. Почему?

В-третьих, если у Маяковского были сборники стихов Игоря-Северянина с автографами, то храниться они должны были бы не в Гендриковом переулке в общей с Бриком литературоведческо-социологической библиотеке, а в личной библиотеке поэта на Лубянской проезде вместе с автографами Бурлюка, Луначарского, Дмитрия Петровского, Сергея Третьякова, Ильи Садофьева и т.д. Может быть, вместе с Блоком, Троцким и Бухариным некто из ОГПУ подчистил и автографы эмигранта Игоря-Северянина?

Книг с автографами Маяковского или без оных в личной библиотеке Игоря-Северянина, большая часть которой из Тойла была передана в Тартуский литературный музей, тоже нет. Нет этих книг и в Тойла. Что-то, конечно, сгорело в доме поэта в Усть-Нарве в августе 1941 года, но перечислив подробно сгоревшие на стенках фотографии знаменитостей, включая фотографию Сталина, поэт лаконично упомянул, что в кабинете сгорели просто книги. Сгорело 2 стула, 2 ведра для воды, ведро эмалированное и ведро для помоев, 4 малиновых половики, 5 мисок (одна в одну), 3 глубокие тарелки, 6 больших ложек и 6 маленьких, 2 стула, чайник со свистком, 6 круглых подставок для хлеба, 2 ночных горшка и т.п. А сколько сгорело книг? Какие книги?

Любопытно, не правда ли? Маяковский знал множество стихов Игоря-Северянина наизусть, но в его личной библиотеке после смерти не нашлось ни одной книги Игоря-Северянина. Сам Игорь-Северянин имел возможность привезти из Берлина книги Маяковского, но не привёз ни одной, даже без автографа. Зато через четыре года после нежной берлинской встречи с икрой и шампанским аккуратно приложил друга Володечку:

В господском смысле он, конечно, хам.
Поёт он гимны всем семи грехам,
Непревзойдённой в митинговой глотке.
Историков о нем тоскуют плётки
Пройтись по всем стихозопотрохам...

«Вилка Северянина»

Я долго сомневался, публиковать ли мне эту метелинку, очень уж она сомнительная на первый взгляд. С другой стороны, интерьер этой истории вполне достоверный. Однако сначала для настроения фрагмент из «Росы оранжевого часа»:

Завод картонный тётки Лизы
На Андоге, в глухих лесах,
Таил волшебные сюрпризы
Для горожан, и в голосах
Увиденного мной впервые
Большого леса был призыв
К природе. Сердцем ощутив
Ее, запел я; яровые
Я вскоре стал от озимых
Умело различать (...)

А в это время шла на Суде
Постройка фабрики другой,
Где целый день трудились люди,
Согбенные от нош дугой.
Завод свой тётка продавала:
Он был турбинный, и доход
Не приносил не первый год;
И опасаясь до провала
Всё дело вскоре довести,
И после планов десяти,
Она решила паровую
Построить фабрику в верстах
В семи от прежней, на паях
С отцом, и, славу мировую
Пророка предпринятью, в лес
Присудский взоры обратила.
Так, внемля ей, отец мой влез
В невыгодную сделку...

В мае 2003 года вместе с отцом ездил в Череповец на северянинские торжества. Для семьи это очень даже не чужой город: отец закончил здесь среднюю школу, отсюда ушёл учиться в Лепельское пехотное училище, а из училища прямо на фронт на защиту Заполярья.

В Череповце познакомились с семьёй Мининых, у них и остановились. Обаятельная Римма Сергеевна взяла на себя заботы о гостях. Глава семьи Виталий Николаевич вместе с умницей милейшей Златой Антоновой занялись культурной программой.

Виталий Николаевич был большим поклонником многочисленного семейства Лотарёвых. В 2002 году он опубликовал весьма полезное исследование «Усадьба “Сойвола”. Поэтическая колыбель Игоря-Северянина». Книга богато иллюстрирована.

Фотография ↑ сделана в посёлке Сойволово на Суде, где Виталий Николаевич обзавёлся дачным участком. И, хотя снято на жуткую «мельницу», видно, как мы счастливы.

Из Сойволово ездили во Владимировку, смотреть музей Игоря-Северянина, устроенный в доме его дяди Михаила Петровича.

На досуге занялись осмотром части фундамента древесно-картонной фабрики «Товарищества Е.П.Журовой и В.П.Лотарёва». Игорь-Северянин упоминает турбины, обеспечивавшие фабрику электроэнергией, но надо заметить, что в то время Суда была уже, мельче и быстрее, чем до постройки плотины в её низовьях. Теперь Суда разлилась и накрыла большую часть береговой полосы. Увы, но от фабрики и усадьбы «Сойволово» почти не осталось следов. Между тем усадьба вплотную граничила с территорией фабрики.

Мы отвели душу, любуясь мельничными жерновами, копаясь в песке и собирая подписной кирпич, кованые гвозди и всякий мелкий железный и бронзовый хлам, не поддающийся определению.

Незаметно прошёл день. За ужином Виталий Николаевич и отец, развлекли нас рассказом о том, как во время лодочной (!) прогулки они нашли «вилку Северянина». Посмеялись и забыли.

Ушёл Виталий Николаевич, не стало моего отца. И вот однажды, перебирая столовые приборы из родительской квартиры, я нашёл серебряную вилку. Привёл её в порядок и вдруг вспомнил чудесный вечер в Соивоново. Ну, надо же! Виталий Николаевич, словно предвидя мой скепсис, отдал вилку на хранение отцу. И правильно сделал: «северянинская вилка» сохранилась, потому что такие находки, если и пропадают надолго, то редко навсегда.

Рассматривая вилку, я понял, почему её окрестили *северянинской* — всё дело в клейме. Вилку сделали в 1887 году, т.е. в тот год, в котором родился будущий поэт. Случайность? А вот и другая случайность: левый нижний зуб вилки имеет видимые следы длительного пользования. Взрослые держат вилку в левой руке, дети — в правой и пользуются ею как ложкой, отсюда следы износа на нижнем зубце.

Была такая старинная традиция на первый зубок дарить ребёнку серебряную монетку, ложечку, даже рюмку. Так почему бы не вилку? Только эта вилка ещё не северянинская, но *лотарёвская*.

Два поэта, два казака

Несколько лет назад я придумал соединить под одной обложкой стихи двух поэтов из среды русской эмиграции. Их судьбы близки. Пронзительное творчество одного из них оно эпично, в смысле романтики и героики, у второго — чистая и ничем не замутнённая нежная лирика.

← Николай Туроверов и Иван Савин ровесники. Оба родились в 1899 году на Юге России. Оба попали на войну со школьной скамьи. Оба не без приключений оказались в эмиграции. Они вполне могли бы встретиться в Крыму или на последнем пароходе, покидающем Симферополь, могли бы встретиться в Галлиполи, в Париже или Берлине, но не встретились. Савин умер в Финляндии в **1927** (!) году, Туроверов дожил до **1972** (!) года и скончался в Париже. Такая вот занимательная нумерология. Личная встреча поэтов при их жизни не состоялась, так что маленький сборник, изданный к столетию Большой русской смуты, был попыткой установить посмертный диалог Савина и Туроверова, да и самому в нём поучаствовать в качестве заинтересованного читателя.

Савин и Туроверов оба застряли на войне, и война эта никак не хотела их отпускать, оба посвящали стихи убитым братьям и поэту старшего поколения Ивану Бунину, судьбы обоих пересеклись с Игорем-Северяниным.

Донской казак Николай Николаевич Туроверов широкую известность получил в качестве оригинального поэта. Родился 18 (с.с.) марта 1899 в станице Старочеркасская. Первые литературные опыты были опубликованы в 1914 году, в Каменском журнале для молодёжи «К свету»: *Мне сам Господь налил чернила\ И приказал стихи писать.*

В 1917 году Туроверов окончил реальное училище и прямо со школьной скамьи — ускоренный курс Новочеркасского казачьего училища. Выпущен в Лейб-гвардии Атаманский полк. В составе полка принял участие в Германской войне.

В 1917 году Туроверов возвращается на Дон, где вступает в легендарный партизанский отряд старшего одноклассника по Каменскому реальному училищу есаула Василия Михайловича Чернецова. Испытав на себе все превратности Белого движения на Юге России поэт имел чин подьесаула и четыре ранения.

Первая книга стихов Туроверова «Путь» вышла в 1928 году, когда за его плечами уже был лагерь на острове Лемнос, лесозаготовки в Сербии, работа грузчиком и мукомолом во Франции. Ещё два сборника вышли в 1937 и 1939 годах. Туроверов принимал активное участие в газете «Россия и славянство», в журналах «Атаманец», «Вестник Общества Атаманцев», «Казачий журнал», «Часовой», «Станица», «Грани», «Донском Атаманском Вестнике», «Перезвонь», и других.

Именно в рижских «Перезвонах» Игорь-Северянин познакомился с творчеством Арсения Формакова — казачьего поэта из Двинска и казачьего поэта из Парижа Николая Туроверова. С Формаковым он познакомился лично и подружился. А Николай Туроверов присутствовал на одном из парижских выступлений Игоря-Северянина 12 или 27 февраля 1931 года и даже оставил отчёт о концерте, опубликованный под инициалами «Н.Т.» в каком-то из эмигрантских изданий. Надо бы разыскать.

А дальше как у многих русских офицеров, оказавшихся в эмиграции, — служба в иностранном легионе в Северной Африке, командование подразделением туземцев.

Похоронен Николай Николаевич Туроверов во Франции на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (Cimetière communal de Sainte-Geneviève-des-Bois). Я был на его могиле, которая ныне стала причиной раздора между казаками. Но это совсем другая история.

* * *

Иван Савин — Саволайнен (фин. Savolainen, Саволаин), русский поэт, писатель, журналист, участник Белого движения, эмигрант первой волны, точнее репатриант (оптант). Родился 29 августа (с.с.) 1899 в Одессе, скончался 12 июля 1927 в Гельсингфорсе (Хельсинки) от заражения крови во время операции по удалению аппендицита.

Детство и юность Савина прошли в городке Зеньков Полтавской губернии. Едва окончив гимназию, Савин записался в Добровольческую армию.

Служить Савин начал в уланском эскадроне 3-го сводного кавалерийского полка. Об этом периоде своей жизни он не без юмора записал в автобиографии:

«С осени 1919 года по осень 1921 блуждал по Дону, Кубани и Крыму и увлекался спортом: первое время верховой ездой и метанием копья, затем — после поражения на Перекопской Олимпиаде, заставшего меня в госпитале — увлекательными прогулками по замёрзшей грязи в костюме Адама и охотой за насекомыми в подвалах, особо и чрезвычайно для этого устроенных».

Заразившись тифом, Савин в Джанкое угодил в лазарет и на последний поезд до Симферополя не попал. Зато оказался в плену у большевиков. Парижский масон, поэт и литератор

Юрий Терапиано красочно описал эпизод из этого пленения:

«Больной, голодный, весь во вшах, Савин, в первый раз постучавшись в чужую дверь, чтобы попросить милостыню, не мог произнести ни слова и разрыдался. Часовой ЧЕКА, чувствуя симпатию к Савину, показал ему как-то два бумажника, взятых им с расстрелянных офицеров, с бумагами и фотографиями. Это были бумажники его братьев-артиллеристов, и Савину стоило нечеловеческих усилий воли, чтобы не выдать себя».

Иван Савин чудом уцелел в плену, чудом выбрался из плена, чудом в 1921 году добрался до Петрограда, откуда вместе с отцом чудом опировавшись в Финляндию. В 1924 году он становится собственным корреспондентом целого ряда изданий российского зарубежья, в том числе, берлинской газеты «Руль», рижской газеты «Сегодня», белградской газеты «Новое время». В газете «Русские вести» (Гельсингфорс) с 1922 по 1926 год он опубликовал более 100 рассказов, стихов и очерков. В 1926 году в Белграде вышел единственный прижизненный сборник стихов Ивана Савина «Ладонка», изданный Главным правлением Общества галлиполийцев.

Поэт рано ушёл из жизни. Художник Илья Репин потом жалел, что не успел написать портрет Савина. Иван Бунин высоко оценил его поэтический дар:

«То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе. Во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса. Во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон. Некоторые же вещи и строфы — особенно». (И.Бунин. Наш поэт. «Возрождение», 1927.)

В 1956 году в США вышло 2-е, дополненное издание первого сборника стихов «Ладонка». А к 60-летию со дня смерти поэта его вдова Людмила Сулимовская-Савина издала книгу «Только одна жизнь. 1922 — 1927». В книге собраны стихи и проза из эмигрантской периодики двадцатых годов.

Помните у Николая Тuroверова: *Мне сам Господь налил чернила\ И приказал стихи писать.* У Ивана Савина находим созвучные по смыслу строки:

Я — Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре
У меня на ветреном просторе
Изошла в молениях голова.

В 1988 году в Тойла, копаясь в архиве Игоря-Северянина, я понятия не имел о Савине. Не то было время. Позже в Литературном музее в Тарту разбирал фотографии поэта, составляя к ним легенды. В зрительной памяти отложилось несколько фотографий неизвестных господ. Скопировал на всякий случай. Когда много лет спустя я искал подходящий портрет для сборника стихов Туроверова и Савина, в памяти неожиданно всплыла одна из тех фотографий. И вот нечаянная радость да это же Савин — Иван Савин!

В 1923 году Савин присутствовал на одном из вечеров Игоря-Северянина в Гельсингфорсе 17, 18 или 19 октября. Состоялось ли личное знакомство поэтов, утверждать не берусь. Однако в архиве Игоря-Северянина нашлась фотография Савина. Понятно, что Савин не мог подарить фотографию Игорю-Северянину в Гельсингфорсе при личном знакомстве. Неуместность такого дара очевидна. Фотография могла попасть к Игорю-Северянину только в письме. Личных писем Савина я не видел ни в архиве племянницы поэта, ни в Литературном музее в Тарту, ни в РГАЛИ в Москве.

Фотография Ивана Савина могла оказаться у Игоря-Северянина либо вместе со стихами Савина, либо через Анну Воробьеву. Возможно, это она прислала фотографию Савина, когда в 1927 году Игорь-Северянин узнал о его безвременной кончине.

<p>м: назначить во все евых организаторов; бить уезды на районы каждый из них район- ров; укомпартам необ- ить усилия к созданию сов; комитеты Р. К. П. руководить работой со- нился в нём своего по- дставителя и вливая в кандидатов Р. К. П., 23-х летнего возраста вопрос, чтобы ограни- ей 20 летним возрастам.); ех волею, где орга-</p>	<p>А. Г. Успенском... сопровождаться световыми картинами. На- чало в 9 1/2 час. веч. Вечер творчества Игоря Северянина. В среду, 21 июля, в зале Консерватори Опродкомармом устраивается вечер творче- ства поэта-импрессиониста Игоря Северя- нина. В вечере участвуют т.т. Алесев, Бо- ровская, Д'арто, Саминский, Вульфвич, Са- питон и др.</p> <p>Сегодня в театрах. <i>Театр и сад Губнаробраза.</i> — «Дон- Жуан», Мольера, в 4 действиях. ... Народный</p>	<p>5 арм месту — мануф внесе тятся клуба — поме бывли стата денто пчени Ключ 5 ч.</p>
--	---	---

Загадка балерины Марии д'Арто

Приятель подарил мне несколько старых почтовых карточек — провинциальные артисты плюс две балерины — Гельцер и д'Арто.

Екатерина Васильевна Гельцер — русская балерина, которой приписывают роман с бароном Карлом Густавом Маннергеймом. И это точно не круг общения Игоря-Северянина. Гельцер — звезда советского балета, которой благоволил сам нарком Луначарский. О наркome Игорь-Северянин остроумно заметил: «*Лунные чары — вещь очень хорошая, но не в комиссариате народного просвещения*». К нашей истории Гельцер не имеет никакого отношения.

Однажды мне в руки попала фотография из неизвестной советской газеты с анонсом «Вечер творчества Игоря-Северянина». Орфография новая, значит газета вышла не ранее октября 1918 года и не позже 1921-го. В России идёт Гражданская война, потому и странно, что, что организатором вечера «поэта-импрессиониста» выступает **Опродкомарм** — *Особая продовольственная комиссия армии* — часть структуры Трудовой армии.

В то время я был занят составлением хронологии жизни и деятельности поэта, но не стал заморачиваться розыском источников и точной даты — время советское и вечер не предполагает личного участия поэта, который живёт в Эстонии.

Заморачиваться не стал, но и фотографию не выбросил. Так и пролежала в домашнем архиве более тридцати лет, пока приятель не подарил мне почтовую карточку с автографом Марии д'Арто. Псевдоним д'Арто уже был мне знаком.

Елизавета Боровская в роли Виолетты («Травиата»)

Мария д'Арто. Автограф 1919 года.

Упомянутые в анонсе товарищи Алеев, Вульфович и Сапитон в интернете не прописаны. Возможно, в анонсе упомянут композитор и музыковед Лазарь Семёнович Саминский, эмигрировавший из России в 1919 году. Боровская и д'Арто в интернете нашлись.

Елизавета Боровская — лирико-колоратурное сопрано. Оперную карьеру начинала в Маринском театре оперы и балета.

Д'Арто — урождённая Мария Васильевна Александрова, дочь Вологодского губернского секретаря и по договору учителя музыки и пения в городской гимназии. Шаламов записал её в подруги актрисы Комиссаржевской. Не верьте: Вера Фёдоровна умерла в 1910 году в Ташкенте, когда Мария ещё только училась в вологодской гимназии.

Д'Арто относится к плеяде выпускниц частной балетной школы Лидии Ричардовны Нелидовой — солистки московской труппы Императорских театров. Нелидова — урождённая Барто́, так что псевдоним д'Арто был избран Марией Александровой не случайно.

Сталинский сиделец Варлам Шаламов вспоминал:

«Начался нэп, и в родной город к отцу [В.Александрову] явилась его родная дочь. Ни более, ни менее как балетная артистка. И не просто балетная артистка, а сама Мария д'Арто — таков был псевдоним этой популярной, прогрессивной, вошедшей в историю русского балета артистки, подруги Веры Комиссаржевской. Мария д'Арто провела в Вологде несколько концертов, но сразу было видно, что балерина отяжелела, что ей не поспеть за бойкой чечёткой местной «Синей блузы». И Мария д'Арто покинула Вологду.

Александров, её старик отец, посещал, разумеется, все концерты своей любимицы, да ещё артистки такой прогрессивной славы. Александров, одетый в лучший костюм, чуть припахивающий нафталином, сидел в первом ряду, ловя каждое слово, каждое движение знаменитости».

Есть обстоятельства, которые могли бы соединить поэта и балерину — в 1913 году д'Арто приглашена сниматься в фильме «Танго» и в том же году как будто был снят фильм по мотивам одной из поэз Игоря-Северянина. Увы в списке российских фильмов за период с 1911 по 1918 нет ни балерины, ни поэта. Ленту «Танго» сняли в 1914 году, но с оперной певицей Евгенией Потопчиной в главной роли.

Загадка в том, что вечер поэзии Игоря-Северянина во время Гражданской войны организовали под эгидой легендарного **Опродко-марма** композитор (!), оперная певица (!) и балерина (!), ну, и ещё какие-то люди, видимо, тоже большие любители поэзии.

Два случая на гастролях

Помните, что туберкулёзные больные необычайно влюбчивы? Так вот на гастролях в Кишинёве поэт немедленно обзавёлся пассией, которую аттестовал как поэтессу. На самом деле она была певичкой в кафешантане, каких в Кишинёве тогда было множество. Викторией Шей де Ванд посвящён цикл стихотворений «Виорель»:

Благодарю за незабвенное,
Тобой дарованное мне.
Проникновенно-сокровенное,
Что выявлено при луне.

За обнажённость интонации,
За обострённость чувств и слов,
За красоту предельной грации
Остановившихся часов.

Там, у тюрьмы, у стен кладбищенских,
Изведать было мне дано,
Что в ощущениях века нищенских
Не все ещё умершвлено,

Что есть, что есть ещё крылатое
В земном бескрылии и мгле,
Что не совсем уж все проклятое
На опустившейся Земле,

Что есть такие озарения,
Какие в пору тем векам,
Когда нас посещали гении
И радости дарили нам!

И дата стоит 14 апреля 1933 года. Уж и не знаю, как интерпретировать такое откровение поэта, который называл фокстрот *вертикальной кроватью в рискованный момент покупной любви*.

Виктория и вправду писала стихи, которые Игорь-Северянин планировал издать символическим тиражом в Нарве. Он даже написал к стихам Викторией любопытные примечания:

«Познакомились 14.III.1933 г. в Кишиневе, в отэле «Londra», куда она принесла приветственные стихи. Ежедневные встречи с конца марта по 5-ое мая, когда уехал в Белград. Из Софии приехал в

Виктория Шей де Ванд в сценическом образе.

Кишинев снова 5-го января 1934 г. Снова встретились 7 марта. Встречи до 12-го мая. 22-го мая уехали в Бухарест. Румыния покинута 9-го июня. В 1933 г. ей было 33 г. Высокая, стройная брюнетка. Лирико-драмат[ическое] сопрано».

Всё, что случилось у тюрьмы и стен кладбищенских, случилось всего через месяц после знакомства. Так случилось, что перед отъездом из Кишинёва поэт опубликовал в газете стихотворение, которое он посвятил Виктории Шей де Ванд — своей невесте. Племянница поэта Нина Георгиевна Аршас рассказывала, что в семье последствия публикации называли комическими. Братья «невесты» ринулись на вокзал, чтобы разобраться с «женихом». Поэту пришлось прятаться в вагоне за спинкой скамьи. Разлука заставила «невесту» переживать. Она тоже помнила врата кладбищенские:

Говорить с врагами не о чём, —
Всюду ложь и суета.
Без тебя жить просто незачем:
Ты — последняя мечта.

Я считаю дни, мгновения.
Вновь восход и вновь закат.
День и ночь одно стремление —
Снова встретиться у врат.

Вот какой забавный и одновременно романтический случай произошёл в Кишинёве в апреле 1933 года, однако финал у него был печальный. В письме Семёна Ильича Стодильского к поэту, датированного 26 февраля 1938 года в Кишинёве читаем:

«... Относительно В.И.Шей-де-Вандт ничего утешительно-го сообщить не могу. Когда косят полевую траву, вместе с нею срезают и полевые цветочки. Косец самый неутолимый в мире с самой острой косою не щадит молодых жизней. А туберкулёз один из его усердных помощников. Впрочем, для верующих настоящей смерти не существует. Какое упоение для нас, христиан, сознание, что существует потусторонний мир, где, рано или поздно, мы встретимся с нашими друзьями!!!» (Копия в архиве автора.)

Я совершенно согласен со Стодильским в отношении упоения — утешения для христиана в потустороннем мире.

Замок Храстовец у отрогов Словенских Горниц
к северо-востоку от Марибора.

Замок Храстовец впервые упоминается в середине XIII века. В XV веке хозяином замка был немец Андрей из Холленэга, а с 1481 по 1802 год им владело семейство Герберштейн. В 1909 году замок стал вновь принадлежать семейству, которое владело им до конца Второй мировой войны. Интерьеры замка и его окрестности стали свидетелями развязки гастрольного романа, приключившегося в 1933 году.

Это были длинные, очень длинные, хотя и приятные после эстонской глуши гастроли. В перерыве поэту предложили отдохнуть вместе с женой в старинном замке Храстовац, принадлежавшем графам Герберштейн.

Хозяйка Вера Яковлевна Орлицкая, желая угодить поэту, выписала из Сараево Валентину Берникову, у которой с Игорем Северяниным был гастрольный романчик. Берникова приехала с мужем, что, однако, не мешало ей тайно встречаться с поэтом в специально отведённой комнате. Когда Сергей Берников узнал об измене жены, а это как раз было время свидания, то ринулся разыскивать изменщицу. Жена поэта Фелисса задержала Берникова, а Орлицкая, успела спрятать Игоря-Северянина. Пока поэт сидел под замком, он посвятил Вере Яковлевне такие строки:

От всех невинность виновных хамок
Я изнемог.
И в Храстовац, средневековый замок
Сел под замок...
Я вверил ключ таким рукам прелестным,
Таким рукам,
Что перестал грустить о неизвестном
По целым дням...
Я кончу тем в начальной Вашей школе,
Что петь начну,
Благодаря спасительной неволе,
Свою... жену!

Серёю Берникову было очень обидно, что с утра ему всучили удочки и отправили на рыбалку. А тут такое! Потом, разумеется, помирились, но след остался:

У Веры Яковлевны в доме,
Взобравшемся под облака,
Мы все, мы все имеем, — кроме,
Пожалуй, птичьего молока.

Чего бы мы ни пожелали,
Все выполнимо без труда:
Пружинными кровати стали,
Одрами бывшие всегда...

Явилось зеркало, и в вазе
Неувядаемы цветы,
И в каждой сказанной ей фразе
Оттенок некой теплоты...

(...)

И если я в глаза ей гляну,
Она, любя во всем контраст,
Мне в пику подарит Любляну,
А нет — Сараево мне даст...

Валентина Васильевна Берникова.

И вот тут возникает вопрос о том, какую роль сыграла в этой истории Вера Яковлевна в роли хозяйки замка графов Герберштейн.

Кстати, о Герберштейнах. Сигизмунд Герберштейн в начале XVI века дважды побывал в России. Первое посольство Герберштейна не достигло успеха: склонить князя Василия III к миру с Литвой для совместной борьбы с турками. В уплату литовцы требовали отдать им Смоленск. Василий III решительным отказал. Второе посольство в Россию имело целью способствовать превращению пятилетнего перемирия между Россией и Литвой, в вечный мир. Имя Сигизмунда Герберштейна хорошо знакомо нам по его «Запискам о Московии».

Вера Яковлевна Орлицкая (прав. *Олицкая*) выглядит как банальная сводня. Любляна и Сараево... Сараево — это Берникова, а вот, кто «Любляна», пока загадка. Да, и вопрос в отношении учителя русской начальной школы в Белграде Веры Олицкой (1893-1937) остаётся открытым: что она вообще делала в замке графов Герберштейн?

Пикник на Тихом озере

Этот анекдот рассказала мне нарвская учительница Вера Михайловна Круглова. Её муж был курортным врачом в Гунгербурге (Нарва-Йыесуу, Усть-Нарва). Кстати, Круглову посвящён последний стихотворный текст Игоря-Северянина — эпиграмма.

В конце тридцатых годов в Усть-Нарве наездами жил Иван Филиппович Филиппов — воспитанник Петербургской придворной певческой капеллы (1895). В начале века Филиппов был солистом Петербургского Мариинского театра (дебютировал в партии Сусанина «Жизнь за царя»). С одинаковым успехом Филиппов исполнял партии *basso-cantante* и *basso-profundo*, поскольку обладал голосом обширного диапазона, мягкого и бархатного тембра. Весной 1919 года Иван Филиппович бежал из Петрограда в расположение наступающих частей Северного Корпуса. При корпусе исполнял обязанности Уполномоченного Красного Креста.

С осени 1919 Филиппов жил Таллинне. Выступал в концертах и различных оперных и опереточных представлениях. Иногда пел в театре «Эстония». Полагаю, с таллиннским Русским мужским хором под управлением Игоря Харитоновича Степанова. (Однажды в концерте хора с чтением стихов принимал участие Игорь-Северянин.) Филиппов гастролировал в Финляндии, Латвии и Литве. Был удостоен почётного членства в Союзе сценических деятелей Таллиннского русского театра и содружества «Наш театр». Без многочисленных заслуг и регалий Филиппова анекдот покажется пресным, а лучше сказать *скушным*.

Иван Филиппович Филиппов. Фото 1921 года.

Летом 1938 года. Игорь-Северянин и Валмар Адамс с компанией пригласили Филиппова на Тихое озеро на пикничок. Звали Круг-

ловых, но день был жаркий и Алексею Ивановичу надо было по долгу службы дежурить на пляже. Филиппов был высок, строен, необычайно лёгок и элегантен в своём сером костюме и белом летнем кефи.

Перед отправкой выпили коньяку. А надо сказать, что Филиппов, панически боялся воды, но после выпивки расхрабрился и сел в лодку, которой правил Виктор Удам. В русле Россони Филиппову стало плохо, и он попросил высадить его на берег. По неведомой причине это оскорбило Игоря-Северянина, который правил другой лодкой:

— *Это моя лодка, тут я командую.*

Движение продолжилось, но на Тихом озере продолжилось и выяснение отношений. Филиппов высказал своё недовольство.

— *Как ты смеешь!* — Поэт перешёл на «ты»: — *Я — Игорь-Северянин!*

— *А я — солист Его Императорского Величества!*

— *Мне наплевать, что ты солист!*

— *А мне наплевать, что ты гений!*

— *Ты оскорбил меня! Я застрелю тебя!*

Дурачась, Игорь-Северянин сунул руку в карман, словно у него там был припрятан пистолет, которого у него отродясь не было. Филиппов нагнулся и поднял с земли камень. Так они стояли и смотрели друг на друга: один с рукой в кармане, другой с камнем в руке. Потом Филиппов повернулся спиной к поэту и пошёл обратно: «*Чёрт с ним! Пусть стреляет в спину*». По дороге к перевозу Иван Филиппович изрядно потрепал элегантный костюм и потерял кефи.

— *Этот хулиган хотел меня застрелить!* — Сообщил Филиппов Кругловым.

Вернувшись с пикничка, поэт продолжал бушевать по поводу Ивана Филипповича:

— *Да как он смел! Меня, Игоря-Северянина! Я — гений, а ему наплевать!*

А надо сказать, что в это время у поэта в гостях была его первая любовь — Злата, приехавшая специально из Германии. Это был последний год, когда по Европе можно было передвигаться относительно свободно. Игорь-Северянин так напугал Злату и Веру Борисовну, что они, похватав вещи, бросились спасаться за десять километров в Шмецке на дачу Ирины Борман. Бежали, оглядываясь: нет ли погони? Утром поэт раскаивался, просил у всех прощения, но Злата обратно не вернулась, осталась у Ирины Борман. Похоже, Игорь-Северянин больше жалел об испуге Златы, чем о ссоре с Филипповым.

Филиппов как будто простил поэта, но больше они не встречались. Оба ушли из этого мира в один месяц – в декабре 1941 года.

Ваза

Однажды племянница поэта Нина Георгиевна Аршас показывала мне семейные фотографии. Одна из них запомнилась: угол комнаты, на стенах несколько картин, одна из которых работы таллиннского художника Андрея Афанасьевича Егорова, другая — Анатолия Дмитриевича Кайгородова. Справа хозяин. В центре — горбун из Тойла, слева на переднем плане цветы в ажурной бронзовой вазе. Год спустя в литературном музее в Тарту обнаружился автограф *сицилианы* — придуманной поэтом стилистической формы:

Я не сумел противиться соблазну,
Когда в одной из юрьевских витрин
Увидел удивительную вазу,
Похожую на юбку балерин...
Её приобрести решил я сразу
Без длительных раздумий и смотрин,
Дав Вашему взыскательному глазу
Вбирать её узоров «розмарин».

Эти восемь строк обращены к приятелю и соседу поэта Александру Карловичу Эссену — принцу Лилии.

Подарок Арсения Формакова

В июле 1926 года молодой поэт из Двинска (Даугавпилс) Арсений Формакوف приехал в Тойла в гости к Игорю-Северянину. Они уже встречались ранее и даже переписывались. Ненароком подружись. Формаков привёз подарки:

«Хозяйке я привёз коробку шоколада, хозяину — большой рисунок одного двинского графика: третий из серии иллюстраций к знаменитой поэме Игоря "Это было у моря". Два первых рисунка художник подарил одной местной любительнице поэзии, третий рисунок — на тему щекотливой последней строфы — мне. Я вручил его автору, который сейчас же повесил обрамлённый рисунок над тахтой, служившей им постелью». («Звезда», №3, 1969)

Этот рисунок до сих пор можно видеть в Тойла. Он висит теперь в мемориальном кабинете поэта. Кто этот таинственный график из Двинска? Полагаю, любитель. У нас есть только его инициалы «ЕЛ». Но не теряю надежды когда-нибудь узнать имя.

Ещё одна любопытная деталь. Помните открытку с дамой за фортепьяно? Её можно разглядеть на рисунке между двумя сплетёнными телами. Она-то здесь откуда? Тоже загадка.

Тайна трёх граций

Иногда полезно поразмышлять о том, что есть в мифологеме поэта, а иногда о том, чего в ней нет, хотя должно было бы быть.

В стихах Игоря-Северянина отсутствует Ору, хотя есть описание долины Святой реки — Пюхайыги. Нет роскошной виллы купца Елисеева, хотя есть фотографии поэта с Фелиссой и Адамсом на террасе виллы на фоне узнаваемых чугунных вазонов. Если сравнить с неказистым путевым домиком Павла I — неоднократно описанным в стихах охотничьим дворцом! — то роскошная вилла Елисеева не упомянута ни разу. А должна бы?

Из уцелевших достопримечательностей парка в Ору два гранитных медведя на воротах, которых несколько раз крали, но каждый раз возвращали на место, и три грации в чугуне (работа мастерской в Париже). Эти сохранились чудом за оградой погранзаставы. О, сколько молодых пограничников предавалось эротическим грёзам белыми эгландскими ночами! Скольким солдатакам приснились полуобнажённые грации, оставив после себя следы ночных поллюций!

Тема «Трёх Граций» берет своё начало в древнегреческой мифологии от трёх харит — богинь изящества, прелести и красоты, покровительниц искусств, даровавших творческое вдохновение художникам. Аглая — *Сияющая*, символизировала целомудрие. Ефроси-

на — *Радующая* — телесную красоту. Талия — *Цветущая* считалась воплощением любви. В римской мифологии хариты получили название граций, трёх богинь веселья и радости жизни. Имена граций — Пасифея или *Гелазия*, т.е. нежная улыбка, Аглая или *Комазия*, т.е. приятная собеседница и Харита, т.е. *Лекори* — блестящая красота.

При этом разноречив с происхождением и именами харит-граций, что в Греции, что в Риме. Лишь одно неизменно — они сёстры.

У греков хариты изображались полуодетыми, рука об руку стоящими лицом к зрителю. Римляне своих граций раздели. На этом основании бытует мнение, что полуодетые дамочки в Ору грациями не являются. Как бы там ни было, но трём грациям места в стихах Игоря Северянина не нашлось.

Не нашлось в стихах места и роскошному песчаному гроту с источником. Прелесть конкретно этого источника в том, что вода в нём исключительной чистоты, хотя рядом по склону холма в Пюхайгы вливается сразу несколько источников отвратительного ржавого цвета.

Выписывая альтернативную биографию поэта, Юрий Шумков придумал, что это источник вечной молодости: если вовремя умыться из него, помолодеешь на десяток лет. Он как-то рассказывал мне, что, будучи ещё в невестах, Фелисса отказалась умываться родниковой водой, чтобы случайно не помолодеть до школьного возраста. Забавная байка.

Но вот, что действительно удивительно в стихах Игоря Северянина не нашлось места ни одному комплементарному стихотворению, посвящённому последней в его жизни грации — жене по совети Вере Борисовне Кореновой (эстонизированное – Коренди).

Вера Борисовна Коренова

Считается, что Кореновой посвящены: «Винить ли?», «Одна встреча», «Скандал в семье педагогической», «Эпиграмма на провинциальную поэтессу». «Вера Коренди» (сонет в дополнение к «Медальонам», в рукописи отсутствует) и, наконец, знаменитое «Последняя любовь». Сама Вера Борисовна претендовала ещё и на стихотворение. «Письмо до первой встречи». В одном из посвящений находим:

Винить ли за жало змею,
Спасающуюся у ржи?
Винить ли подругу мою
За чуточку бережной лжи?

В другом характеристику Веры Борисовны:

В своих противоречьях гармонична
И в низостях невинных высока

В третьем не принимаем во внимание, что вместо миниатюрной Веры Борисовны в стихотворении упомянута *ведьмообразная дылда*: в нём есть прямое указание на шантаж — *невинную низость*. Вера Борисовны в письме к Фелиссе, объявила дочь Валерию от Порфирия Коренева за дочь поэта:

А под конец записка возгласила
Проклятье воздуху, слова воздев —
Затем, что в воздухе таится сила,
Невинности лишаящая дев.

В эпиграмме на *одну провинциальную поэтессу*, датированной 1937 годом в Саркуле — деревне в глухом лесу на берегу моря, где рядом с поэтом была только одна *поэтесса* — Вера Борисовна, читаем:

Есть — по теории
Невероятности
И в этой инфузории
Признаки опрятности

Сонет «Вера Коренди» в рукописи заявлен, но по факту отсутствует. Вместо него вложено стихотворение «Последняя любовь». У меня не было возможности проверить рукопись, но как минимум, текст сверен с собственноручной запиской Веры Борисовны в Литературный музей в Тарту. О происхождении этого стихотворения Вера Борисовна рассказывала так: однажды поэт отправил её из Нарва-Йыесуу в Нарву за шампанским. Когда она вернулась, усадил в кресло, и «вознёс» стихотворным посвящением «Последняя любовь».

Довольно странно выглядит предлог — шампанское без проблем можно было купить в Нарва-Йыесуу и незачем было гонять Веру Борисовну в Нарву. Между тем в одном из писем Игоря-Северянина к Фелиссе есть его жалоба: *душа просила поэзии, усадил В.Б. в кресло и на втором стихотворении она... заснула!*

Отсюда два варианта на выбор: либо «Последняя любовь» не относится к «вознесению достоинств» Веры Борисовны, либо оно вообще не принадлежит поэту. Последнее предположение крайне сомнительно. Я был в Венгрии, где опробовал как это, когда токайское вино вливается в оскорбляемый палинкой хрусталь. Получилось чудесно.

Снаряды.

- Обруч св. тиса. Мидонна.
 Кроватка. Малиновые одеяло. Голубое одеяло.
 Белье одеяло. Вязаная шапка. 3 подушки.
 Диванов 2.
 Пухлая подушка.
 Стул.
 Стенная картина.
 Стенная картина 3.
 Ковер. Волон.
 Лавка с вали. Салфур.
 Котик.
 Шапка.
 Зеркало 3.
 Подставка 2.
 Подушки диванов 2.
 Портфель.
 Платок.
 Б. палка
 М. палка.
 Записка на шапку.
 Вещ.
 • Завязки. куртки: 1.) Губчатая. 2.) Бельчатая.
 • 3.) Крестик (ребенок) 4.) Лезв. в ртом руж. 6.) Ящик
 • В рамке: Лезв. и лезв. Лезв.
 • 2 ноги. куртка.
 Вешалка накл с крест. и шп. ширинками.
 Копилка порочет. Земля на шапку.
 Красная куртка.
 Связки: 1.) Белая шерсть. 2.) Шер. шерсть. 3.) Б. шерсть шер.
 4.) Шерсть. Шерсть. Шерсть. Вязаная шапка с
 крестиком.

Список сгоревшего имущества в июле 1941 года.

Составлен собственноручно поэтом

Ты влилась в мою жизнь, точно струйка Токая
В оскорбляемый водкой хрусталь.

Без практики Вере Борисовне такое не сочинить. Есть правда третий вариант: стихотворение основательно доработано под руководством Веры Борисовны, подобно тому, как *доработана* знаменитая «Сперата», обращённая к Фелиссе.

Стихотворение «Письмо до первой встречи», датированное октябрём 1934 года, начинается обращением «*Знаешь Ляля, милая родная, \ Дорогая Лялочка моя*», и т.д.

Вера Борисовна утверждала, что обращение «Ляля» — часть её домашнего имени «Верляль», что довольно странно. В 1941 году во время бомбёжки сгорел дом, в котором поэт и Вера Борисовна снимали квартиру. В собственноручной записке Игоря-Северянина находим перечень сгоревших в спальне карточек под стеклом:

1. Гзовская
  2. Полевицкая
  3. Круглая (ребенок)
  4. Ляля в пяти позах
  5. Рисунок Ляли
- В рамках Ляля и Люля.
2 ночных горшка, et cetera.

И никаких «Верлялей». Ремарка «Круглая» относится к форме рамки. Фотографии Валерии Борисовны — сестры Веры Борисовны мы исключаем на том простом основании, что они в жестокой ссоре без малого уже три года.

Так что Ляля — это скорее всего дочь Веры Борисовны Валерия, от имени которой уменьшительное «Ляля» образуется много проще чем от Вера. «Люля» может быть уменьшительным от уменьшительного «Веруля», но спросить так ли это не у кого.

Конечно, странно, что в доме нет фотографий его хозяйки, но мало ли какие причуды случаются у людей. *Милая родная Ляля* вполне может быть сестрой Веры Борисовны Валерией, с которой поэт познакомился раньше Веры Борисовны. Мы знаем, что, живя с Верой Борисовной, поэт безуспешно пытался подкатывать к Валерии. А та после истории с дядей Валерианом Запольским, в которой она остро конкурировала со старшей сестрой по поводу замужества (инцеста), поклялась, что никому ничего не расскажет, пока жива Вера Борисовна. Слово своё Валерия сдержала, но умерла раньше старшей сестры.

Такая вот история.

Смоляная густота столетнего Токая

Признаться, *струя столетнего Токая* интригует не только меня. Мне сложно представить Веру Борисовну в образе струи столетнего Токая. И всё же ныне хороший случай объясниться.

О дореволюционных гастрономических и винных пристрастиях поэта нам толком ничего не известно, так что должно быть другое объяснение. Мой эксперимент с палинкой только эксперимент, поскольку поэт не гастролировал в Венгрии и случая реально смешать палинку с Токайским вином у него, увы, не было, что не исключает фантазии или прозрения гения.

Кое-что объясняет малоизвестное стихотворение «Изыски Гоголя» из рукописи сборника «Литавры солнца» посмертно опубликованного в известном пятитомнике в разделе «Спутники солнца»:

Писать мне мысль пришла такая
(Я не сочту её грехом)
Струёй столетнего Токая,
Иначе — пушкинским стихом,
По выраженью Николая
Васильевича, кто знаком,
Не знаю, мало ли вам, много ль,
Но кто зовётся все же — Гоголь...

Пожалуй, избавлю вас от поиска цитаты, потому как, если не знать, где искать, времени может быть потрачено много. Раскроем гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» и в разделе «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность» читаем:

«У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может ещё позабыть наше ухо; этот густой, как смола или струя столетнего токая, стих Пушкина; это сияющий, праздничный стих Языкова, влетающий, как луч, в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мёд из горного ущелья; этот лёгкий воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук золотой арфы; этот тяжёлый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящей русской грустью...»

С трудом верится в то, что поэт мог сравнить змею и даже инфузорию со смолистой густотой лёгкого пушкинского стиха. Впрочем, чего только в жизни не случается. Тем веселее!

О псевдониме поэта

С темой гениальности тесно связан псевдоним Игоря Лотарева, придуманный не без деятельного участия Константина Фофанова. Современники Игоря-Северянина — издатели, журналисты и критики воспринимали форму написания псевдонима либо как проявление безграмотности его носителя, либо как проявление запредельного для общества индивидуализма. Поэтому ещё при жизни поэта сложилась практика опрошения псевдонима и написания его в форме имени и фамилии — *Игорь Северянин*.

Вытравление дефиса из псевдонима поэта (опрощение до имени и фамилии), трансформация (написание в виде имени и фамилии с присовокуплением отчества) или ритуальная кастрация (отделение от определения «Северянин» имени того, кого оно определяет) — суть проявление остатков древнего магического сознания. Через эти магические действия критик, редактор, журналист пытается получить определённую власть над носителем псевдонима-оберега.

Псевдоним — особая мифологема. Люди, реализующие собственную мифологему, живут в ней и поэтому нечувствительны к реальности. Отчасти это объясняет тот факт, что история хотя и прошла сквозь биографию поэта Игоря-Северянина, но не оказала существенного влияния на её творческую составляющую, потому что не была частью личной мифологемы. Именно поэтому Игорь-Северянин взял себе за правило никогда не отвечать на критику прозой.

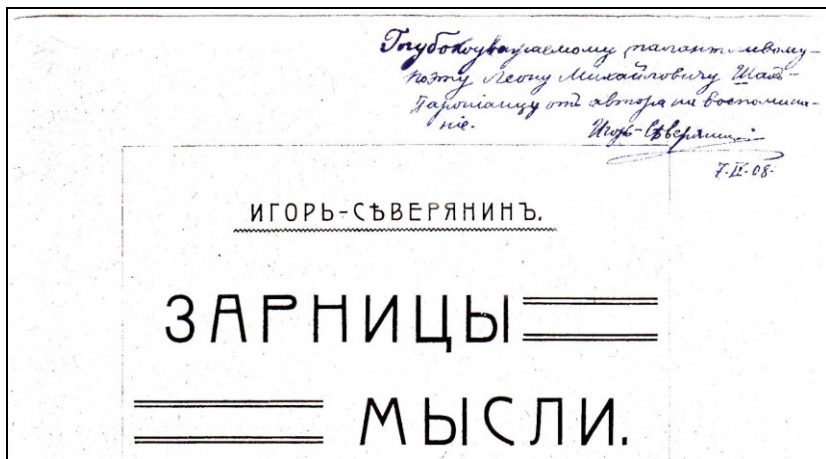
Под мифологемой мы понимаем в данном случае устойчивое состояние индивидуальной психофизиологии, в котором зафиксированы каноны существующего для поэта порядка вещей, а также описания того, что для него существует или имеет право на существование. То, чему поэт отказывается дать название, перестаёт для него существовать в реальности и наоборот, то, что им названо, получает право существовать самостоятельно, право быть вне мифологемы поэта.

Форма литературного псевдонима, избранного Игорем Лотарёвым, даже для богатой на всяческие изыски русской литературы кажется довольно необычной.

Впервые псевдоним появляется на обложке брошюры 1908 года «Зарницы мысли» и продублирован в автографе: *«Глубокоуважаемому талантливому поэту Леону Михайловичу Шах-Паронианцу от автора на воспоминание. Игорь-Северянин 7.II.08»*.

Два завещания, одно из которых датировано 9 марта 1940 года, а другое 20 октября того же года, подписаны полной формой псевдонима с присовокуплением гражданского имени поэта: «Игорь-

Северянин. (Лотарёв)». Все известные автографы поэта на русском языке (изредка встречаются автографы, написанные латинским шрифтом) содержат дефис в написании псевдонима. В переписке с близкими друзьями поэт использовал сокращённую форму псевдонима «Игорь. —».

Все, что находится между брошюрой «Зарницы мысли» и двумя завещаниями в расчёт можно не принимать. Говорят, в конце жизни поэт смирился с вытравленным дефисом, но завещания свидетельствуют обратное. Однако «знатоки» поэзии не верят поэту, находя в печатных изданиях в отсутствии дефиса *смирение гения* — а, каков оксюморон! У секретаря правления СП России Владимира Ильяшевича, заведующего эстонским отделением союза, находим:

«Поэт в течение жизни писал свой литературный псевдоним как с дефисом (Игорь-Северянин), так и без него (Игорь Северянин). Последний вариант встречается чаще и применялся большей частью в более поздний период. Чаще этот вариант использовался также при оформлении произведений в печати самим поэтом. Написание псевдонима без дефиса между именем и фамилией-прозвищем наиболее удобно и гармонично с точки зрения норм русского языка. Пример при склонении: с дефисом — Игорь-Северяниным, Игорь-Северянина и т.д.; без дефиса — Игорем Северяниным, Игоря Северянина и т.д.»

С учётом вышеизложенного представляется предпочтительным в написании имени поэта использовать вариант без дефиса: Игорь Северянин. («О правописании псевдонима поэта И.Лотарева».)

Приложение: Копия с первой страницы книжки стихов "Роль Леандра", изданной самим автором в Бухаресте в 1935 году (поздний Северянин), с указанием имени-псевдонима без дефиса. На оттиске находится также факсимиле собственноручного посвящения автора своему знакомому Юрию Дмитриевичу Шумакову, что доказывает факт личной акцептации и применения правописания собственного псевдонима со стороны автора».

Факсимиле никак не может быть собственноручным, поскольку это печать (клише) для воспроизведения подписи автора в виде оттиска. Но ещё круче посвящение: *«Милому Юрию Дмитриевичу Шумакову с запоздалой ласковостью автор Tallinn 1941»*. Автор! Однако с секретарём СП не поспоришь! Для справки: упомянутый роман в стихах печатался в Бухаресте с указанием на авторское издание, но в его отсутствие. Работать с вёрсткой возможности у поэта не было.

На третьей странице обложки находим заголовок «Книги Игоря-Северянина» с не выравненным дефисом!

Октябрьское 1940 года завещание верифицировано двумя поэтами — Всеволодом Рождественским и Георгием Шенгели:

«...свидетельствуем, что вышеизложенный текст написан и подписан собственноручно Игорем Северяниным (Игорем Васильевичем Лотаревым, чей почерк нам хорошо известен по нашей с ним личной переписке».

Казалось бы, проблема дефиса не является принципиальной, но это далеко не так. Общеупотребительное разделение на имя и фамилию уже привело к эксплуатации псевдонима в весьма оригинальной форме. На центральной аллее Таллиннского Александро-Невского кладбища в двадцати метрах от могилы самого Игоря-Северянина можно видеть могилу лжедочери поэта Валерии Игоревны Северяниной, урожденной Валерии Порфирьевны Кореневой.

Дочь поэта Валерия, рождённая в 1913 году вне церковного брака, не смогла унаследовать ни родовую фамилию отца, ни тем более его псевдоним. Она до смерти писалась по матери Семеновой. Жена поэта Фелисса Михайловна Круут тоже не стала Северяниной, а всю жизнь была Лотарёвой.

Общеупотребительную традицию написания псевдонима без дефиса из уважения к поэту следует переломить. Он сам так придумал, и мы должны уважать его авторские права.

Следует признать, что псевдоним «Игорь-Северянин» как оберег и мифологема является исторической частью (фактом) культурного и литературного процесса в России в начале XX века.

Все, в моей квартире на Vakaduse, 3 в
Narva-Yozsi принадлежало, в том числе
и рукописи, принадлежащие Сергею Борисовичу
Коренди (без права кому-либо передать), это я
и удостоверяю своей подписью.

Narva-Yozsi.

9 марта 1940 года.

Сергей - Серафим (Лотарев.)

Еще раз подтверждаю, что все
мои рукописи, книги, космические книги
и все обстановки квартиры в Narva-
Yozsi, Vakaduse, 3 принадлежат
после меня исключительно моей
жене по советам Вере Борисовне
Коренди. Тому же никому этих
вещей не уступать и с претендующими
на них судиться по всем инстанциям.

Сергей - Серафим
(Лотарев.)

Paide,

25 октября 1940.

Лик и личина

Мне приходилось работать с разными фотографиями Игоря Северянина, в подавляющем большинстве с подлинниками. В прессе и в книгах чаще всего встречаются ужасные по качеству копии. Иногда это фотографии для удобства верстки перелицованные справа налево, но даже на них поэт узнаваем. Через зерно и ретушь пробиваются узнаваемые черты лица, чего не скажешь о рисованных портретах. По счастью образ поэта не настолько стилизован, чтобы его можно было узнать в любом исполнении по бровям, носу и характерным морщинам, как безошибочно мы узнавали Ильича по усам, бороде и лысому черепу. Этот персонаж узнаваем в любых национальных вариантах: узбек, казах, якут, эстонец, финн, et cetera. Однако сейчас не о нём.

Левый верхний портрет Игоря-Северянина → сделан известным фотохудожником и предсказателем Евгением Финком в Риге в последних числах октября 1930 года. Финк сделал шесть фотографий: четыре портрета Игоря-Северянина, портрет его жены Фелиссы Логарёвой и семейный портрет. Портрет справа исполнила некто Т.Неклюдова, оформлявшая в 1995 году сборник стихотворений Игоря-Северянина для издательства «Феникс». Скажите зачем?

Внизу слева рисунок Алексея Елисеевича Кручёных, полагаю, с натуры. Справа фотография, подаренная поэтом жене, названная им «экстаза» с припиской на обороте, что таким его редко, кто видел. Рисунок Кручёных был кем-то перечёркнут накрест. Я убрал обе жирных черты, вернув ему первоначальный вид. Ведь можно же редактировать аккуратно и обоснованно, не забывая объяснить, что именно с оригиналом сделано вами! При всей экстравагантности Алексея Елисеевича, он сумел запечатлеть главное (важное, характерное, узнаваемое), что подтверждается более поздней фотографией.

Сравните халтуру Неклюдовой с двойным портретом Игоря Северянина и Алексея Масаинова, который выполнила не очень известная художница Лидия Михайловна Костриц для альманаха «Мимозы льна», изданного в Петрограде в начале 1916 года.

Ужас в том, что Неклюдова не одинока в своих *творческих исканиях*. Случайные иллюстраторы — вообще никому не подсудные бандиты. По произволу отрезают и ретушируют, удаляют или добавляют детали, произвольно датируют, вырезают «лишних» персонажей, и т.п. Самый тяжкий грех — выворачивание портретов наизнанку по типу элфи. В мужской одежде почти всегда есть подсказки, а с женщинами просто беда! Верх наглости, когда на заднем плане «забывают» отзеркаленные надписи.

Обратите внимание на двойной портрет, который был сделан осенью или зимой 1915 года. Лидия Костриц отнеслась к порученному ей делу со всей серьезностью, несмотря на то, что портрет и оформление обложки альманаха были заказаны ей вымышленным издательством «АМИС» — А(лексей)М(асаинов)И(горь)С(еверянин)

Разумеется, Лидия Костриц слегка польстила обоим оригиналам и подровняла их возраст – Масаинова чуток омолодила, Игоря Северянина сделала чуть постарше. На портрете оба поэта выглядят солидно и целеустремленно. Однако если отбросить комплименты, то

оба они не просто узнаваемы — оба живые люди. Теперь, когда я хорошо знаю иконографию Игоря-Северянина, я с уверенностью могу сказать, что портреты выполнены с натуры.

И форма, и антураж двойного портрета выбраны не случайно — это форма старинной камеи. Фоном внутри медальона служит ночное звёздное небо. Над головой Масаинова Полярная звезда, а над Игорем-Северяниным яркая комета с характерным светящимся хвостом — детали, подчеркивающие звёздный статус обоих персонажей. Лидия Костриц польстила обоим поэтам, но не исказила образы.

Я обхохотался, когда на северянинском сборнике, изданном двумя докторами наук (!), вместо портрета Игоря-Северянина обнаружил фотографию тенора из миланского La Scala Виктора Журова. А ещё иллюстраторы часто путают поэта с писателем Оскаром Уайльдом. Отдалённое сходство есть, но ведь не близнецы-братья!

Вымаранные автографы

После того, как брак супругов Лотарёвых фактически распался, Фелисса предприняла некоторые меры для того, чтобы оградить свою личную жизнь от постороннего вмешательства в будущем. Меры эти, в частности, коснулись некоторых автографов поэта, которые, по ее мнению, носили излишне интимный характер.

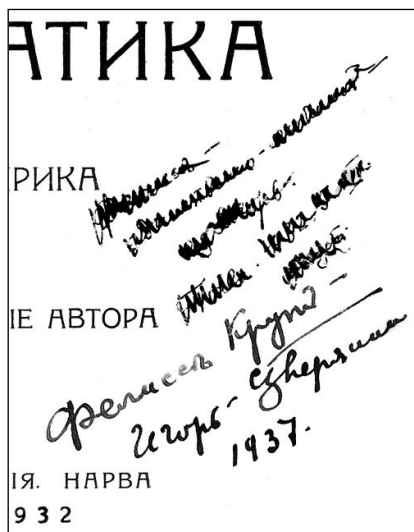
Впервые я увидел вымаранный автограф на сборнике «Адриатика» в Тартуском литературном музее. Криминалисты из ВНИИ МВД СССР пытались прочесть его, но без энтузиазма: тогда считалось, что текст, сделанный черными чернилами и вымаранный аналогичным красителем, прочтению не поддаётся.

Правда существовала технология, которая в докомпьютерный век была изрядно канительной. При условии, что вымаранный фрагмент все же сохранил элементы текста, изготавливался негатив в формате 18 на 24 см. Белой краской на негативе замазывали все, что не относится к тексту. И так повторялось до тех пор, пока не проявлялся (угадывался) сам текст или его фрагменты.

Позже, когда я уже хорошо знал почерк поэта и содержание других автографов, мне удалось прочесть то, что было вымарано на титульном листе «Адриатики»: «Фелиссе — единственно любимой — Игорь. — Тойла. 1932 август». С «Адриатикой» все кончилось благополучно: Игорь-Северянин вновь подписал ее Фелиссе в 1937 году, когда их отношения стали менее напряженными.

В Тартуском литературном музее, где хранится рукописный фонд поэта и библиотека семьи Лотаревых, я прочел вымаранный автограф на сборнике «*Crème des violettes*»:

«Если бы ты, Ти-Ти попробовала когда-нибудь ликер, именем которого названа эта книга, ты не пила бы больше никогда никакого другого. И... может быть, прочтя эту книгу, ты не захочешь

читать никогда и [моих]: ведь она, как мой фиалковый ликер!..
Игорь.— *Tartu 10.XII.1921*».

Но больше всего я горжусь тем, что мне удалось прочесть посвящение Фелиссе на сборнике «Менестрель». Посвящение написано в форме сексты — придуманной поэтом стилистической формы:

Фелиссике

Мы вернемся к месту нашей встречи,
Где возникли ласковые речи
Где возникли чистые мечты,
Я, увидев нашей встречи место,
Вспоминаю дни, когда была невеста
Ты, моя возлюбленная, ты!

Берлин, 14.XII.1922 Игорь. —

Фарисей

«Исследователь» биографии Игоря Северянина с библейским именем Лазарь полагает, что *«религия в жизни Северянина имела определенные рамки и формы»*. (Л.Городницкий «О бессмертье своем не забочусь. Рассказы, очерки, эссе об Игоре Северянине». Ганновер. 1999.) Замечание священника Сергея (Положенского), которым укрепился Лазарь Городницкий, о том, что поэт никогда не был в церкви, никогда не исповедовался и не причащался, не поддерживал разговоры о Боге, относится к началу двадцатых годов прошлого века, когда поэт всё ещё находился

под обаянием вербены.

Но мы-то знаем, что это не отец Сергей, а юноша Положенский принял в свите короля поэтов титул «Принца роз». В короткий период личного общения Положенского с поэтом их отношения носили вполне светский характер. Естественно, что «король» отказывался обсуждать с «принцем» интимные аспекты веры.

В 1921 году Игорь Васильевич венчался в Тарту в Успенском соборе. Его невеста Фелисса отказалась от лютеранства и перешла в православие. Сын Вакх был крещён в православном приходе

Тойла-Ору. Увы, храм до наших дней не сохранился. В 1925 году написан роман в стихах «Рояль Леандра», в котором церковная тема присутствует и даже в избытке. В двадцатые годы поэт часто совершает пешие паломничества в Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь. Одно из таких паломничеств он совершил вместе с поэтом Арсением Формаковым. Зачем-то ведь он это делал, хотя его там и не привечали как российскую знаменитость?

Выпячивая в творчестве поэта человеческую тему, фарисеи намеренно смешивают религиозное чувство, по сути — веру, и его внешние проявления — религиозность. С внешними проявлениями они бы ещё примирились, но вера их смущает. В «Записной книге И.В.Лотарева» есть набросок стихотворения «Я мог родиться только в России...», в котором поэт свидетельствует:

Во мне всё русское сочеталось
Религиозность, тоска, мятеж,
Жестокость, пошлость, порок и жалость,
И безнадёжность, и свет надежд.

Даже внешние проявления религиозности пугают нынешних фарисеев безмерно, поэтому крест на могиле поэта заменили сначала табличкой, а затем надгробием, на котором распятый Иисус с украденным крестом был стыдливо спрятан на тыльной стороне памятника, а после и вовсе украден.

Наглая небрежность

Игорю-Северянину принадлежит афоризм «*Плохой корректор — нож в горле автора*». В 1915 он имел в виду дореволюционные издания, количество принципиальных опечаток в которых вполне ещё укладывалось в норму. Рекордным же по количеству опечаток стало прижизненное издание сборника «Менестрель» (Берлин, 1921). В записной книжке поэта найдём ироничный набросок:

Мне снится книга без ошибок
О, корректуры идеал!
За этот сон сказать спасибо, —
Когда поэты без ошибок, —
Мне хочется (...) улыбок
Как сон (...) гибок (...)
Сам в смокинге, — без одеял!..
Во сне лишь — и книги без ошибок,
И корректуры идеал!..

Игорь-Северянин не мог знать, что 70 лет спустя его сочинения в пяти томах издадут учёные потомки В.А.Кошелев и В.А.Сапогов, которые превзойдут *наглую небрежность* берлинского издателя. Они не только добросовестно воспроизведут почти все прижизненные опечатки в книгах Игоря-Северянина, но и добавят к ним свои. Освящённые копирайтом опечатки Кошелева и Сапогова гуляют по России и множатся в интернете.

Так, например, в «Менестреле» Кошелев и Сапогов переименовали дикую опечатку берлинского издателя «Снежинки Польши» в «Снежинки Польши», хотя в рукописи поэта значится название раздела «Снежинки польни». Шавли (Шауляй) переименовали в Шавису, город Великая Кикинда — в Кикиду, эстонскую деревню Вяйкюла — в совершенно невообразимый Вёлкулун и так далее. Даже помянутый выше афоризм Игоря-Северянина Кошелев и Сапогов умудрились переименовать в свою пользу: *«Плохой характер — нож в горле автора»*.

«Дочь поэта принадлежит Вечности!»

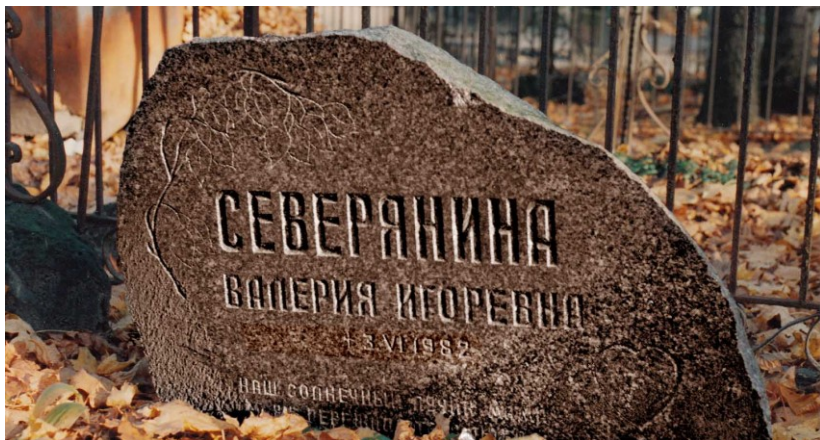
Валерия Игоревна Северянина, урождённая Валерия Порфирьевна Коренева, умерла на восемь лет раньше матери. Вера Борисовна тщательно скрывала от поклонников Игоря-Северянина дату рождения дочери. Однажды я спросил её, почему на памятнике дочери есть только дата смерти, но нет даты рождения:

— *Такова была его воля*, — просто ответила Вера Борисовна — *дочь поэта принадлежит Вечности*.

Чья воля? У поэта уже была дочь Валерия 1913 года рождения от Елены Яковлевны Семеновой, названная так в честь Валерия Брюсова. Кто станет давать двум своим дочерям одинаковые имена?

Была ещё одна важная причина, по которой Вера Борисовна скрывала дату рождения дочери — 6 февраля 1932 года: отсчитав девять месяцев назад, можно довольно точно установить начало и культуминацию предполагаемого романа с поэтом. Вера Борисовна точно знала, что подсчёт будет не в её пользу. В апреле-мае 1931 года Игорь-Северянин безвыездно сидел в Тойла, где не было места тайным свиданиям. В Тойла поэт был на виду у всего посёлка.

Отличная иллюстрация к чему приводит вытравленный из псевдонима дефис и опрошение псевдонима до оригинальной фамилии. Внук Веры Борисовны Игорь Северянин-младший был известен в городе, как завсегда пивных и вытрезвителей. Интересно, оставил ли он потомство?

Могила Валерии Порфирьевны Кореневой, рождённой 6 февраля 1932 года.

Вера Борисовна с внуком Игорем Северяниным-младшим
(сын актёра Олега Мирова и Валерии Кореневой). Судьба внука неизвестна.

История книги

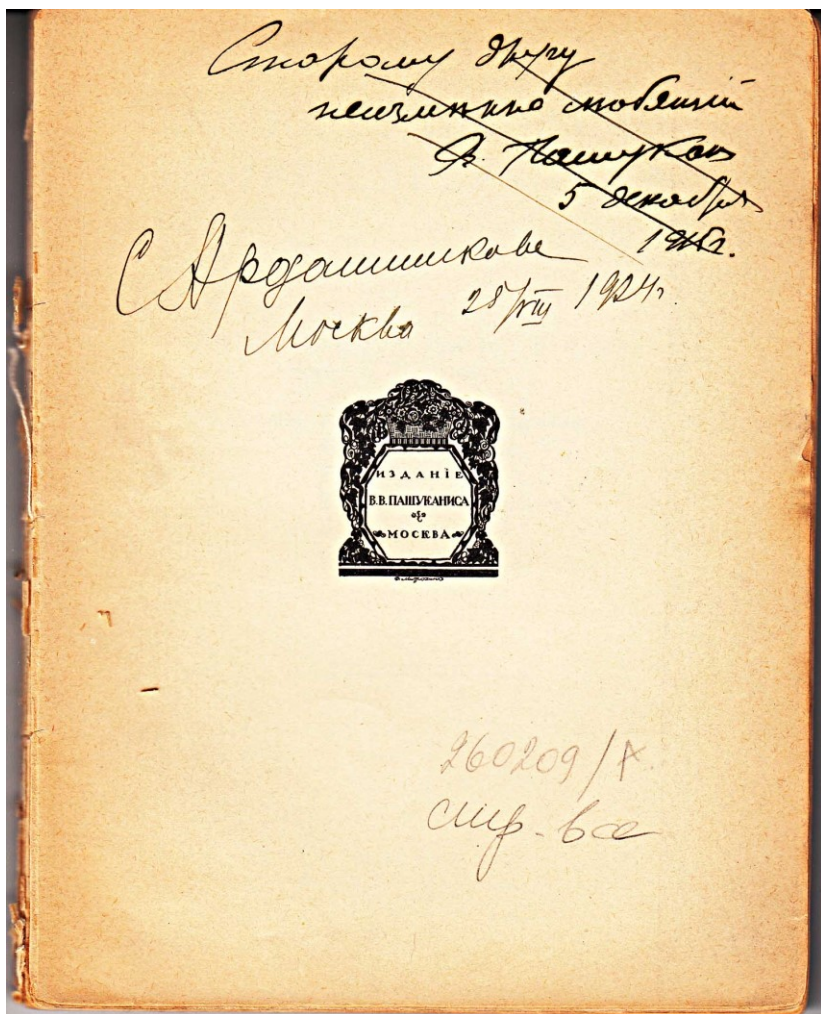
Во всем, что касалось издательской деятельности Игорь-Северянин был педант, и даже слишком. Вёл библиографию, подсчитывал тиражи и количество строк, отправленных в газеты. Вёл концертную хронику. Учитывал переводы и переложения на музыку. Дружки подсмеивались: *шатенный трубадур*... и бухгалтерия!

Однако нам *бухгалтерия* весьма любопытна. Откуда бы мы, например, узнали, что первое издание «Громокипящего кубка» вышло в свет 4 марта 1913 года. В 2013 году событию исполнилось 100 лет, в 2023 году 110 лет, и так далее. Книга поистине великая, до революции выдержавшая 10 изданий тиражом 31 348 экземпляров — абсолютный рекорд Серебряного века русской поэзии. Удивительное дело, подбор стихов случайный, всё перемешано — что должно было попасть не попало, чего быть не должно в наличии. Был бы и одиннадцатый тираж, но случилась революция, две войны. Рукопись побывала в руках у Веры Коренди и Фелиссы Лотарёвой и оказалась в Литературном музее в Тарту, где ждёт своего издателя. Ждёт терпеливо.

Была на моей книжной полке загадка: издание Викентия Пашуканиса «Критика о творчестве Игоря Северянина» в двух экземплярах, но с разными портретами поэта. Оба портрета сделаны на Невском 20 в фотоателье Елены Лукиничны Мрозовской. Но дело не в портретах, а в перечёркнутом автографе Викентия Викентьевича Пашуканиса: *«Старому другу неизменно любящий В.Пашуканис 5 декабря 1915 г.»*

Проблема в том, что в первом томе собрания поэз Игоря-Северянина в издании Пашуканиса, который вышел в свет 20 ноября 1915 года, есть анонс «Критики», а на самой книге годом издания значится 1916-й. Меня долгое время занимало имя вычеркнутого *старого друга*, несовпадение дат, наличие двух разных портретов. Полагаю, что имя друга расстрелянного Пашуканиса навсегда останется загадкой. С портретами есть надежда разобраться когда-нибудь случайно. А вот с датами всё прояснилось — «Критика» была напечатана впрок:

«С Северянином я окончательно разорился: надоело выдавать авансы, что можно было напечатать, я напечатал в запас и могу теперь 8-10 месяцев торговать с I по IV томами. Вот почему <...> я беспрекословно высылал деньги, чтобы покойно закончить печатание III и IV тома, а теперь довольно капризов, телефонных вызовов, сидения в уборных — всего ухаживания, на которое так падка эта знаменитость. В бытность мою <...>»

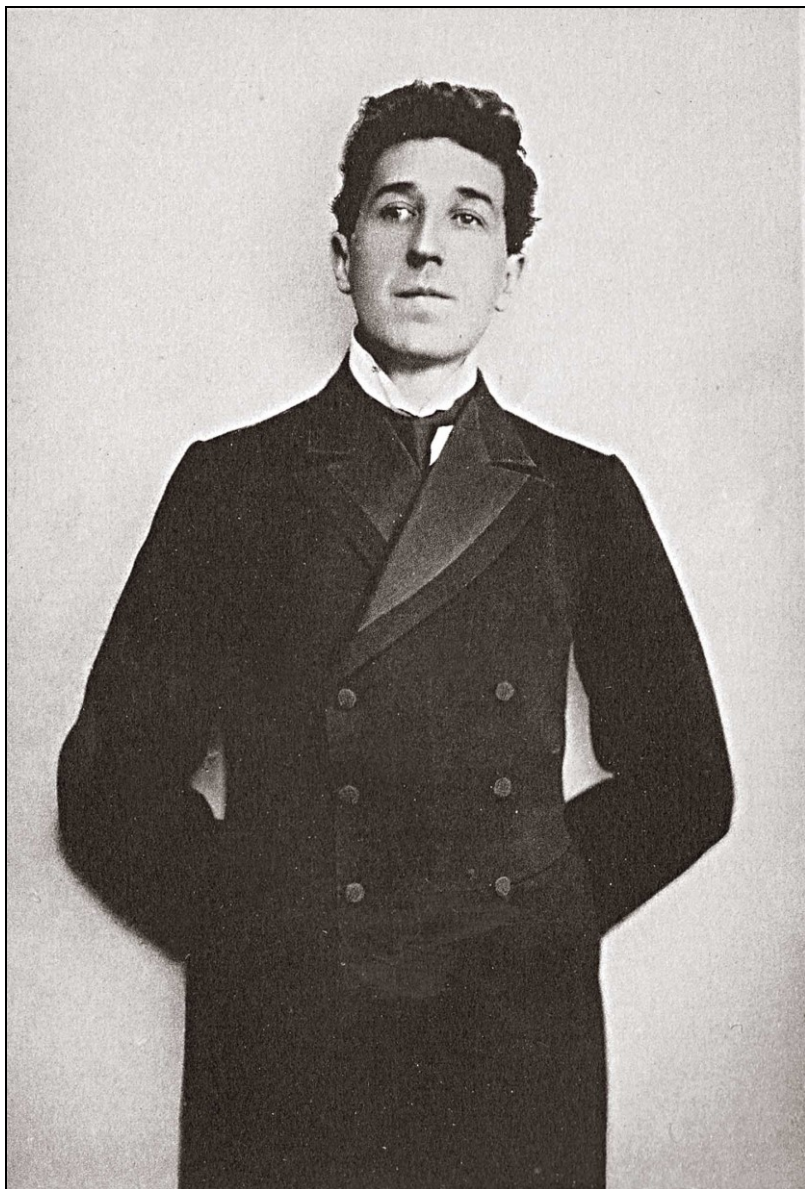

Автограф издателя Викентия Пашуканиса.
Владельческая запись 28.08.1924 на выбор — Сарры Израилевны Ардашниковой (1887-1938) или журналистки Сарры Доновны Ардашниковой (1902-1982)

Письмо В.Пашуканиса сообщено родственником издателя Андреем Николаевым. Знак <...> обозначает утрату текста в источнике. Копия в архиве автора.

«Критика о творчестве Игоря Северянина». Фото Е.Мрозовской. 1915.

«Критика о творчестве Игоря Северянина». Фото Е.Мрозовской. 1915.

«Нам нужно новых голосов». Самоубийцы.

В последний год советской власти мне довелось провести неделю в Ленинграде на выставке «Инрыбпром». На обратном пути я уговорил водителя отвезти меня в букинистический магазин на Литейном. На прилавке я увидел сборник «О Фёдоре Сологубе критика» с автографом Чеботаревской. Немецкие марки в магазине брать отказались, а до обеденного перерыва оставалось четверть часа... Попутчики ухохотались, глядя на мой забег в поисках обменного пункта.

Не спрашивайте, как, но книжку я всё же получил. Ныне — это мрачная жемчужина моей библиотеки. Кстати, «Критика о творчестве Игоря Северянина» — это слепок со сборника «О Фёдоре Сологубе критика», составленного женой Сологуба Анастасией Чеботаревской. Купленная мной книга была подарена Ивану Игнатьеву — издателю «Петербургского глашатая» и эгофутуристу:

«Этот Игнатьев, на вид нормальнейший из людей, — круглолицый краснощекий, типичный купчик средней руки, очень страшно погиб. На другой день после своей свадьбы, вернувшись с родственных визитов, он среди белого дня набросился на жену с бритвой. Ей удалось вырваться. Тогда он зарезался сам». (Г.Иванов. Петербургские зимы.)

Книга подарена в 1913 году, а самоубийство Игнатьева случилось в первой половине января 1914 года. А вот как печально закончилась жизнь Анастасии Чеботаревской.

«У одного из домов на набережной, около водосточной трубы, я заметил небольшое рукописное объявление: «Миллион рублей тому, кто укажет...» Заинтересовавшись, я стал читать: «где находится женщина ... ушедшая вечером... в платке». В конце адрес и подпись: Федор Сологуб. Что за ерунда! Потом вспомнил, что рассказывали в Москве. Анастасия Чеботаревская, жена Сологуба, ушла из дома и бросилась в Неву в припадке психического расстройства. Сологуб, как сумасшедший, бегал по всему городу и расклеивал свои объявления, не верил в её смерть и каждый день, садясь за стол, накрывал для неё прибор». (Михаил Зенкевич. Эльга.)

Мрачный подарок одного самоубийцы другому приправлен оптимистической строкой из Игоря-Северянина:

Увы! — Пустынно на опушке
Олимпа грёзовых лесов...
Для нас Державиным стал Пушкин,—
Нам надо новых голосов.

«Эгофутуризм. Пролог».

Талантливому Игнатьеву
Милому Ивану Васильевичу...

съ особеннымъ удовольствіемъ
очлаю эту книгу.

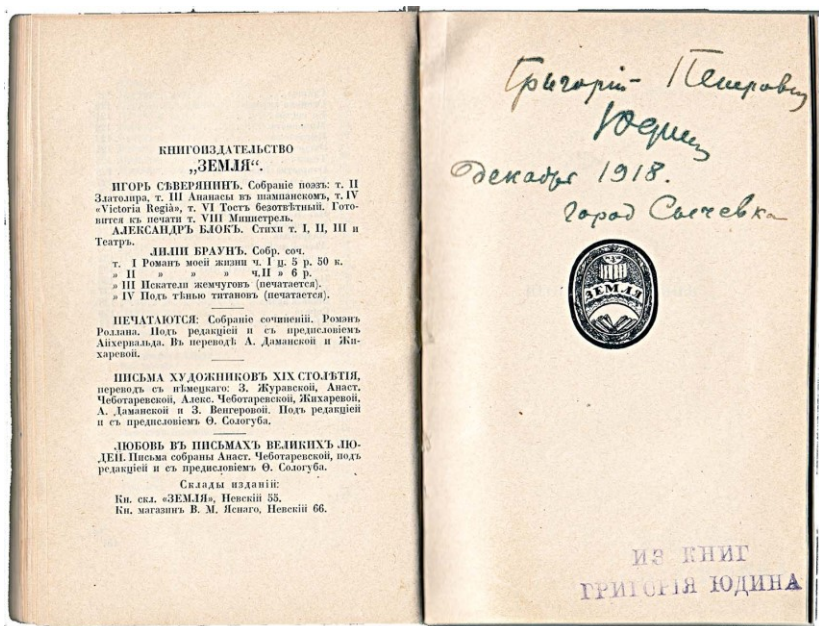
Ана Чеботаревская

1913. СПб.

„ Намъ нужно новыхъ голосовъ! „

Талантливому Игнатьеву Милому Ивану Васильевичу с особенным удовольствием Ана Чеботаревская 1913 СПб
«Нам нужно новых голосов!»

Конволют артиста Юдина

Эта метелинка, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к поэту, потому что относится исключительно к его поклоннику, сформировавшему конволют.

В нашем случае конволют — это сборник из четырёх книг Игоря-Северянина, вышедших в свет в Петрограде в 1918 году в издательстве «Земля». Книги имеют общий любительский переплёт, соответствующий времени. Конволют состоит из четырёх книг: т. II «Златолира», т. III «Ананасы в шампанском», том IV «Victoria Regia» и т. VI «Гост безответный». Отсутствуют I-й и V-й, т.е. «Громокипящий кубок» и «Поэзоантракт». Права на «кубок» получил издатель Викентий Пашуканис, права на «антракт» остались в собственности автора.

Конволют интересен тем, что все книги имеют владельческую запись: штамп «Из книг Григория Юдина», а также инскрипт чернилами «Григорий Петрович Юдин декабрь 1918. Город Сычевка». Более того, в конволют была вложена фотография хозяина Г. Юдина. Не часто в книгах встречаются портреты хозяев. И уж совсем нечасто встречаются *говорящие* портреты: «*Оп. С. И. Зимина Г. Юдинъ*» Название мастерской не вычитывается, но год виден отчётливо — 1915.

Таким образом владелец конвоята — это артист оперы Сергея Ивановича Зимина. Театральный деятель и меценат Зимин основал частную оперу в 1904 году. Представления давали на сцене театра «Аквариум» на Каменноостровском проспекте. Опера Зимина пользовалась серьёзным успехом. Любопытная деталь: в государственных театрах артисты традиционно *служили*, в опере Зимина — *сотрудничали* или *работали*, например, Фёдор Шаляпин и Леонид Собинов.

Бывал ли у Зимина Игорь Лотарёв, нам не ведомо, но зато он был завсегдаем в оперной антрепризе Церетели, который снимал зал Консерватории.

И вновь любопытно: начинающий поэт слышал у Церетели практически всех, кто параллельно работал у Зимина, включая европейских знаменитостей. В романе «Падучая стремнина, находим:

В те годы я бывал ежевечерне
В театрах, преимущественно в зале
Консерватории, где Церетели
Держал большую оперную труппу.
Я музыку боготворю не меньше
Поэзии, и удивляться надо ль,
Что посещение оперы являлось
Потребностью моей необходимой.
В сезон поста великого, у Гвиди
Я слушал итальянцев с упоеньем.
По воскресеньям даже дважды в день я
Ходил в театр: и вечером, и утром. (...)
Там удалось прослушать «Джиоконду»,
Чтоб временно увлечься Понкиелли,
Где так неподражаем Титто Руффо...
Да, имена там были звездоносны:
Певала там и Лидия Берленди,
И Баронат, и Гай с Беллинчиони,
И Арнольдсон с Ансельми, Баттистини,
И Собинов, и Фигнер, и Клементьев.
Липковская там делала карьеру,
И Монска промелькнула метеором,
И упояла нас колоратурой
В «Титании» кудесница Ван-Брандт.
Она была великою малюткой,
И это имя — целая эпоха
В моих переживаниях музыкальных.

Однако вернёмся к Зиминому. На фото ← Сергей Петрович Юдин-второй (?), начинавший свою оперную карьеру в Большом театре. Поскольку администрация держала его на вторых ролях, назрел конфликт и в начале 1914 года Юдин переходит в частную оперу Зиминова. В опере Зиминова он быстро становится ведущим лирическим тенором и одним из признанных лидеров труппы. В «Фаусте» Шарля Гуно, «Севильском цирюльнике» Дж. Россини и ряде других постановок Юдин неоднократно выступал вместе с Фёдором Шаляпиным. В 1919 году Юдин возвращается в Большой театр, где теперь исполняет репертуар, сделав-

ший его любимцем публики в опере Зиминова.

Отсюда вопрос: если Сергей Петрович Юдин — *второй*, То Григорий Петрович Юдин — *первый*? Мы знаем много о втором и практически ничего о первом. Судя по всему, они братья. Внешнее сходство очевидно. Однако пусть эту задачку решат театроведы, я не специалист и свою роль вижу только в том, чтобы обратить внимание почтенной публики на эту *метелинку*. Полагаю, найдётся кому потянуть за ниточку из этого клубка судьбы.

* * *

Не могу удержаться, чтобы не привести ещё несколько строк из «Падучей стремнины» посвящённых известной оперной певице начала века, с которой поэт состоял в свойстве — некровном родстве через свою старшую сестру Зою, урождённую Домонтович:

И Мравина Евгения Константиновна,
Моя сестра троюродная, Сказка,
Снегурочка и Жаворонок Вешний,
В тот год дала прощальный свой концерт,
Заканчивая деятельность грустно,
С печатью смерти, со следами прежней,
Блистательной когда-то красоты.

Сон отца Сергия Положенского

В феврале 1991 года престарелый отец Сергей Положенский вместо воспоминаний об Игоре-Северянине прислал в ЦГАЛИ СССР письмо, к которому приложил несколько своих стихотворений, посвящённых поэту и его жене. В письме описан сон, в котором фигурирует Игорь-Северянин.

Однако первым, кому приснился Игорь-Северянин, был его друг Георгий Шенгели. Профессор Шенгели описал свой сон в специальном стихотворении.

Вторым был Василий Витальевич Шульгин, которому во время отсидки во Владимирской тюрьме тоже приснился сон. По утру Шуль-

гин записал в дневнике воспоминания о супругах Лотарёвых.

У сна Положенского нет даты, но я убеждён, что увидел он его в январе, скорее всего в рождественский сочельник. На чем основана такая уверенность? Стихотворение Георгия Шенгели датировано 8 января 1946 года. Очевидно, что его сон случился под Рождество. Сон Василия Шульгина и вовсе пришёлся на рождественский сочельник 1951 года. Содержание сна нам не известно, но зато есть точная дата, с которой начались его воспоминания — 7 января. Так что, сон отца Сергия, вероятно, не исключение.

Положенскому приснилась большая прямоугольная и совершенно пустая зала. Слабое освещение только из стыка между стеной и потолком. Обстановка мрачная:

«Вдруг вижу, с противоположной стороны зала идёт ко мне Игорь. Вытянутый во весь свой высокий рост, в застёгнутом на все пуговицы чёрном длинном (ниже колен) стуртуке, с лицом человека, измученного какими-то страданиями, видимо, превышающими силы человеческие, и все-таки сохраняющего свою гордыню, своё непоколебимое противостояние кому-то в гордыне. Подходя ко мне, он, едва

выговаривая слова от явных страданий, как-то процеживал их сквозь зубы, говорит мне: “О. Сергей, Вы напрасно молитесь обо мне. Я чувствую себя прекрасно, и ничего другого для себя не желал бы”. Все понятно. Гордым Бог противится. И их место, где-то по соседству с дьяволом. Это — предельный ужас. Я не могу вспомнить этого сна без слез».

Видимо, сон действительно был настолько ужасен, что православный священник вдруг ударился в экуменизм и сектантство:

«Призываю всех вас, православных и католиков, протестантов и всех сортов сектантов, верующих и безбожников — молиться о упокоении души раба Божия Игоря, подавать записки в церквах для поминовения в алтаре. И вообще молиться, молиться и молиться. Это главное сейчас для Игоря. Его земная история — пустяки».

В поэме Игоря-Северянина «Роса оранжевого часа» есть описание сна, с которым удивительным образом перекликается сон отца Сергия:

... Я видел в детстве сон престранный:
Темнел провалом зал пустой,
И я в одежде златотканной
Читал на кафедре простой,
На черной бархатной подушке
В громадных блестках золотых...
Аплодисменты, точно пушки,
В потемках хлопали пустых...
И получалось впечатленье,
Что этот весь безлюдный зал
Меня приветствовал за чтение
И неумолчно вызывал...
Я уклоняюсь от трактовки
Мной в детстве виденного сна...

Тарту, 28 октября 1918. После победной битвы в Коммертс приветствуем Игоря. Аугуст Гайлит, Йоханнес Семпер, Мариэ Ундер, Хенрик Виснапуу, Рихард Рохт, Фридеберт Туглас».

Интеграция

Мы зачастую ищем интеграционные мотивы для того, чтобы соединить то, что давно срослось в единое целое.

Игорь-Северянин — великий русский поэт, чей дар не умер на чужбине, а расцвёл пышным цветом. Благодарить за это мы должны жену-эстонку и местное литературное окружение: Генрика Виснапуу, Фридеберта Тугласа, Мариэ Ундер, Артура Адсона, Алексиса Раннита, Валмара Адамса, Аугуста Гайлита, издателей Бергмана и Сарапа, эстонских композиторов, музыкантов, врачей, профессоров и студентов. Помимо переводов из Виснапуу, Ундер и Раннита он перевёл и опубликовал первую (!) антологию эстонской поэзии на русском языке.

В этом нет никакого преувеличения. Вот несколько строк из письма Игоря-Северянина к Ирине Борман по поводу вечера, устроенного 5 марта 1932 года Эстонским общественным собранием «Ильмарине»:

«В Нарве все было ничего себе: и зал, и бал, и отэль. Публики было 250, причём русских, как и следовало ожидать, около пяти... Культурный град, что и говорить!»

No comments.

Актив Русской партии Эстонии у могилы Игоря-Северянина.
Слева памятник на могилах М.Штерк и М.Пневской.

Могила поэта

Когда у поэта в мае 1941 года в Усть-Нарве случился сердечный приступ, то он просил Веру Борисовну Коренди, отпустить его умирать в Тойла. Игорь-Северянин любил Тойла и хотел найти там последний приют на сельском кладбище рядом с могилой матери.

Коренди увезла поэта в полубессознательном состоянии в Таллинн. Когда Игорь-Северянин умер, то родственники Веры Борисовны не разрешили похоронить его в семейной ограде, и гроб с телом поэта закопали в чужой ограде, где упокоились две Марии — Мария Николаевна Штерк (†1903) и Мария Фёдоровна Пневская (†1910).

Вера Борисовна утверждала, что обе Марии — Штерк и Пневская — это близкие родственницы поэта. В просторной ограде их общий памятник занимает третью часть площади. Кладбище старое, вполне вероятно, что участок справа тоже был освоен. Реальная могила поэта накрыта только правой половиной современного памятника и таким образом между ней и соседней могилой есть место ещё для одного захоронения. В молитве, посвящённой Достоевскому читаем:

Благочестивого монастыря
Гостеприимство радостно вкушая
Я говорю: Жизнь прожита большая,
Неповторяемая на земле!
Всё находимое порастерял
И вот слезами взоры орошая,
Я говорю: Жизнь прожита большая...
Проговорил — и сердцем обомлел:
Большая жизнь, сколькога не знал!
Мелькают страны, возникают лица
Тех, о которых некому молиться,
Кто без молитвы жил и постарел...
Чем дольше жизнь, тем явственней сигнал...
С кем из безвестных суждено мне слиться?
О всех, о ком здесь некому молиться,
Я помолось теперь в монастыре...

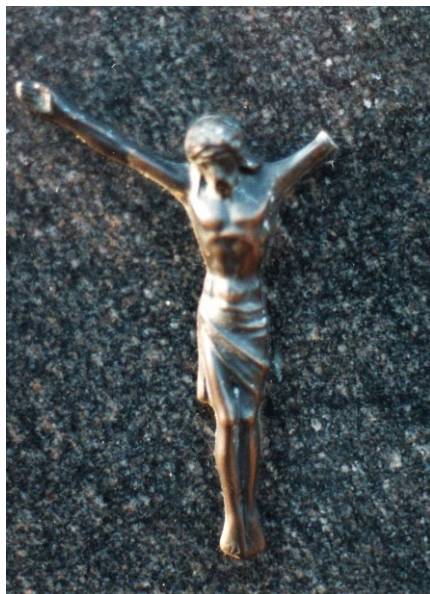
И похоронят как Суворова

В декабре 1941 года на могиле Игоря Васильевича Лотарёва был поставлен простой деревянный крест. После войны стараниями литератора Валентина Рушкиса крест исчез, но появилась известная мраморная табличка с цитатой из стихотворения «Классические розы». Вместе с крестом исчезло и гражданское имя: «Поэт Игорь-Северянин» — так аттестовал усопшего Рушкис.

В декабре 1992 года могилу поэта накрыли тяжёлым *полутора спальным* надгробием-домиком работы скульптора Ивана Зубака. По странной прихоти автора, распятый без креста бронзовый Иисус был помещён на тыльной стороне надгробия, и охотники за цветным металлом быстро оторвали ему одну руку, а вскоре исчезла и вся фигура. Вслед за крестом и гражданским именем у поэта украли жизненное призвание и теперь под нелепым надгробием лежит некто Игорь-Северянин.

С этого момента начинается мистика. Поэт хотел умереть в Тойла и быть похороненным на тихом сельском кладбище рядом с могилкой матери. Однако Вера Борисовна потащила его в Таллинн. Даже в её описании эта поездка была для поэта настоящей пыткой: он лежал на полу в проходе, потом начальник поезда нашёл для него место в купе. В Таллинне поэта не захотела взять карета скорой помощи, а тётки Веры Борисовны отказались принять её вместе с поэтом в своей квартире (Тартуское шоссе, 35\2, второй этаж, дом сохранился).

Когда поэт умер, зло-
вредные тётки Запольские не
дали похоронить его на семей-
ном участке, хотя место было.
Вот так и нашлась ограда с
двумя Мариями. В стихотво-
рении «Мои похороны» поэт не
угадал время года: не май или
даже июнь, если судить по об-
летевшему цветку яблонь, а де-
кабрь. И не мотор для ката-
фалка, а скромная телега. Ни
оркестра, ни приличествующих
случаю речей. Только две жен-
щины — венчаная жена и жена
по совести, да эстонский писа-
тель Юхан Яйк, взявший на
себя похоронные хлопоты.
Плюс сырая декабрьская пого-
да, нечто усреднённое между
тёплой зимой и холодной осенью.

Меня положат в гроб фарфоровый
На ткань снежинок яблоневых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

Не повезут поэта лошади, —
Век даст мотор для катафалка.
На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка.

Зато поэт угадал с другим. После столетия, когда собирали деньги на памятник, северянинское общество окрысилось на меня за предложение вернуть на могилу простой крест. Так что нынешнее надгробие в натуре меня сильно разочаровало. Однако я примирился, потому что в это полутора спальное сооружение были вложены и мои гонорары за газетные статьи о поэте. А вот теперь посчитаем, что сбылось в пророчестве.

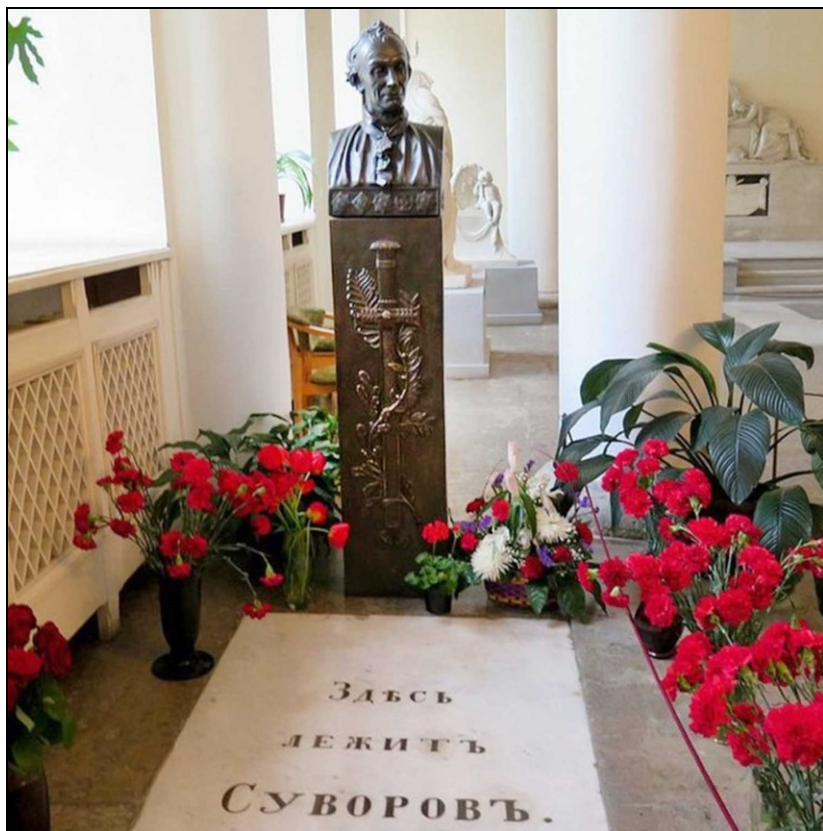
Во-первых, с кем из безвестных суждено мне слиться — надгробие накрыло и могилу поэта, и могилу неизвестного, расположенную ближе к памятнику двум Мариям.

1987 год.

2023 год.

Во-вторых, и похоронят как Суворова — на могильной плите гениального полководца лаконичная надпись: «Здесь лежит Суворов». Упомянув Суворова, поэт рассчитывает, что его собственной гениальности хватит на лаконичную надпись: «Здесь лежит Игорь-Северянин». На памятнике работы Ивана Зубака мы видим ещё более лаконичное: просто «Игорь-Северянин». Помню, как меня смутило распятие без креста на тыльной стороне монумента. Кто-то едко заметил, что крест украли. Потом Христу отломали руку и украли самого.

И в-третьих, кладбищенские сталкеры придумали, что в начале аллеи, на которой похоронен поэт, до войны видели могилу одной знатной дамы. За деньги российского посольства они поставили ей мерзкий по исполнению и форме кенотаф, но! —

«Здесь лежит внучка Суворова».

После перечисления дедовских титулов, на которые Варвара Аркадьевна вдова Башмакова, будучи во втором замужестве княгиней Горчаковой не имела права, для имени, отчества и уточнения просто не хватило места. Вот так весьма незамысловато княгиня Горчакова жена полного генерала Андрея Ивановича Горчакова 2-го стала частью чужого сбывшегося пророчества.

Поэт и газета «Сегодня»

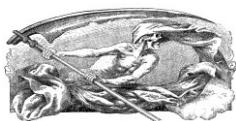
Редактор рижской газеты «Сегодня» Михаил Мильруд хвастался на *литературном завтраке* тем, что платит Игорю-Северянину небольшую пенсию с условием не присылать своих стихов в газету. Критик Пётр Пильский заметил по этому поводу:

— Да, страшное дело для поэта пережить себя и умереть ещё при жизни.

Муж поэтессы Ирины Одоевцевой Георгий Иванов предложил тост за посмертную славу Игоря-Северянина:

— Кто же мог подумать, что Гумилев так посмертно прославится?

Выпили — точно так пьют теперь *новые русские*, после панихиды по ещё живым конкурентам.

Ананасы в шампанском

Многие пытались повторить рецепт знаменитых *ананасов в шампанском*, но раз за разом совершали одну и ту же ошибку: свежий ананас, а особенно недозревший, помещённый в шампанское обладает едкими свойствами, обжигает губы, раздражает стенки желудка и действует не как аперитив — «Увертюра», — а как сильное слабительное. В составе зрелого плода лимонная и аскорбиновая кислоты сбалансированы, но, увы, они плохо сочетаются с газами, так что удовольствия не получите, но гарантированно проведёте время в местах уединения.

В апреле 2022 года в Череповце актриса Мария Третьякова устраивала в местном музее вечер поэзии «Ананасы в шампанском». И мы решили, что это будет не просто вечер поэзии, а настоящее *soirée* — званый вечер со знаменитым напитком. Пока Мария развлекала гостей стихами я готовил *soirée* — шампанский апофеоз.

Днём пришлось изрядно поколесить по Череповцу в поисках подходящих бокалов. Ну, не разливать же шедевр в пластиковые стаканчики! Бокалы нашлись и с ананасами проблем не было.

«Ананасы в шампанском» — это что-то вроде холодного глинтвейна, поэтому для напитка подходят любые консервированные ананасы. В них не будет кислоты, но останется вкус и сладость. Лучше, если уже в банке они будут нарезаны кубиками.

Охлаждённое шампанское можно взять любое в диапазоне от *brut* до *demi sec*, обычное или розовое. Можно смешать разные сорта. Подойдут игристые вина, т.н. *sparkling wines*, но... Известно, что «*в мире компонентов нет эквивалентов*». Соотношение ананасов с

учётом сиропа и шампанского определяется на вкус. Секретный ингредиент — любой фруктовый или цветочный ликёр, но он не должен быть заметен во вкусе. Лёд всё испортит. Не благодарите. Дерзайте!

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрёкот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! крылолёт буеров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!

Зимний чай по-северянски

В последние годы жизни Игорь-Северянин любил чай *по-адмиральски*. В стакан с чаем добавлял вермут, после каждого глотка доливая стакан доверху. Вскоре в стакане оставался один только вермут. Был у него и собственный рецепт: в чайный стакан наливал горячий вермут с кружком лимона и пил с сахаром вприкуску.

Весенняя яичница по-северянски

Свежевыловленную весеннюю форель обжаривают на сковороде в постном масле, удаляют шкуру, косточки, заливают яйцами в количестве, зависящем от размеров сковороды. Сверху посыпают мелко нарубленным зелёным луком.

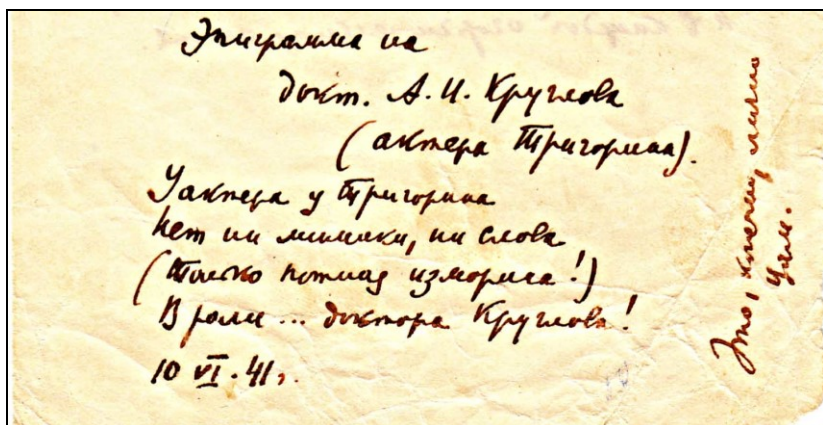
Летняя уха по-северянски

Мелкий свежий картофель в мундире уваривается до полуготовности. К нему добавляется мелкая нечищенная озёрная рыбёшка и маленькие, ну, или какие същутся лисички. В готовую уху бросают несколько колец свежего репчатого лука. Именно в готовую, чтобы лук не разварился, а только ошпарился. Соль по вкусу. Легко готовится даже на маленьком костре. На любимых озёрах у поэта на такой случай вместе с дощаниками была припрятана и пара котелков.

Злая эпиграмма

Жена по совести Вера Коренди — тоже *талантливая поэтесса*, перед продажей части архива Игоря-Северянина в ЦГАЛИ из некоторых фотографий вырезала женские персонажи и выдрала из рукописей стихи, посвящённые законной жене Фелиссе. Однако она так увлеклась, что пропустила эпиграмму на «одну провинциальную поэтессу»:

Есть — по теории
Невероятности —
В этой инфузории
Признаки опрятности.

Подарок Юрия Дмитриевича Шумакова.
В архиве автора.

Последняя эпиграмма

В Усть-Нарве Игорь-Северянина лечил курортный врач Алексей Иванович Круглов. Круглов был страстным театралом, и в местной самодеятельной труппе играл под говорящим чеховским псевдонимом Тригорин.

Игорь-Северянин всю свою жизнь считал себя *гениальным ироником*. Его последняя, едва ли не предсмертная ирония в стихах досталась доктору Круглову. Этот текст, датированный 10 июня 1941 года, — последнее, что вообще написано рукой поэта:

У актёра у Тригорина
Нет ни мимики, ни слова
(Только потная изморина!)
В роли... доктора Круглова!

От автора

Toila – Oru. За скамьей долина Святой реки — Pühaõgi. 1987 год.

Автор сердечно благодарит всех, кого это касается напрямую
и косвенно.

Читайте с любого листа, пусть ваш выбор будет
случайным как *метелинки* на ладони.

По этой причине нет
оглавления.

